Александръ Миклашевскій
Профессоръ политической экономіи и статистики.

Земельная реформа

и

Организація труда.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

Юрьевъ - Дерптъ.
Типографія К. Маттисена.
1906.

[illegible]

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“ 1906 г.

Земельная реформа и соціалъ-утописты.

I.

Русское народничество имѣетъ свою долгую и поучительную исторію. Ни одно изъ нашихъ литературныхъ направленій не пользовалось такою продолжительною и безпримѣрною популярностью, какъ именно это. Въ немъ было что то „самобытное, самодовлѣющее“ и соотвѣтствующее русской натурѣ. Съ этимъ направленіемъ нельзя не считаться и въ настоящее время. Соціальный реформаторъ долженъ хорошо знать психологію своего народа, историческій процессъ ея развитія и среди борящихся направленій особенное его вниманіе должно привлекать то, которое соотвѣтствуетъ народной психологіи.

Я еще недавно имѣлъ случай высказать въ печати мнѣніе, что русское народничество всегда отличалось широтой размаха своихъ идеаловъ и большою наклонностью къ утопизму, который такъ соотвѣтствуетъ русской натурѣ. Я позволю себѣ сказать теперь еще нѣчто, что долгое время мнѣ сказать было тяжело. Русское народничество — прямое послѣдствіе тѣхъ политическихъ условій, среди которыхъ мы долгое время жили. Современные представители этого направленія въ рядахъ своихъ имѣютъ многихъ, которыхъ можно съ полнымъ основаніемъ назвать дѣтьми соціалъ-утопизма, выросшаго въ странѣ, которая такъ долго не знала и еще теперь не имѣетъ политической свободы.

Я долженъ признать, что въ этомъ міросозерцаніи народничества не мало симпатичныхъ сторонъ. Самое распространеніе этого міросозерцанія показываетъ, что оно чрезвычайно живуче и способно пріобрѣтать симпатіи широкихъ пластовъ населенія, но бѣда въ томъ, что оно никогда не

отличалось ясностью и опредѣленностью. Если хотите, я назвалъ бы народничество даже не міросозерцаніемъ, а настроеніемъ. Это настроеніе альтруистично, въ немъ видна чистота русской души, наклонной къ благородному утопизму и часто совершенно неспособной къ реальному творчеству. Въ русскомъ народничествѣ было всегда два направленія: одно крайнее, совершенно утопическое, другое умѣренное, робѣвшее передъ суровыми требованіями развивающейся жизни и потому цѣпко державшееся и держащееся за „старину“, за якобы самобытныя русскія начала. И революціонное, и консервативное начало народничества проистекаютъ изъ одного источника; Глѣбъ Успенскій своимъ художественнымъ чутьемъ отлично вскрылъ этотъ источникъ.

Я недавно перечитывалъ статьи г. Плеханова-Бельтова[1]) о русскихъ народникахъ — беллетристахъ. Въ этихъ блестящихъ статьяхъ я нашелъ объясненіе успѣха народничества, и тѣхъ причинъ, которыя дѣлаютъ его удивительно безплоднымъ, заставляя жить „общими лозунгами“. Пониманіе этихъ причинъ должно одновременно указывать намъ и путь, который поведетъ нашу жизнь къ совершенно новымъ условіямъ организаціи труда и общественной работы. Вотъ что разсказываетъ въ одной изъ этихъ статей г. Плехановъ.

„Возвращался Г. Успенскій изъ своихъ плаваній по Каспійскому морю и, къ удивленію своему, чувствовалъ какую то странную, необъяснимую тоску. Съ пароходомъ, на которомъ онъ находился, поминутно встрѣчались лодки съ пойманной рыбой. Какая это рыба? — спросилъ онъ. Теперича пошла вобла, отвѣчали ему . . . Теперь сплошь вобла все . . . Ишь вонъ сколько ее валитъ . . . Теперича она сплошь пошла. Это слово „сплошь“ пролило неожиданный для автора свѣтъ на его душевное настроеніе. Да, подумалъ онъ, вотъ отчего мнѣ и тоскливо . . . Теперь пойдетъ „все сплошь“. И сомъ сплошь претъ цѣлыми тысячами, цѣлыми полчищами, такъ что его разогнать невозможно, и вобла тоже сплошь идетъ, милліонами существъ „одна въ одну“, и народъ пойдетъ тоже „одинъ въ одинъ“, и до Архангельска, и отъ Архангельска и до „Адесты“, и отъ Адесты до Камчатки, и отъ Камчатки до Владикавказа, и дальше до персидской, до турецкой границы . . . Все

1) Бельтовъ. За двадцать лѣтъ, Спб., 2 изд., 1906 г.

сплошное, и сплошная природа, и сплошной обыватель, сплошная нравственность, сплошная поэзія . . . Милліоны живутъ, „какъ прочіе“, при чемъ каждый изъ „этихъ прочихъ“ чувствуетъ и сознаетъ, что во всѣхъ смыслахъ цѣна ему грошъ, какъ воблѣ и что онъ что нибудь значитъ только въ кучѣ; жутковато было сознавать это . . .“ Съ своей стороны Плехановъ добавляетъ: „тутъ есть неточности. Въ Россіи нѣтъ однороднаго стомилліоннаго племени. И, однако, все это взятое въ надлежащихъ пропорціяхъ неоспоримо, совершенно, поразительно вѣрно. Русскій народъ, дѣйствительно, живетъ „сплошною жизнью“, жизнью, созданной не чѣмъ инымъ, какъ условіями земледѣльческаго труда. Но „сплошной бытъ“ не есть еще человѣческій бытъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Онъ характеризуетъ собой ребяческій возрастъ человѣчества; черезъ него должны были пройдти всѣ народы . . . И только тѣ народы, которымъ это удавалось, становились дѣйствительно цивилизованными народами. Тамъ, гдѣ нѣтъ внутренней работы личности, тамъ, гдѣ умъ и нравственность не утратили своего „сплошного характера“, тамъ собственно говоря нѣтъ еще ни ума, ни нравственности, ни науки, ни искусства, ни сколько нибудь сознательной общественной жизни. Мысль человѣка спитъ тамъ глубокимъ сномъ, а вмѣсто нея работаетъ объективная логика фактовъ . . . Эта объективная логика создаетъ часто чрезвычайно „стройныя“ общественныя организаціи. Но не обольщайтесь ихъ стройностью и въ особенности не относите ея на счетъ *людей,* которые совершенно въ ней неповинны. Они только выполняютъ тѣ обязанности, которыя на нихъ налагаетъ этотъ трудъ. А такъ какъ этотъ трудъ весь въ зависимости отъ гармоническихъ законовъ природы, то и жизнь его гармонична и полна, но безъ всякаго съ его стороны усилія, безъ всякой своей мысли . . . Къ счастью самъ Г. Успенскій говоритъ, что нашему „сплошному быту“ уже не долго „жить на свѣтѣ“.

Я совершенно согласенъ съ г. Плехановымъ. Россія находится теперь въ такомъ періодѣ своего развитія, когда „сплошной бытъ“ переживаетъ свой послѣдній день. Крушеніе самодержавія поколебало всѣ его основы. Народничество вспыхнуло своимъ послѣднимъ яркимъ пламенемъ. Оно выдвинуло всѣ свои старые боевые лозунги и подъ

ихъ знаменемъ заколебало народную массу. Этимъ оно исполнило свою историческую миссію и болѣе создать ничего не можетъ. Теперь наступитъ эпоха соціально-политической организаціи труда, которая потребуетъ громаднаго напряженія умственной и нравственной энергіи и реальной отвѣтственной работы. Надѣюсь, мнѣ не трудно будетъ показать, что земельный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ не на началахъ этого „сплошного быта“ и „сплошныхъ лозунговъ“, но на тѣхъ же основахъ, на которыхъ развивалась и развивается жизнь человѣчества въ Западной Европѣ. Начнемъ же нашу повѣсть съ анализа идей „революціонныхъ“ и такъ называемыхъ „молодыхъ народниковъ“. Ихъ ученія имѣютъ во истину такой „сплошной“ и утопической характеръ.

Народничество выступаетъ въ настоящій моментъ въ нѣсколько иной формѣ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Нѣкоторые изъ его представителей называютъ себя „молодыми народниками“, другіе же зачисляютъ себя въ партію соціалистовъ-революціонеровъ. Мнѣ удалось собрать цѣлый рядъ брошюръ представителей этихъ направленій, и наиболѣе характерныя изъ нихъ мною отмѣчены въ подстрочномъ примѣчаніи [1]).

Мы живемъ въ эпоху огромнаго распространенія политическихъ брошюръ. Съ ними нельзя не считаться. При ихъ посредствѣ можно лучше всего вскрыть настроеніе многихъ общественныхъ дѣятелей и пропагандистовъ. Хорошая сторона свободы печати именно и заключается въ томъ, что всякій имѣетъ возможность въ любой формѣ высказать свои сокровенныя мысли; обязанность лицъ, думающихъ иначе, съ полнымъ безпристрастіемъ и свободой высказать и свои соображенія. Въ этихъ брошюрахъ есть нѣчто общее, характерное и, долженъ откровенно сказать, огорчающее. Я далекъ отъ мысли искать въ нихъ

---

1) Настоящая статья написана по поводу нижеслѣдующихъ брошюръ: 1 Крестьянство и земельный вопросъ, двѣ аграрныя программы, изд. Сѣятель. 2 Хватитъ ли на всѣхъ земли, изд. Парамонова. 3. А. Рудинъ Что говорятъ русскіе соціалъ-демократы деревенской бѣднотѣ, изд Колокола. 4. Г Новоторжскій. Соціализація земли. Москва 1905 г. 5 А Пѣшехоновъ Хлѣбъ, свѣтъ и свобода. Спб. 1906 г. 6 Р. Р. Соціализація земли. Одесса, 1906 г. и 7 А. Бѣлевскій Земельный вопросъ и націонализація земли Москва, 1906 г. и по поводу статей: А Петрищевъ. Примѣнительно къ аграрнымъ погромамъ — „Современныя Записки“ 1906 г Туганъ-Барановскій Русскій крестьянинъ и соціализмъ. „Наканунѣ“ № 1 1906 г., и друг.

того спокойствія духа, которое необходимо при серьезномъ обсужденіи важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ: въ теперешнее время его и быть не можетъ. Я готовъ понять ту горячность, съ которой онѣ написаны ради защиты того, что дорого сердцу ихъ авторовъ, но я не перестану повторять, что одного чувства и настроенія недостаточно, чтобы умѣло служить своему народу. Я глубоко благодаренъ А. А Чупрову, который въ своей статьѣ по поводу книжечки г. Новоторжскаго ясно и опредѣленно сказалъ, что общественный дѣятель и пропагандистъ „не долженъ потворствовать противообщественнымъ инстинктамъ безсознательной массы". Легче всего пользоваться элементами „сплошного настроенія" массы, но этого именно и не слѣдуетъ дѣлать.

Что же объединяетъ авторовъ этихъ брошюръ и статеекъ и многихъ другихъ лицъ, имъ сочувствующихъ? Авторы этихъ брошюръ, во первыхъ, говорятъ постоянно отъ имени народа, какъ истинные представители утопическаго соціализма и отъ имени „великаго учителя Маркса", во вторыхъ, они смотрятъ на народъ, какъ утописты политической диктатуры, въ третьихъ, путемъ политическаго и соціальнаго маневра они надѣются пересоздать психологію народной массы, заставить крестьянина-собственника, этого якобы прирожденнаго мелко-буржуазнаго реакціонера, обратиться въ сторонника соціалистическихъ идей.

Безъ особаго труда я могу набрать цѣлый рядъ цитатъ, которыя вполнѣ подтвердятъ мою точку зрѣнія. Г. Туганъ-Барановскій сообщаетъ намъ, что во всѣхъ селахъ Лохвицкаго уѣзда лозунгъ: „земля для народа" понимался въ томъ смыслѣ, „что только весь народъ можетъ быть собственникомъ земли, а отдѣльныя лица могутъ лишь пользоваться землею, поскольку это согласуется съ интересами другихъ трудящихся массъ". Въ то же время онъ замѣчаетъ, однако, что, „если земля перейдетъ въ собственность крестьянства, то зажиточное крестьянство проникнется „фанатизмомъ собственности", будетъ политически реакціонно, будетъ видѣть въ соціализмѣ врага, дѣло соціализма отодвинется на много поколѣній". Теперешній же крестьянинъ вѣритъ, что „земля Божья и должна принадлежать всѣмъ". Г. Новоторжскій хотя и утверждаетъ, что „современная община есть община людей безправныхъ, темныхъ и раззоренныхъ", но увѣренъ, что „народъ стоитъ за соціализацію земли", подъ которой

самъ г. Новоторжскій понимаетъ „пользованіе огосударствленной землей свободными общинами земледѣльцевъ, не прибѣгающихъ къ наемному труду и передѣляющихъ площадь своего землепользованія въ зависимости отъ семейнаго состава черезъ опредѣленное количество лѣтъ“. Полагая, что народъ стоитъ за соціализацію земли, г. Новоторжскій однако чрезвычайно озабоченъ, чтобы у насъ не создались условія для развитія „индивидуалистическаго настроенія“. Онъ съ одной стороны вѣритъ, что крестьяне отлично сумѣютъ распорядиться землею посредствомъ разныхъ органовъ самоуправленія, что они должны имѣть ненарушимое право „сами себя облагать прямымъ поземельнымъ или прогрессивно-подоходнымъ налогомъ“, съ другой стороны, онъ считаетъ необходимымъ создать драконовскіе законы — „сильно дѣйствующія средства“, какъ онъ пишетъ, для проведенія въ жизнь аграрной реформы. По его мнѣнію, наемный трудъ въ общинахъ не долженъ допускаться, устраненіе передѣловъ онъ полагалъ дозволить только по единогласному рѣшенію; каждому желающему, по его мнѣнію, должно быть предоставлено право свободнаго выхода изъ общины „при условіи возвращенія міру надѣла“, но размѣръ вознагражденія выходящимъ онъ не считаетъ возможнымъ предоставить самимъ общинамъ, „такъ какъ онѣ могутъ „эксплуатировать“ выходящихъ членовъ, стремиться давать имъ поменьше и тѣмъ самымъ стѣснять ихъ выходъ. Правда, онъ полагаетъ, что демократически организованное мѣстное самоуправленіе исправитъ ошибки общинъ. Крестьяне будутъ посылать въ высшіе органы мѣстнаго самоуправленія лучшихъ своихъ людей, — въ особенности „при уничтоженіи класса помѣщиковъ-крѣпостниковъ и при полномъ отсутствіи утвержденій со стороны начальства“ — представителей „молодого народничества“ и гонимый нынѣ „третій элементъ“. Утверждая, что націонализація земли не только идеалъ молодого народничества, но „идеалъ всего трудового крестьянства“, г. Новоторжскій не только высказывается противъ выкупа крестьянами земли (г. Пѣшехоновъ скорбно замѣчаетъ: „чтобы было меньше „непріятностей“, землю у теперешнихъ владѣльцевъ ея, можетъ быть, придется выкупить“), но даже даетъ интересный проектъ вознагражденія владѣльцевъ „за счетъ казны по принципу расхода безъ всякаго спеціальнаго налога на крестьянъ для возмѣщенія

этого расхода". „Владѣльцы закладныхъ листовъ, какъ лица, для которыхъ націонализація земли до извѣстной степени „въ чужомъ пиру похмѣлье", могли бы быть, пожалуй, удовлетворены полностью, хотя и ихъ можно разсортировать на разряды, нуждающіеся въ вознагражденіи безусловно и относительно. Но сейчасъ, заключаетъ онъ, я не имѣю времени касаться этого вопроса" . . . „Что же касается г.г. помѣщиковъ всѣхъ сословій, то изъ нихъ можно признать право на вознагражденіе въ видѣ извѣстнаго ежегоднаго содержанія изъ казны за лицами неспособными къ труду и — за тѣми изъ остальныхъ, до пріисканія ими себѣ заработка, которыхъ націонализація земли выбросила бы буквально на улицу безъ всякихъ средствъ или для которыхъ земля, говоря другими словами, была единственнымъ источникомъ дохода. А чтобы долгое пребываніе въ качествѣ государственныхъ пенсіонеровъ было для нихъ несоблазнительно, слѣдуетъ назначить имъ *„небольшое содержаніе* и *лишить ихъ на все время полученія пенсіи, какъ лицъ, пользующихся общественною благотворительностью, избирательнаго права"* [1].

Г. Бѣлевскій утверждаетъ, что требованіе націонализаціи земли — фактъ, „съ нимъ можно не соглашаться, бороться, но это значитъ стать противъ народа". Г. Петрищевъ въ своей статьѣ въ цѣломъ рядѣ примѣчаній издѣвается надъ проф. Лучицкимъ за высказанную имъ мысль, что малороссъ стоитъ за принципъ частной собственности и противопоставляетъ ему постановленія крестьянскихъ съѣздовъ разныхъ мѣстностей [2].

---

1) „Въ этомъ предложеніи обнаруживается изумительное забвеніе демократическихъ началъ. Послѣдовательные демократы всѣхъ странъ требуютъ, чтобы лица, пользующіяся общественнымъ призрѣніемъ, не лишались по этой причинѣ политическихъ правъ", справедливо замѣтила Редакція журнала „Свобода и Культура".

2) Вообще наши народники не стѣсняются говорить отъ имени народа, но все же нѣкоторые изъ нихъ видятъ, что формулированіе его идеаловъ не такъ просто, какъ кажется Такъ напр г. К. С въ статьѣ „Крестьянскій вопросъ" (см № 6 журнала Безъ заглавія) пишетъ: „Въ земельномъ вопросѣ крестьянская мысль единодушно требуетъ „передачи земли народу", единодушно отрицаетъ право на владѣніе этой „стихіей", неосвященное приложеніемъ къ ней личнаго труда Вынесенная изъ глубины исторіи, видимо безконечно дорогая крестьянину идея „народной земли" недостаточно разработана въ качествѣ практически осуществимой, конкретной мѣры". Тѣмъ не менѣе можно указать на три формы, въ которыхъ „народная мысль" представляетъ себѣ принадлежность земли трудящемуся. Этими формами являются: 1) личная собственность, ограниченная извѣстнымъ закономъ, установленнымъ максимумомъ „семейнаго

Разбирая соціалъ-демократическую программу, полагая, что самоотверженная готовность соціалдемократовъ служить интересамъ развитія буржуазнаго общества, обнаруживаетъ только „комическую доктринерскую самоувѣренность ученыхъ метафизиковъ“, г. Р. Р. думаетъ, что противниками націонализаціи земли могутъ быть только „трезвенные легальные критики, здравомыслящіе зайцы и влюбленные въ осязательность результатовъ нелегальные хвостисты“. Защитникъ націонализаціи земли г. Рудинъ видитъ въ ней нѣчто соотвѣтствующее національному духу Россіи, и полагаетъ, что русская соціалъ-демократія, раздираемая смутой, плетущаяся въ хвостѣ и ежечасно подталкиваемая „революціоннымъ трудовымъ крестьянствомъ“, не завершила еще своей эволюціи въ аграрномъ вопросѣ, искупаетъ до сихъ поръ въ земледѣльческой Россіи грѣхи своего иноземнаго происхожденія, слѣпой подражательности и оторванности отъ родной почвы [1]). Г. Ратнеръ стремится еще ближе придвинуться къ родной почвѣ, полагая, что надо „націонализировать“ націонализацію земли: „право распоряженія государственнымъ земельнымъ фондомъ должно быть предоставлено, по его мнѣнію, мѣстнымъ областнымъ учрежденіямъ съ соблюденіемъ границъ отдѣльныхъ національныхъ областей и съ огражденіемъ вообще интересовъ отдѣльныхъ народностей“. Частновладѣльческое хозяйство, по мнѣнію большинства этихъ авторовъ, подлежитъ безусловному уничтоженію. По мнѣнію г. Новоторжскаго „уничтоженіе круп-

---

владѣнія, пропорціональнымъ душевому составу семьи“. 2) Государственная собственность на землю, при чемъ размѣръ пользовательныхъ участковъ ограничивается прогрессивно возрастающей арендной платой за каждую слѣдующую десятину, поступающую въ индивидуальное пользованіе и 3) государственная (національная) собственность на землю, при чемъ пользованіе ею опредѣляется трудовою способностью семьи. Всероссійскій крестьянскій союзъ, добавляетъ г. К. С, принялъ третью форму.“ Свои воззрѣнія онъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: „Частная собственность на землю должна быть отмѣнена; земля должна считаться собственностью всего народа; земля должна считаться общею собственностью всего народа; землею долженъ пользоваться только тотъ, кто своей семьей, или въ товариществѣ, но безъ батрацкаго труда будетъ ее обрабатывать, и въ такомъ количествѣ, сколько онъ въ силахъ обработать“.

1) „Лучшая интеллигенція поймете, пишетъ Р. Р, что съ „такою программой она измѣняетъ тому великому служенію, которое она начала со временъ Чернышевскаго, она не продастъ своего права первородства за чечевичную похлебку мертвящей мнимонаучной доктрины „неомарксизма“, въ которой не осталось и слѣда того живого содержанія, которымъ старался ее наполнить великій учитель соціализма Карлъ Марксъ“.

наго землевладѣнія — это требованіе земледѣльческаго прогресса". По мнѣнію г. Р. Р. классъ землевладѣльцевъ „худшая опора реакціи". По мнѣнію г. Тугана-Барановскаго, „самымъ опаснымъ врагомъ соціализма на Западѣ является крестьянинъ. Самымъ опаснымъ потому, что изъ другихъ общественныхъ классовъ, враждебныхъ соціализму, одни, при всей своей политической мощи, ничтожны по численности (крупные землевладѣльцы, крупная буржуазія), а другіе (мелкая буржуазія), хотя и составляютъ значительную часть населенія, но ходомъ экономическаго развитія пролетаризируются". . . „Западноевропейскій крестьянинъ, пишетъ онъ, обнаруживаетъ чрезвычайную энергію въ защитѣ своихъ правъ частной собственности Онъ совершенно (? ?) лишенъ идеализма пролетарія и энтузіазму этого послѣдняго противопоставляетъ не менѣе упорный и не окрыленный никакими мечтами о лучшемъ соціальномъ будущемъ „фанатизмъ собственности". Именно этотъ тупой, но почти непобѣдимый консерватизмъ крестьянина, вырвавшій у Маркса извѣстную фразу объ идіотизмѣ деревенской жизни, задерживаетъ ростъ соціалистическаго движенія на Западѣ". Я уже отмѣтилъ, что по мнѣнію Тугана-Барановскаго земля считается крестьяниномъ „Божьей". Тоже утверждаетъ и г. Пѣшехоновъ, который въ своей популярной брошюркѣ очень просто рѣшаетъ вопросъ о землѣ. „Лучше всего всю землю, пишетъ онъ, сдѣлать собственностью всего народа и затѣмъ давать ее только тѣмъ. кто самъ на ней будетъ работать. Кому земля попадетъ лучшаго качества, надо дѣлать *поравненіе*. Тѣ, кому достанутся лучшія земли, должны платить налогъ, который будетъ расходоваться на общія нужды. Продавать землю, сдавать ее въ аренду или обрабатывать ее батраками или вообще наймомъ, т. е. получать доходъ отъ земли, самъ на ней не трудясь, никто не долженъ имѣть права. Временныя исключенія, конечно, могутъ быть, напримѣръ въ случаѣ болѣзни или смерти работника во дворѣ, невозможности для семьи справиться со спѣшной работой. Но не въ этомъ, конечно, дѣло. Нужно только, чтобы земля не дѣлалась средствомъ для присвоенія чужого заработка. Само собою, что распоряжаться землею должны не чиновники, а выбранные самимъ народомъ люди". Вотъ образчики философіи нашихъ „націонализаторовъ". Теперь намъ необ-

ходимо подчеркнуть особенности ихъ міровоззрѣнія и доказать всю поверхностность ихъ построеній.

Я не привыкъ говорить ни отъ имени народа, ни отъ имени великаго защитника рабочаго класса Карла Маркса. Безъ сомнѣнія К. Марксъ могъ и ошибаться въ вопросахъ аграрной эволюціи, но въ тоже время я никогда особенно не довѣрялъ тѣмъ, которые любятъ говорить о „самобытныхъ“ русскихъ началахъ и о слѣпой подражательности Западу. Я очень хорошо знаю, что среди нашихъ самобытныхъ экономистовъ многіе называютъ себя соціалистами и очень мало понимаютъ въ той теоріи, о которой много говорятъ. Небезъизвѣстно мнѣ и то, что у насъ мало соціалистовъ, которые знаютъ политическую экономію.

Всякій, внимательно прочитавшій сдѣланныя выписки, легко замѣтитъ, что въ словахъ авторовъ, говорящихъ отъ имени народа, замѣтно внутреннее противорѣчіе. Съ одной стороны, они увѣрены, что народъ смотритъ на землю, какъ на Божью и Государеву, съ другой, они чрезвычайно боятся развитія въ предѣлахъ его индивидуалистическаго настроенія и реакціонерства.

Что въ предѣлахъ народа живо желаніе получить землю и возможно больше земли — въ этомъ врядъ ли кто можетъ усомниться. Но что тотъ же народъ является сторонникомъ соціализаціи земли, при которой отдѣльныя лица могутъ лишь „пользоваться землею, поскольку это согласуется съ интересами другихъ трудящихся массъ“ — въ этомъ декламаціи народниковъ меня никогда не убѣждали. Много лѣтъ повторяется среди русскаго общества мысль, что русскій крестьянинъ смотритъ на землю, какъ на Божью. Если бы среди нашего народа даже и была распространена эта идея, то я не видѣлъ бы въ этомъ ничего положительнаго. Едва ли я ошибусь, сказавъ, что фраза: „всѣ люди равны и потому имѣютъ равное право на землю, не созданную трудомъ“ повторяется утопистами всѣхъ странъ и народовъ сотни лѣтъ. Въ ней нѣтъ ровно ничего самобытнаго и русскаго. Этотъ лозунгъ льститъ нашему національному самолюбію, но не будемъ самообольщаться. Припомнимъ, что въ долгій періодъ реакціи наша бюрократія тоже считала себя „всесамобытнѣйшей, всеправославной“ и проч. и дерзала говорить отъ имена народа. Съ точки зрѣнія этого естественнаго права и подобныхъ лозунговъ говорить

отъ имени народа чрезвычайно легко. Интеллигентское перо и слово давно привыкло пользоваться этими формулами, но отсюда еще далеко до того, что народъ осуществитъ ихъ, если бы ему даже было предоставлено всеобщее, равное и тайное голосованіе, какъ для устроенія государственнаго, такъ и мѣстнаго самоуправленія.

Какъ мы видѣли, одинъ изъ народниковъ г. К. С. признается, что „безконечно дорогая крестьянину идея „народной земли“, вынесенная изъ глубины исторіи“, „недостаточно разработана въ качествѣ практически осуществимой конкретной мѣры“. . Онъ глубоко ошибается, утверждая, что эта идея вынесена изъ глубины исторіи. Въ предшествовавшей исторіи было рабство, крѣпостное право и еще большая эксплуатація человѣкомъ человѣка, чѣмъ теперь. Исторія даетъ намъ тяжелую картину борьбы за организацію труда. Только въ наше время, когда создалась „политическая демократія“, былъ поставленъ вопросъ объ организаціи труда на справедливыхъ началахъ. И не только вопросъ о справедливой организаціи труда, но и о созданіи такихъ хозяйственныхъ условій, при которыхъ возможно наибольшее развитіе производительныхъ силъ. Одними лозунгами такая организація труда не создается и, какъ увидимъ ниже, идея „равнаго права на землю“ въ извѣстныя историческія эпохи прямо противорѣчитъ разумной организаціи труда. Я очень радъ, что создался крестьянскій союзъ. Въ союзной организаціи крестьянскаго сословія, также какъ и въ союзной организаціи рабочаго класса, я не могу не видѣть залога новой и организованной жизни, но необходимо, чтобы эти союзы шли къ работѣ съ яснымъ сознаніемъ того, что они должны дѣлать, чтобы они считались съ законами исторіи и человѣческой эволюціи, а не ограничивались одними общими лозунгами, которые говорятъ только о настроеніи вождей, но ничего еще не говорятъ о способахъ реальнаго осуществленія этихъ лозунговъ.

Наши народники знаютъ одинъ лозунгъ: „земля и воля“, но почему же они не идутъ далѣе и не говорятъ: „капиталъ и воля“? Они совершенно забываютъ, что соціализмъ требуетъ обобществленія всѣхъ орудій производства и новой организаціи труда во всѣхъ сферахъ его приложенія. Разумный соціалистъ и кадетъ-западникъ — не можетъ подписаться подъ лозунгомъ: „земля и воля“,

ибо онъ долженъ понимать, что какъ бы не важно было устроеніе крестьянства, но крестьянскій вопросъ не болѣе какъ часть общей соціальной проблемы, и что лозунгъ: „земля и воля“ еще ровно ничего не говоритъ о томъ, какъ эта земля должна быть устроена. Устроеніе же земли и капитала не можетъ совершиться въ одинъ день и совершается долгой исторической эволюціей. Г. К. С. даетъ намъ три формы этого устроенія и каждая изъ этихъ формъ возбуждаетъ цѣлый рядъ вопросовъ. Соотвѣтствуетъ ли каждая изъ этихъ формъ такъ широко возвѣщеннымъ соціалистическимъ началамъ? Я покажу въ статьѣ о государственномъ земельномъ фондѣ, что первая и третья сводятся къ чисто буржуазной организаціи крестьянскаго хозяйства, вторая же представляетъ собою только опасный финансовый экспериментъ. На первыхъ десятинахъ пользовательнаго участка согласно этой формѣ націонализаціи желаютъ отдать крестьянину всю заработную плату и часть ренты, на послѣдующихъ хотятъ прогрессивно сводить ренту до уровня одной заработной платы. Другими словами, отрицая въ принципѣ наемный трудъ, нѣкоторые изъ народническихъ реформаторовъ стараются превратить крестьянина „въ наемника“ отъ лица государства. Но съумѣютъ ли они опредѣлить размѣръ справедливой заработной платы, могутъ ли они доказать, что государство въ состояніи будетъ организовать такой кадастръ, который бы взялъ отъ каждаго только то, что можно и должно взять. Они хотятъ соціализировать одинъ доходъ — ренту, забывая о колоссальной пестротѣ этой ренты и заработной платы въ условіяхъ индивидуалистическаго мелкаго хозяйства. Путемъ налога соціальный реформаторъ долженъ дѣйствовать очень осторожно. Наше старое государство своимъ безмѣрнымъ обложеніемъ, правда, содѣйствовало созданію и сохраненію общины, но разоряло народъ и не подвинуло его на путь „соціалистической организаціи труда“. Они объ этомъ не задумываются и полагаютъ, что все будетъ въ пресловутыхъ общинахъ „по справедливому“, „по хорошему“: самообложеніе все сдѣлаетъ. Даже и въ этомъ послѣднемъ я сильно сомнѣваюсь. Бѣдный Глѣбъ Успенскій [1]), какъ скоро онъ забытъ своими друзьями народниками!“

1) Напомню читателямъ, какъ Глѣбъ Успенскій и Энгельгардтъ описываютъ крестьянскую работу „сообща“. „Скажите, пожалуйста, спро-

Представленіе о „трудовомъ крестьянствѣ“, какъ о носителѣ въ своемъ сердцѣ „правды Божіей“, давно держится у насъ, но это нисколько не помѣшало возникновенію кулачества, зажиточнаго крестьянства, которое тоже хочетъ еще большаго количества земли, имѣетъ свою психологію и умѣніе защищать и пропагандировать свои интересы. Нельзя же полагать, что нужда, безправное положеніе и невѣжество воспитали изъ нашего крестьянина соціалъ-народника, создали общественнымъ реформаторамъ душу, въ которую они могутъ вписать все, что угодно, хотя бы и при помощи „гонимаго нынѣ третьяго элемента“? Я живо помню, какъ извѣстный знатокъ народа В. И. Орловъ, въ своей полемикѣ противъ г. Пругавина указывалъ, что „русскій

силъ новый человѣкъ деревни Ивана Ермолаевича, неужели нельзя исполнять вообще такихъ работъ, которыя не подъ силу въ одиночку? Вѣдь вотъ солдатъ, вашъ работникъ и другіе — каждый изъ нихъ мучается, выбивается изъ силъ, вретъ и обманываетъ, и, въ концѣ концовъ, нищенствуютъ всѣ . Но соединивъ свои силы, своихъ лошадей, работниковъ и т д. они были бы самой сильной семьей? Вѣдь тогда не зачѣмъ отдавать малолѣтнихъ дѣтей въ работу и т. д. То есть, это сообща работать? Да. Иванъ Ермолаевичъ подумалъ и отвѣтилъ Нѣтъ, этого не выйдетъ. Еще подумалъ и опять сказалъ: Нѣтъ, куда. Какъ можно. Тутъ десять человѣкъ не поднимутъ одного бревна, а одинъ то я его какъ перо снесу, ежели мнѣ потребуется. Нѣтъ, какъ можно. Тутъ одинъ скажетъ: бросай ребята, пойдемъ обѣдать. А я хочу работать. Теперь какъ же будетъ? онъ уйдетъ, а я за него работай; да, нѣтъ — невозможно это. Это все равно, вотъ ежелибъ одно письмо для всей деревни написать . .“ Подобные же отвѣты Успенскій слышитъ и отъ другихъ крестьянъ, которымъ пытается доказать выгоды общинной обработки земли. Крестьянинъ Иванъ Босыхъ, въ очеркѣ „Власть земли“, съ энергіей и горячностью, „сверкая глазами“, доказываетъ, что хорошій хозяинъ никогда не довѣритъ своей лошади чужому, и приводитъ множество другихъ совершенно непредвидѣнныхъ новымъ человѣкомъ возраженій Оказывается, что землю нужно удобрить, а между тѣмъ навозъ на различныхъ крестьянскихъ дворахъ далеко не одинаковъ. „Теперь я везу наземъ конивый, а другой какой нибудь плетется съ коровьимъ, какое же тутъ можетъ быть равновѣсіе? Нѣтъ, не выйдетъ этого . . Помилуйте, лошадь, да какже можно, чтобы я хозяинъ довѣрилъ кому нибудь? . Тутъ никакихъ способовъ нѣтъ. Какъ можно. Какой же я буду хозяинъ.“

Вотъ какъ описываетъ г. Энгельгардтъ крестьянскую работу „сообща“. Пахать облогу (лугъ) нужно всѣмъ вмѣстѣ Сговорились начать тогда то. Выѣзжаютъ утромъ. Шестеро уже пріѣхали, а двоихъ нѣтъ: проспалъ, вышивши вчера былъ, сбруя разладилась. Пріѣхавше стоятъ на десятинѣ, поджидаютъ опоздавшихъ, лошадямъ сѣнца подкинули, трубочки покуриваютъ, ругаются Но вотъ пріѣхали и остальные — кому ѣхать впередъ? Споръ. Наконецъ установили очередь. Пашутъ У одного соха разладилась — всѣ стоятъ; наладилъ, пошли, у одного лошадь и сбруя лучше, другой самъ плохъ; неудовольствіе Кабы я отдѣльно пахалъ, то выѣхалъ бы до свѣту, а то въ деревнѣ жди, пока встанутъ Здѣсь жди на пашнѣ Я на своихъ лошадяхъ давно бы вспахалъ, а тутъ жди, ну его ленъ, говоритъ другой . . . и такъ далѣе.“

Цитовано у Бельтова — За двадцать лѣтъ, Спб., 1906, стр. 51—52. Не правда ли, хороша организація труда?!

крестьянинъ хочетъ имѣть свою землю, свою избу, свою жену", и въ этомъ онъ совершенно правъ. Если среди народа господствуетъ такая вѣра въ идею „народной земли", то спрашивается, почему г. Новоторжскій и его товарищи желаютъ ввести драконовскіе законы о воспрещеніи наемнаго труда, о единогласіи при передѣлахъ, отчего они такъ боятся проникновенія въ народъ индивидуалистическаго настроенія. Какъ истинные самобытники, они, конечно, смѣются надъ словами Каутскаго, который пишетъ: „иллюзія, что въ соціализаціи земли, требуемой нѣкоторыми представителями крестьянства, заключается требованіе огосударствленія земли, можетъ повести къ большимъ разочарованіямъ. Я убѣжденъ, что крестьяне не потому революціонны, что хотятъ добиться этой формы землевладѣнія, а только потому, что хотятъ увеличить площадь своего владѣнія за счетъ крупныхъ владѣльцевъ". Но если они видятъ въ такихъ словахъ недовѣріе къ русскому народу, то почему же имъ нужны драконовскіе законы и откуда ихъ боязнь индивидуалистическаго настроенія, желаніе „воспитать" изъ крестьянина соціалъ-демократа или соціалъ-революціонера? Увѣренность авторовъ означенныхъ брошюръ въ возможности путемъ соціализаціи земли сдѣлать изъ крестьянина соціалиста malgré lui мнѣ представляется столь же наивной и бюрократической, какъ увѣренность Воронцова-Дашкова [1]), Витте и другихъ, что съ уничтоженіемъ общины и съ развитіемъ индивидуальной собственности всѣ аграрные безпорядки исчезнутъ. Въ началѣ прошлаго года всѣ газеты обошло заявленіе графа Витте, что въ Прибалтійскихъ губерніяхъ воспитанъ инстинктъ собственности отсутствіемъ общины и раціональной постановкой частнаго владѣнія, а въ концѣ года мы только и слышали о карательныхъ экспедиціяхъ и разстрѣлахъ для возстановленія священныхъ правъ собственности. „Фанатизмъ собственности" оказался очень плохо воспитаннымъ. По мнѣнію графа Воронцова-Дашкова „община создала въ народѣ увѣренность, что, держась общины, въ массѣ крестьянинъ неуязвимъ и ненаказуемъ въ тѣхъ правонарушеніяхъ, которыя онъ себѣ позволяетъ по отношенію къ чужой собственности." Какая

1) См. его любопытную докладную записку, изданную г. Элпидинымъ въ 1900 г. Женева, стр 29 и слѣд.

наивность! Стадные стихійные инстинкты массъ созданы у насъ не общиной, а общимъ безправіемъ, невѣжествомъ, нищетой, разорительной экономической политикой самодержавія, подавленіемъ личности, отсутствіемъ простора для мирной, сознательной организаціонной работы. „Стадные, стихійные инстинкты!“ А что сдѣлано за сорокъ пять лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ для культуры и просвѣщенія массъ? Кто разорвалъ связь между интеллигенціей и народомъ? Что сдѣлано для интеллигенціи въ смыслѣ воспитанія ея въ духѣ права, знанія и правды? Не университетскій ли уставъ 1884 года?

Бюрократизмъ самодержавія и нашихъ соціалъ-революціонеровъ-народниковъ проистекаетъ изъ одного источника: изъ долгой оторванности отъ народа, изъ привычки говорить отъ его имени, не какъ отъ людей со всѣми ихъ достоинствами и недостатками, а какъ „отъ добродѣтельныхъ мужичковъ“, изъ постояннаго желанія „устраивать“ народъ и ему декретировать. Право, не пора ли оставить этотъ старый хламъ разговоровъ о добродѣтельномъ мужичкѣ, объ опасеніяхъ привить ему „фанатизмъ собственности“, о реакціонерствѣ аграріевъ и крестьянства, о мысляхъ путемъ соціальнаго маневра пересоздать народъ по мановенію властной руки? Какъ я уже сказалъ, я очень сомнѣваюсь, что народъ „глаголетъ“ устами нашихъ молодыхъ народниковъ, но, если бы это было отчасти справедливо, не думаю, что я сталъ бы противъ народа, убѣждая его въ томъ, что путь, по которому онъ якобы желаетъ итти, ошибоченъ. Права на свободное исканіе истины мнѣ воспретить никто не можетъ, нижé молодые народники, нижé гроза аграрныхъ погромовъ.

Я лично не боюсь никакого фанатизма собственности. Не имѣю ни малѣйшаго намѣренія воспитывать народъ ни при помощи какихъ бы то ни было соціальныхъ маневровъ, ни при помощи „ружейныхъ разстрѣловъ и артиллерійскаго огня“. Я стоялъ и всегда буду стоять на почвѣ организаціи труда и убѣжденъ, что преобразованіе всей соціальной формы нашего быта будетъ итти своей законной и эволюціонной чередой. Если бы даже нашъ народъ принялъ частную собственность, достигъ при ея посредствѣ благосостоянія, то я не видѣлъ бы въ этомъ никакого регресса или задержки въ дѣлѣ развитія соціализма. Человѣчество

въ дѣлѣ осуществленія его идеаловъ пойдетъ своей дорогой и не ускорятъ его „слащавые разговоры“ г г. народниковъ. Пока въ обрабатывающей промышленности господствуетъ система крупнаго производства и наемнаго труда, я убѣжденъ, что такая же форма не исчезнетъ и въ земледѣліи, а если это будетъ достигнуто искусственно, возсоздастся вновь Я далекъ отъ нелѣпой диктаторіальной мысли воспрещать трудовому крестьянству пользоваться наемной формой труда, устанавливать законы о передѣлахъ, семейныхъ раздѣлахъ, не представляю себѣ профессіональнаго уѣзднаго соціализма деревень. Только та реформа соціализируетъ и можетъ имѣть успѣхъ, которая соціализируетъ безъ насилія, съ сохраненіемъ свободной творческой иниціативы личности — вѣрной надеждой создать матеріальное благополучіе. Это совершенно устарѣлая идея, будто голодъ и невѣжество воспитываютъ соціалистовъ. Западная Европа давно убѣдилась въ томъ, что соціалистовъ воспитываетъ образованіе и подъемъ матеріальнаго благополучія, которые даютъ возможность не только бороться за существованіе, но и думать о себѣ, о другихъ собратьяхъ, о благѣ человѣчества, помнить о девизѣ: „пролетаріи всѣхъ странъ — соединяйтесь.“

Наша бюрократія во многомъ повинна, но не поддавалась ли она ученіямъ народнической доктрины, которая боролась такъ долго за общину во имя соціальныхъ идеаловъ будущаго, не замѣчая, что тѣмъ самымъ она закрѣпощаетъ крестьянина въ угоду финансовымъ потребностямъ самодержавія? Наша бюрократія привыкла декретировать, а не собираются ли дѣлать тоже самое г г. молодые народники? Г. Новоторжскій рекомендуетъ лишить цѣлый исторически сложившійся классъ избирательныхъ правъ и временно обратить его въ лицъ, находящихся на попеченіи общественнаго призрѣнія! Владѣльцы закладныхъ листовъ почему то признаются людьми, для которыхъ аграрная реформа — въ „чужомъ пиру похмѣлье“. Исторіи, которая создала современное народно-хозяйственное положеніе, для молодыхъ народниковъ не существуетъ. Даже самая возможность выкупа допускается лишь для устраненія „непріятностей“, слово просто классическое въ устахъ соціалъ-народника. Какъ все это просто, какъ легко и именно съ точки зрѣнія естественнаго права и отъ имени народа!

Г. Ратнеръ даже „націонализируетъ“ націонализацію, предоставляя національностямъ ихъ землю Онъ хочетъ оградить интересы національностей и не задумывается надъ тѣмъ, что при такомъ раздѣлѣ территоріи не мало останется обдѣленныхъ. Въ періодъ аграрныхъ безпорядковъ Черниговской губерніи замѣчалась кровавая борьба селъ за спорную землю. Въ настоящій моментъ уже замѣчается борьба огнемъ и силой между богатыми и бѣдными въ самихъ деревняхъ. Г. Ратнеръ хочетъ еще усложнить вопросъ споромъ о національной территоріи, воображая утопически, что рѣшенное въ исторіи кровью разрѣшится простымъ росчеркомъ его смѣлаго пера.

Въ популярной брошюрѣ легко написать: аграріи — худшая опора реакціи, уничтоженіе крупнаго землевладѣнія — основа политическаго и хозяйственнаго оздоровленія, зажиточное крестьянство проникается фанатизмомъ собственности, — но это не значитъ сказать что либо основательное по вопросу объ организаціи труда и политическаго устроенія.

Будущее покажетъ намъ, каково внутреннее настроеніе классовъ нашего общества по разнымъ соціальнымъ и политическимъ вопросамъ. Я глубоко сожалѣю, что первый экспериментъ въ выработкѣ народнаго представительства не построенъ на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Рано или поздно, однако, мы узнаемъ мнѣніе народа не съ точки зрѣнія естественныхъ правъ, а таковымъ, какъ оно есть по состоянію народной культуры въ переживаемое время. Предсказывать будущее я не берусь, но считалъ бы большимъ счастіемъ для Россіи, если бы это представительство не было диктатурой класса, а разнороднымъ представительствомъ борящихся классовъ и, да не удивляется читатель, я желалъ бы этого съ чисто соціалистической точки зрѣнія. Къ этому вопросу, впрочемъ, я когда либо вернусь впослѣдствіи. Теперь же еще нѣсколько словъ по затронутому вопросу.

Въ нашихъ спорахъ по аграрному вопросу меня всегда поражала эта идея „трудового крестьянства“, ненависть и опасеніе предъ наемной формою труда. Я совершенно не понимаю, какое повѣтріе занесло г. Туганъ-Барановскаго въ ряды „націонализаторовъ“ и защитниковъ „трудового крестьянства“. Впрочемъ, въ свое время я также мало понималъ и то обстоятельство, какъ онъ попалъ въ ряды

биметталистовъ. Изъ неомарксиста обратиться въ народника — это какая то ужъ слишкомъ быстрая перемѣна, и, увы, не къ лучшему. Идея осуществленія трудового крестьянскаго царства, созданія „самопрокармливающагося, стоящаго внѣ условій обмѣна и общественныхъ, широкихъ связей трудового крестьянина“ — мнѣ нисколько не улыбается, ибо я лично, какъ экономистъ, вовсе не убѣжденъ въ томъ, что достаточно „передѣлить“ землю, чтобы наступило общее благополучіе и соціальная справедливость. Могутъ произойти разныя неожиданности. „Соціальное благополучіе“ можетъ не сопровождаться „соціальной справедливостью“, и „соціальная справедливость“ можетъ не совпадать „съ созданіемъ матеріальнаго благополучія“. Не убѣжденъ и въ томъ, что „трудовой крестьянинъ“ всегда лучше обезпеченъ, чѣмъ батракъ и, главное, что такъ должно быть неизмѣнно и на будущее время. Такъ ли это? Сможетъ ли крестьянинъ добиться скорѣе и прочнѣе улучшенія своей судьбы, если земля дѣйствительно будетъ передѣлена безъ выкупа, какъ охотно декретировали бы наши молодые народники?

Въ своей брошюрѣ г. Р. Р. говоритъ, что соціалъ-демократы упрекаютъ соціалистовъ-революціонеровъ „въ авантюризмѣ и демагогіи, въ стремленіи наобѣщать деревнѣ возможно больше“. Разсуждая внѣ какой либо партійной квалификаціи, я не говорилъ этого и не скажу. Съ прискорбіемъ, однако, принужденъ сказать, что программа этой партіи обнаруживаетъ только, что входящіе въ ея составъ — плохіе экономисты, мало знаютъ своего учителя Маркса и являются истинными сынами самодержавія, не воспитавшаго ихъ въ духѣ политической свободы.

II.

Не можетъ быть и спора о томъ, что Марксъ никогда не видѣлъ въ соціализаціи и націонализаціи земли перваго шага къ соціалистической трансформаціи [1]). Въ своей любопытной статьѣ по аграрному вопросу въ Россіи Каутскій

1) См. ст. K. Kautsky. Agrarfrage in Russland, Neue Zeit, 23. Dec. 1905. „Предположеніе, пишетъ Каутскій, будто грядущій раздѣлъ земли представляетъ аграрный соціализмъ, могло бы угрожать революціи, если бы соціалисты повѣрили фразѣ объ общинномъ землепользо-

даетъ тому яснѣйшее доказательство. Правильно цитируя и толкуя Маркса, онъ не боится укрѣпленія и развитія мелкой крестьянской собственности среди русскаго крестьянства, понимаетъ, что съ раздѣломъ земли крестьянинъ пріобрѣтетъ еще очень мало. „Онъ нуждается въ большемъ, чѣмъ земля, пишетъ онъ. То, въ чемъ онъ нуждается, онъ найдетъ въ большей его части не въ области земледѣльческой территоріи, но въ городахъ и промышленныхъ центрахъ; многіе изъ этихъ продуктовъ производятся промышленнымъ пролетаріатомъ и только этотъ послѣдній можетъ ему ихъ доставить. Безъ этихъ продуктовъ города и промышленности крестьянинъ останется нищимъ, несмотря на всѣ земельные передѣлы. Какимъ бы путемъ ни совершилось надѣленіе крестьянъ землею, оно одно крестьянамъ не поможетъ, если у нихъ не будетъ средствъ для раціональной обработки земли. А именно въ этомъ отношеніи крестьянинъ лишенъ необходимыхъ предпосылокъ, какъ матеріальныхъ, такъ и интелектуальныхъ Знанія его крайне ограничены. . . Техническія средства неудовлетворительны. . .“ Каутскій ясно видитъ тотъ процессъ варваризаціи хозяйства, который можетъ имѣть мѣсто при исключительномъ господствѣ „трудового крестьянства“ и который такъ прекрасно изображенъ г. А. Кауфманомъ на страницахъ „Полярной Звѣзды“. Онъ отлично понимаетъ, что „революціонная роль крупнаго хозяйства въ земледѣліи состоитъ въ томъ, что оно несетъ съ собою высшую производительность труда и тѣмъ самымъ подготовляетъ матеріальныя условія его эманципаціи съ одной стороны, а съ другой создаетъ пролетаріатъ, который теряетъ всякій интересъ къ собственности на орудія производства“.

Громкій лозунгъ о соціализаціи или національзаціи земли способенъ привлекать сочувствіе не только массъ, но и многихъ представителей интеллигенціи. Это по существу

вапіи, прикрывающей именно требованіе передѣла земли Но вредоносность такого увлеченія усилилась бы еще больше, если бы рабочіе стали возвращаться изъ городовъ въ деревни, чтобы, въ свою очередь, испробовать сладость новоявленнаго соціализма. Уходъ изъ городовъ въ деревни продлился бы не долго: рабочіе скоро увидѣли бы, какъ плохъ и жалокъ новый аграрный соціализмъ. Они убѣдились бы, что этотъ соціализмъ не въ состояніи дать имъ ничего, кромѣ условій существованія крестьянина, которое исключаетъ пользованіе предметами городской культуры, и что онъ не обезпечиваетъ ему даже такихъ условій.“ . . .

Какъ вѣрно это замѣчаніе г. Каутскаго, читатель убѣдится въ статьѣ о государственномъ земельномъ фондѣ.

дѣла объясняется неяснымъ представленіемъ о томъ, что можетъ дать націонализація. Какъ въ нашей, такъ и въ иностранной литературѣ масса всевозможныхъ проэктовъ или типовъ предполагаемой націонализаціи земли, но по своимъ чисто соціально-экономическимъ основамъ они могутъ быть сведены къ слѣдующимъ главнымъ типамъ.

Во первыхъ, подъ націонализаціей земли возможно понимать передачу всей земли въ собственность государства. Этому послѣднему будетъ принадлежать вся земля, какъ верховному хозяину. Государство должно будетъ сдѣлаться организаторомъ всего сельско-хозяйственнаго производства. Какъ организатору хозяйства государству будетъ принадлежать *рента* (теперешній доходъ собственника земли) и *прибыль* (вознагражденіе или доходъ на затраченный капиталъ), реальный воздѣлыватель земли будетъ получать только заработную плату.

Въ этой формѣ націонализація земли отвергается даже самыми смѣлыми утопистами, и по понятнымъ основаніямъ. Организовать земледѣльческое производство за свой страхъ и рискъ современное государство не въ состояніи: это такая сложная задача, которая не по силамъ самой могучей бюрократіи. Къ тому же при отсутствіи такой же соціализаціи капитала въ обрабатывающей промышленности сельско-хозяйственный соціализмъ долженъ былъ бы имѣть хозяина въ видѣ буржуазнаго государства. Получилось бы вопіющее противорѣчіе и фактически земледѣлецъ-крестьянинъ обратился бы въ наемника всемогущаго государства.

О практическомъ осуществленіи этой утопіи и мечтать непозволительно. Во первыхъ потому, что совершенно недоказано, будто современное государство въ состояніи организовать весь сельско-хозяйственный трудъ. Вмѣсто развитія производительныхъ силъ, могло бы произойти полнѣйшее банкротство всего хозяйства. Во вторыхъ, для этого пришлось бы прибѣгнуть къ конфискаціи или къ выкупу всей какъ частно-владѣльческой земли, такъ и крестьянской, со всѣми постройками, меліораціями, долгами и проч. Для выкупа всей земли потребовались бы колоссальныя финансовыя средства, каковыхъ не имѣется. Конфискація же земли, т. е. лишеніе одного класса собственниковъ ихъ дохода и имущества при оставленіи другого класса собственниковъ-капиталистовъ въ полномъ обладаніи ихъ имуществомъ и

доходомъ были бы явною несправедливостью, да и неосуществимо, ибо интересы капиталистовъ въ обрабатывающей промышленности и землевладѣльцевъ, хотя и противорѣчивы, но не въ такой мѣрѣ, чтобы первые могли желать уничтоженія собственности вторыхъ. Въ охраненіи собственности ихъ общій интересъ. Классъ капиталистовъ уже и потому былъ бы противъ такой націонализаціи, что значительная доля его капитала находится въ закладныхъ листахъ на землю и растаться съ доходомъ на этотъ капиталъ никто изъ нихъ не пожелаетъ. Противъ соціальной революціи владѣющіе классы всегда борятся солидарно. Нѣтъ, поэтому, никакихъ основаній мечтать, чтобы было возможно огосударствленіе орудій производства въ одной отрасли промышленности безъ одновременнаго осуществленія такого же огосударствленія во всѣхъ другихъ. Какъ человѣчество пойдетъ къ осуществленію соціалистическаго идеала, мы еще пока предвидѣть не можемъ, но я, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ, что это совершится на почвѣ общей эволюціи хозяйства и послѣдовательной борьбы за заработную плату и организацію труда безъ всякихъ революціонныхъ конфискацій [1]).

Во второй формѣ, націонализація земли сводится къ провозглашенію права государства захватить въ свою пользу земельную ренту, т. е. такъ называемый незаработанный доходъ собственника земли, который онъ получаетъ благодаря общественнымъ условіямъ и особому плодородію своей земли.

Въ этой формѣ націонализація земли вполнѣ можетъ уживаться съ крупной и мелкой системой сельско-хозяйственныхъ предпріятій. Рента можетъ быть захвачена, какъ у крупнаго землевладѣльца, такъ и у мелкаго крестьянина собственника. Объ этой формѣ націонализаціи когда то Карлъ Марксъ писалъ нижеслѣдующее: „всѣ такіе соціалисты-націонализаторы, въ томъ числѣ и Колинсъ, имѣютъ одно общее: они оставляютъ неприкосновеннымъ наемный трудъ, а, слѣдовательно, и капиталистическое производство, пытаясь увѣрить себя и окружающій міръ, что превращеніе земельной ренты въ государственный налогъ устранитъ всѣ неустройства капиталистическаго производства. Слѣдовательно, ихъ требованіе есть ничто иное, какъ прикрытая

1) Свои взгляды по этому вопросу я изложилъ въ брошюрѣ: „Политика труда и идеалы распредѣлительной справедливости (С. Петербургъ 1905 г.).

соціалистическими узорчиками попытка спасти классовое господство и фактически поставить его на еще болѣе обширное и прочное основаніе, чѣмъ прежнее."

Марксъ совершенно правъ. Какъ рента землевладѣльца, такъ и прибыль на капиталъ создаются общественными условіями современнаго капиталистическаго производства. Если рента за землю достанется государству, а прибыль на капиталъ будетъ доставаться частнымъ владѣльцамъ, то не устранятся ни эксплуатація человѣка человѣкомъ, ни всѣ неустройства, вытекающія изъ неорганизованности капиталистическаго производства: кризисы, безработица, соперничество крупныхъ и мелкихъ хозяйствъ, задолженность и проч., и проч. Но и этого мало, такая мѣра содѣйствовала бы еще большему торжеству капитализма и, кромѣ того, была бы экономически нецѣлесообразна.

Во первыхъ, въ захватѣ земельной ренты полностью въ пользу государства, по существу, нѣтъ ничего соціалистическаго при отсутствіи такого же захвата прибыли съ цѣлью планомѣрной организаціи всего народнаго хозяйства. Современное буржуазное государство путемъ налоговъ стремится воспользоваться частью дохода землевладѣльцевъ и капиталистовъ, но никогда не захватываетъ эти доходы цѣликомъ, и по понятной причинѣ. Въ основѣ современной капиталистической организаціи лежитъ частная собственность и частная предпріимчивость. Государство беретъ на общественныя потребности все болѣе и болѣе возрастающую долю чистаго дохода, но оставляетъ все же значительную часть его въ рукахъ собственниковъ, чтобы сохранить въ нихъ стимулы къ продолженію ихъ предпринимательской дѣятельности. Переложивъ обложеніе исключительно на ренту, государство только усилитъ классъ капиталистовъ. Вмѣсто равномѣрности въ обложеніи обоихъ видовъ чистаго дохода — ренты и прибыли — будетъ неравномѣрное обложеніе землевладѣльца — какъ крупнаго, такъ и мелкаго, при чемъ послѣдній будетъ поставленъ въ наиболѣе тяжкое положеніе. Крупный капиталистъ — земледѣлецъ, воздѣлывающій свою землю при помощи организованной силы капитала, будетъ въ состояніи получать гораздо больше чистаго дохода, чѣмъ мелкій земледѣлецъ, работающій, главнымъ образомъ, трудами рукъ своихъ. Въ хозяйствѣ этого послѣдняго — рента и прибыль — составляютъ столь смѣшанный

видъ дохода, что часто ихъ и различить невозможно. Государство будетъ поставлено въ необходимость: или совершенно отказаться отъ захвата его ренты, считая доходъ мелкаго земледѣльца какъ бы только заработной платой, или же взимать съ него такую же арендную плату, какую ему платитъ за землю крупный капиталистъ. Въ послѣднемъ, наиболѣе вѣроятномъ случаѣ, такъ какъ государство сохраняетъ свой буржуазный характеръ, разореніе мелкаго землевладѣльца почти неизбѣжно и, слѣдовательно, національзація въ этой формѣ будетъ только содѣйствовать концентраціи земли въ капиталистическихъ рукахъ.

Во вторыхъ, при такой формѣ національзаціи для всего общества въ цѣломъ, какъ суммы потребителей, выгодъ не произойдетъ. Капиталистическое сельское хозяйство будетъ развиваться. Съ ростомъ общественныхъ потребностей цѣны на продукты будутъ возрастать. Въ состояніи ли будетъ рабочее сословіе отвоевать себѣ высшую заработную плату, пропорціональную этому росту цѣнъ, вопросъ спорный. Капиталисты будутъ цѣпко отстаивать свою прибыль и всѣми мѣрами стараться недопустить увеличенія обложенія, доказывая, что государство уже покушается на прибыль. Если даже государству удастся получать большую сумму налога въ видѣ ренты, то отъ способовъ употребленія ея будетъ зависѣть то или иное положеніе народнаго хозяйства. Другими словами, захватъ ренты самъ по себѣ еще не рѣшаетъ соціальнаго вопроса. Необходимо полное видоизмѣненіе экономической политики государства въ интересахъ рабочихъ классовъ. Въ настоящій моментъ, когда рента принадлежитъ классу землевладѣльцевъ, а прибыль капиталистамъ, интересы этихъ классовъ часто противорѣчивы и борьба ихъ между собою даетъ возможность часто вести экономическую политику по пути компромисса въ пользу рабочаго сословія. При принадлежности ренты государству главенство получитъ классъ капиталистовъ, создается такая солидарность его интересовъ, которая можетъ на многіе годы окрасить экономическую политику чисто буржуазнымъ образомъ. Государство и его бюрократія, даже при наличности демократическихъ представительныхъ учрежденій, пріобрѣтетъ могущественное значеніе и склонится ли оно на сторону рабочаго класса, или буржуазіи, будетъ зависѣть отъ силы этихъ двухъ классовъ.

Въ третьихъ, въ основѣ всѣхъ проэктовъ націонализаціи ренты лежитъ старое, установленное еще Рикардіанской школой представленіе, будто землевладѣльцы обладаютъ „естественной монополіей.“ Въ трудахъ Рикардо и его послѣдователей теорія земельной ренты была формулирована такъ, что представлялось, будто всѣ плоды развитія производительныхъ силъ попадаютъ въ руки землевладѣльца. Согласно этой теоріи экономическое преобладаніе должно неизбѣжно принадлежать и принадлежитъ землевладѣльцу. Надъ подавленнымъ работникомъ стоитъ капиталистъ, но надъ капиталистомъ стоитъ еще болѣе могущественный владыка: землевладѣлецъ. Заработная плата и прибыль при системѣ соперничества неизбѣжно тяготѣютъ къ минимуму. Чѣмъ дороже съ ростомъ общественныхъ потребностей продукты пропитанія, тѣмъ дороже становится работникъ для капиталиста. Капиталы умножаются и производство расширяется Отъ конкуренціи капиталовъ и удорожанія работника прибыль все понижается, землевладѣлецъ же завладѣваетъ всѣми благами возрастающей культуры, продавая свои продукты все дороже и дороже. И не только его продукты становятся дороже, но и его земля, какъ ограниченная въ своемъ количествѣ, дорожаетъ и онъ можетъ продавать ее по все болѣе и болѣе повышающейся цѣнѣ. „Вездѣ, писалъ ученикъ Рикардо Сеніоръ, гдѣ производство зависитъ отъ естественныхъ дѣятелей, ограниченныхъ въ количествѣ и разнообразныхъ по производительной силѣ, подверженныхъ закону уменьшающейся производительности съ увеличеніемъ затратъ труда и капитала, гдѣ монополизирована вещь, даваемая природою и не требующая ни труда, ни издержекъ для своего существованія — тамъ возникаетъ естественная монополія, а съ нею и рента, которая захватываетъ все большую долю общественнаго богатства“ [1]).

Одинъ изъ русскихъ писателей Н Г. Чернышевскій [2]) довелъ точку зрѣнія Рикардо до ея конечныхъ выводовъ, стараясь начертать основы системы такъ называемаго имъ „трехчленнаго дѣленія продукта“. „Рента, пишетъ онъ, идетъ къ поглощенію прибыли и рабочей платы, т. е. къ

1) Senior, Political Economy, стр 105, Mill. Principles, кн. II, гл. 16-я
2) См. Очерки изъ пол экон, распредѣленіе, полн. изд., стр. 203—204.

низверженію трехчленнаго дѣленія продукта, къ замѣнѣ его формою устройства еще менѣе удовлетворительной; формою устройства, при которой и предприниматель, и работникъ потеряли бы свою самостоятельность, сдѣлались бы принадлежностью землевладѣльца, частью его собственности. Прибыль идетъ при этой системѣ къ подчиненію работника капиталисту, а рента идетъ къ подчиненію работника и капиталиста вмѣстѣ землевладѣльцу. Само собою разумѣется, продолжаетъ онъ, что такая ретроградная тенденція отражается на производствѣ уменьшеніемъ его успѣшности, т. е. рента при трехчленномъ дѣленіи продукта идетъ не только къ уменьшенію доли продукта, остающейся на рабочую плату и прибыль, но и къ уменьшенію самой суммы продукта, т. е. ведетъ къ уменьшенію населенія, а при уменьшеніи населенія конечно *прекращается надобность воздѣлывать послѣдній изъ воздѣлывавшихся прежде сортовъ земли и отъ этого рента подрываетъ сама себя*".

Въ такомъ видѣ обыкновенно рисуютъ націонализаторы эту ужасающую теорію ренты и вампирство землевладѣльцевъ.

Безъ всякаго сомнѣнія между рентой и прибылью, какъ общественными доходами, существуетъ громадное различіе. Два совершенно различныхъ класса, по историческому прошлому и по соціальнымъ традиціямъ, владѣютъ доходомъ отъ земли и отъ капитала. Въ разныя историческія эпохи оба эти класса занимали, и занимаютъ до сихъ поръ въ разныхъ государствахъ, совершенно отличное соціальное и политическое положеніе. Рикардіанцы формулировали свою теорію ренты въ началѣ 19-го вѣка, когда старый феодальный землевладѣльческій строй рушился и когда на смѣну аристократіи земли выступили аристократія и магнаты капитала. Въ настоящую историческую эпоху строй западноевропейскихъ странъ совершенно капитализировался и установленная Рикардіанцами теорія ренты подлежитъ существеннымъ поправкамъ и видоизмѣненіямъ, въ зависимости отъ той стадіи развитія, на которой находится то или другое изъ современныхъ государствъ.

Современная экономическая наука не смотритъ на теорію ренты такъ элементарно и такъ буржуазно, какъ это дѣлалось въ началѣ того великаго промышленнаго и политическаго переворота, который пережили европейскіе народы въ теченіи 19-го вѣка. Теперь уже никто не вѣритъ въ

теорію неизбѣжнаго экономическаго и соціальнаго преобладанія землевладѣльца надъ промышленникомъ и только въ популярной литературѣ повторяется старая сказка о естественной монополіи землевладѣльца. Анализъ экономической науки сталъ глубже, многостороннѣе. Онъ не ограничивается одними элементарными экономическими посылками, но принимаетъ во вниманіе цѣлый рядъ историко-соціальныхъ соображеній, опредѣляющихъ положеніе землевладѣльца и капиталиста, крупнаго и мелкаго, въ народномъ хозяйствѣ.

Въ своей книгѣ: Обмѣнъ и экономическая политика (см. главу 5-ю, стр. 332—447, Юрьевъ 1904 г.) я подробно разсмотрѣлъ пресловутую теорію преобладанія землевладѣльца надъ капиталистомъ. Здѣсь я могу привести только вкратцѣ тѣ соображенія, которыя могутъ показать, что теорія націонализаціи одной земельной ренты построена на недостаточномъ экономическомъ и соціальномъ анализѣ народнохозяйственныхъ явленій.

А. Во первыхъ, не слѣдуетъ упускать, прежде всего, изъ виду, что возраженіе противъ земельной ренты, какъ дохода получаемаго безъ личнаго труда и издержекъ, совершенно не достигаетъ цѣли, къ которой стремится, будучи неправильно въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, въ нашей сложной экономической системѣ не только земля, но и капиталъ, даютъ доходъ безъ личнаго труда и издержекъ со стороны ихъ владѣльцевъ. Тотъ фактъ, что земля и капиталъ приносятъ прибавочный продуктъ владѣльцамъ, нѣчто свыше необходимой траты на содержаніе работниковъ, служитъ общей основой для полученія ренты и прибыли. Предположеніе, что прибыль одинакова на протяженіи всего народнаго хозяйства, а рента въ своихъ различныхъ нормахъ зависитъ отъ однихъ различій въ естественной производительности земли, теперь окончательно отвергнуто. Экономическая наука почти единодушна въ признаніи многообразности въ нормахъ прибыли и ренты въ зависимости отъ чисто естественныхъ и соціальныхъ условій. Во вторыхъ, землевладѣлецъ, также какъ и капиталистъ, могутъ принимать участіе въ производствѣ въ качествѣ организаторовъ своихъ предпріятій, но могутъ и не принимать. Капиталистъ живетъ безъ труда — процентомъ и дивидентомъ, землевладѣлецъ рентой; часто дивидентъ и процентъ капиталиста значительно превышаютъ ренту землевладѣльца. При

задолженности землевладѣнія часто вся рента поступаетъ въ распоряженіе капиталиста, имѣющаго закладное право на землю

Б. Во вторыхъ, въ основѣ теоріи экономическаго преобладанія землевладѣльца лежитъ совершенно невѣрное представленіе о естественной монополіи. Эта естественная монополія обыкновенно обосновывается двумя соображеніями: во первыхъ ограниченностью пространственнаго протяженія земли и во вторыхъ, закономъ уменьшающейся производительности почвы.

Безъ сомнѣнія эти соображенія имѣютъ чрезвычайно важное значеніе, но, во первыхъ, имъ придано было слишкомъ большое значеніе, которое они въ дѣйствительности не имѣютъ. Было бы, однако, съ моей стороны совершенною нелѣпостью утверждать, что принципъ или свойство рѣдкости не сказывается съ большею интенсивностью по отношенію къ землѣ сравнительно съ капиталомъ. Процессы накопленія капитала идутъ въ нашемъ сложномъ обществѣ быстрѣе, чѣмъ процессы интенсификаціи сельскаго хозяйства, какъ бы увеличивающіе при одной и той же территоріи количество земли, какъ производительной машины. Допустивъ относительно болѣе важное значеніе за принципомъ рѣдкости по отношенію къ землѣ, мы, однако, этимъ самымъ не должны неизбѣжно высказываться за націонализацію въ смыслѣ раздробленія всей территоріи и передачи ее мелкими участками въ руки тѣхъ, которые ее обрабатываютъ. Если количество земли ограничено, то отсюда слѣдуетъ то, что производительныя силы ея должны быть приведены въ такое состояніе, чтобы онѣ могли быть использованы наилучшимъ образомъ для полученія наибольшей массы продукта съ наименьшимъ количествомъ издержекъ и при наиболѣе справедливой заработной платѣ. Самое раздробленіе территоріи, такимъ образомъ, отнюдь не необходимый постулатъ націонализаціи земли [1]). Во вто-

1) Любопытно, что и среди представителей стараго народничества, которымъ въ свое время такъ доставалось отъ марксистовъ, сторонниковъ крупнаго хозяйства, начинаетъ появляться эта идея. Такъ г. В. В, старый народникъ, вѣковѣчный защитникъ русской общины и мелкаго производителя, въ своей статьѣ, въ іюльской книжкѣ Вѣстника Европы за 1906 г., объ аграрномъ вопросѣ создаетъ цѣлый проэктъ осуществленія идеи передачи благоустроенныхъ помѣщичьихъ имѣній въ общественное управленіе. По его мнѣнію для такой реформы затрудненій съ хозяйственной стороны произойти не можетъ „Опасность общественнымъ производительнымъ пред-

рыхъ, это утвержденіе относительно ограниченности земли всегда предполагало, какъ свою противоположность, положеніе, что капиталъ величина постоянно возрастающая и

пріятіямъ вообще грозитъ, пишетъ онъ, со стороны аналогичныхъ конкурентныхъ частныхъ предпріятій Этой опасности не существуетъ для общественныхъ хозяйствъ, о которыхъ идетъ рѣчь, потому, что съ упраздненіемъ крупнаго частнаго землевладѣнія образованіе конкурентныхъ имъ капиталистическихъ предпріятій невозможно Нечего опасаться и ошибокъ или неправильныхъ расчетовъ организаціи даннаго производства, потому что въ общественное завѣдываніе поступятъ уже предпріятія организованныя и доказавшія свою жизнеспособность Можно надѣяться, что во многихъ случаяхъ частныя имѣнія перейдутъ въ общественное управленіе со всѣмъ ихъ служебнымъ персоналомъ, такъ что и въ этомъ отношеніи задача общественнаго завѣдыванія ими значительно упрощается" И послѣ этого можно ли спорить еще о томъ, что народничеству присущъ утопизмъ Казалось бы, что ему, однако, слѣдуетъ начинать не съ того конца Фабрики и заводы для такой націонализаціи гораздо удобнѣе, но народничество боится къ нимъ прикоснуться и руки тянутся только къ землѣ, съ которой можно будто-бы производить любые эксперименты. Г. В В. забываетъ, что организованныя земледѣльческія предпріятія построены на капиталистическій ладъ и одна передача ихъ въ общественное завѣдываніе не видоизмѣнитъ ихъ капиталистическаго характера Для такого видоизмѣненія надобно перевернуть не только систему распредѣленія доходовъ въ данномъ хозяйствѣ, но, быть можетъ, направить производство на изготовленіе совсѣмъ другихъ продуктовъ. Наконецъ, при отсутствіи крупныхъ земледѣльческихъ предпріятій капиталистическая атмосфера отнюдь не упраздняется Мелкое хозяйство будетъ также капиталистическимъ, оно будетъ нести свои продукты на рынокъ Условія конкуренціи измѣнятся, но не преобразуются въ некапиталистическую форму Увѣренность въ наличности такихъ силъ, которыя могли бы вести предпріятія на общественныхъ началахъ, также присуща утопизму. Цѣлый рядъ предпріятій мало по малу переходитъ въ общественное завѣдываніе — это вѣрно, но и въ этомъ процессѣ имѣется своя эволюція; даже въ наиболѣе подходящихъ для этого промыслахъ общественное хозяйство еще не достигло большихъ результатовъ Стоитъ вспомнить только хотя бы наше желѣзнодорожное хозяйство. Безъ сомнѣнія старая бюрократическая Россія отжила, старая дворянская Россія умираетъ, но и у вновь нарождающейся русской демократіи не такъ много культурныхъ идеальныхъ силъ, чтобы возможно было упразднить личный интересъ, какъ стимулъ въ развитіи хозяйства. Самъ г В В пишетъ въ той же статьѣ": „Разрушеніе крупныхъ хозяйствъ поведетъ къ большимъ внезапнымъ пертурбаціямъ въ области народной производительности и въ сферѣ соціальныхъ отношеній, такъ какъ съ раздробленіемъ крупныхъ хозяйствъ сразу произойдетъ измѣненіе установившагося соотношенія между различными культурами и выдвинется вопросъ объ устройствѣ двухъ милліоновъ рабочихъ, показавшихъ при переписи 1897 г., что они получаютъ средства къ жизни, нанимаясь на земледѣльческія работы Этихъ батраковъ нужно будетъ, конечно, устроить въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ А посадить сразу на землю такую массу хозяевъ, переселять ихъ для этого изъ одной мѣстности въ другую и снабдить ихъ инвентаремъ, быть можетъ, усадебными постройками и т п, это такая трудно выполнимая и дорого стоющая задача, что совершенно естественнымъ представляется желаніе избѣжать ея или разсрочить на много лѣтъ" Понимаю всѣ эти затрудненія, но если такъ, то не проще ли оставить организованныя предпріятія такъ, какъ они есть и создать при помощи налоговаго обложенія и упорядоченія соціальныхъ отношеній вообще возможность работнику бороться за свою заработную плату и заставить предпринимателя удовлетворяться только необходимымъ уровнемъ прибыли. Надъ этимъ вопросомъ слѣдовало бы г. В. В. подумать болѣе внимательно.

какъ бы представляющая нѣчто неограниченное. Такое противоположеніе представляетъ собой нѣчто воображаемое. Капиталъ также величина ограниченная, имѣющая свои особые законы наростанія и — какъ величина для каждой данной эпохи ограниченная — капиталъ также успѣшно борется за свое существованіе и его прибыль никогда не можетъ быть цѣликомъ или въ значительной мѣрѣ захвачена рентой. Въ третьихъ, ограниченность пространственнаго протяженія земли, хотя и является фактомъ, но увеличеніе затратъ капитала на одной и той же территоріи, наличность еще пространствъ незаселенныхъ и недостаточно напоенныхъ капиталомъ даютъ возможность при ограниченности территоріи постоянно расширять потокъ производимыхъ продуктовъ. Въ теченіи 19-го вѣка капиталъ могущественно боролся съ этой ограниченностью территоріи и законъ уменьшающейся производительности почвы вовсе не сказался съ тою ужасающею силою, которую ему приписывали рикардіанцы. Немудрено поэтому, что въ капитализаціи земледѣлія почти всѣ экономисты видятъ залогъ благосостоянія широкихъ массъ человѣчества. Единственное средство борьбы противъ возрастанія стоимости сельскохозяйственныхъ продуктовъ заключается въ капитализаціи земледѣлія и въ развитіи усовершенствованныхъ пріемовъ сельско-хозяйственнаго производства.

В. Въ третьихъ, самое понятіе естественной монополіи совершенно недостаточно разработано[1]). Еще Мальтусъ справедливо писалъ: „при всѣхъ дѣйствительныхъ монополіяхъ, естественны ли онѣ или искусственны, спросъ совершенно чуждъ условіямъ производства и независимъ отъ нихъ, а потому и цѣна монопольныхъ продуктовъ не имѣетъ другой границы кромѣ той, которая опредѣляется числомъ покупателей, ихъ средствами и наклонностями“. Основной признакъ выбранъ совершенно вѣрно: процессъ образованія цѣнъ на продукты при наличности монополіи опредѣляется внѣ условій производства и соперничества. Большинство экономистовъ послѣ Мальтуса совершенно ясно понимали, что цѣна земледѣльческихъ продуктовъ не опредѣляется внѣ зависимости отъ условій производства и соперничества. Мальтусъ и назвалъ,

1) О рентѣ съ городскихъ земельныхъ участковъ и съ домовъ, какъ капитала, я не говорю; обыкновенно этотъ вопросъ и не разсматривается при обсужденіи нашей земельной реформы

поэтому, справедливо монополію землевладѣльца „частичной или относительной“. Д. С. Милль, хотя и сохранилъ за монополіей землевладѣльца названіе естественной, но призналъ, что цѣна на сырые продукты опредѣляется въ условіяхъ соперничества, ибо, какъ онъ писалъ: „землевладѣльцы не въ состояніи составлять коалицій въ виду своей многочисленности“. Для всякаго теперь ясно, что всѣ монополіи возможны только въ извѣстной экономической и общественной средѣ. Основой ихъ является собственность, или равно пользованіе, какой либо необходимой для общества производительной силой. Всѣ продукты, какъ сырые, такъ и обработанные, равно необходимы для жизни общества. Монополія производителя заключается въ возможности захвата въ свою пользу чрезъ процессы образованія цѣнъ относительно большей доли прибавочнаго продукта и прибавочной цѣны. Сила монополіи зависитъ отъ степени этого захвата, какъ бы она не достигалась, подъ дѣйствіемъ ли владѣнія частицей природы или подъ давленіемъ той или иной организаціи тѣхъ или иныхъ условій собственности или пользованія экономическими силами.

Мы знаемъ теперь, что и землевладѣльцы въ состояніи составлять политическія и соціальныя коалиціи, но въ еще большей мѣрѣ такой способностью отличаются представители обрабатывающей промышленности и добыватели желѣза, угля, драгоцѣнныхъ и всякихъ другихъ металловъ и маслъ, въ родѣ нефтянаго. Собственность или пользованіе обращаетъ всѣ монополіи въ одно цѣлое и зачастую соціальная организація капитала даетъ значительный перевѣсъ ему надъ одной естественной монополіей обладанія землею. Такимъ образомъ, въ нашихъ капиталистическихъ условіяхъ нельзя сказать, что землевладѣлецъ неизбѣжно доминируетъ надъ промышленникомъ. Историческая борьба между городомъ и деревней, весь современный протекціонизмъ, всѣ особенности правового быта, нормирующія условія завладѣнія прибавочнымъ продуктомъ въ земледѣліи и фабрикаціи, все это ничто иное какъ картины классовой борьбы за дифференціальный раздѣлъ продукта, борьба экономическихъ силъ за то или иное относительное преобладаніе. Націонализація земли не можетъ быть поэтому какой то панацеей для лѣченія соціальныхъ золъ. Слѣдуетъ прежде всего опредѣлить, кто въ данную историческую эпоху, напр. у насъ,

захватываетъ большій доходъ и тогда можетъ оказаться, что промышленникъ въ теченіи долгаго времени высасывалъ соки изъ крупнаго и мелкаго земледѣльца, политически и соціально надъ нимъ преобладалъ.

Этимъ я не хочу вовсе отрицать того факта, что цѣны на землю подъ вліяніемъ рѣдкости ея для крестьянъ у насъ коллоссально возрасли. Я хочу только показать, что націонализація земли въ смыслѣ захвата ренты государствомъ не въ состояніи будетъ исправить такого положенія вещей. Если бы даже рента была захвачена государствомъ, какъ я уже и выше указывалъ, это не облегчило бы доступа крестьянамъ къ землѣ. Они должны были бы наравнѣ съ крупными владѣльцами платить эту ренту, вырабатывать же ее при отсутствіи машинъ и орудій, помогающихъ ихъ труду, они могли бы съ гораздо большимъ напряженіемъ своихъ силъ. Монополіей на полученіе земли обладалъ бы тотъ, кто въ состояніи отдать государству бо́льшую долю своей ренты, при предположеніи, конечно, что государство не смотритъ на націонализацію, какъ на своего рода общественное призрѣніе неимущихъ, которымъ оно считаетъ необходимымъ значительную долю возможной къ полученію ренты отдавать частью или полностью. Я покажу еще въ слѣдующей статьѣ, что соціальная реформа должна быть экономически цѣлесообразна, а потому не можетъ и не должна быть построена на началахъ общественнаго призрѣнія. Если ее построить на такихъ началахъ, это значитъ придти къ вѣрному банкротству всей реформы. Такимъ образомъ націонализація и въ этой второй формѣ экономически не цѣлесообразна[1]).

1) Не слѣдуетъ забывать и того, что при принадлежности ренты государству промышленный классъ боролся бы съ прежней силою за свою прибыль. Ему, быть можетъ, также какъ и теперь, удалось бы отвоевать значительную долю захваченной государствомъ ренты въ свою пользу, какъ дифференціальную прибыль. Проф. М. Я. Герценштейнъ справедливо писалъ: „наша эпоха выдѣлила капиталистовъ въ первенствующій классъ, съумѣвшій подчинить себѣ не только трудъ, но и другія формы богатства Капиталъ во всѣхъ трехъ его видахъ, какъ торговый капиталъ, промышленный и биржевой, овладѣлъ всѣми рессурсами общественнаго производства и не только подчинилъ себѣ землевладѣльцевъ, но и придалъ обработкѣ земли совершенно иной характеръ, сдѣлалъ ее почти невозможной безъ вложенія значительнаго капитала Вмѣсто того, чтобы поглощать все то, что въ видѣ аренды или въ высокихъ цѣнахъ на сельскіе продукты поступаетъ въ распоряженіе сельскаго хозяина, какъ это имѣло мѣсто въ прежнее время, землевладѣлецъ, при существованіи наемнаго труда и полной зависимости отъ капитала, во многихъ случаяхъ сохраняетъ только титулъ владѣльца, на самомъ же дѣлѣ вполнѣ подчиненъ капиталу“. См. Аграрный вопросъ, Москва, 1905, стр. 114.

Въ третьей своей формѣ національзація земли выступаетъ предъ нами, какъ простой проэктъ передачи земли тѣмъ, кто ее обрабатываетъ своими руками, своей семьей. Другими словами мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ широкой соціально-революціонной реформой, колеблющей всѣ основы экономическаго быта, а съ простымъ предложеніемъ расширенія мелкаго крестьянскаго землевладѣнія. Здѣсь мы вступаемъ въ спокойное русло и можемъ обсуждать этотъ вопросъ въ условіяхъ современнаго буржуазнаго общества съ точки зрѣнія необходимаго развитія производительныхъ силъ. Обсужденію этого вопроса и посвящены двѣ другія статьи.

Въ агитаціи нашихъ народниковъ я вижу одну хорошую сторону. Они только въ томъ смыслѣ дѣлаютъ хорошее дѣло, что изъ ихъ стремленій можетъ вытечь возможно большее расширеніе крестьянской площади землевладѣнія. Въ сущности и весь споръ идетъ лишь о томъ, въ какихъ предѣлахъ мы можемъ расширить крестьянское землевладѣніе, чтобы не пострадала при этомъ ни производительная организація труда, ни интересы работающихъ классовъ нашего народнаго хозяйства. Такая реформа не требуетъ ни полнаго уничтоженія крупнаго землевладѣнія, ни устраненія наемной формы труда, въ развитіи которой я лично вижу залогъ нашего политическаго и соціальнаго прогресса. Къ вопросу о поземельномъ надѣлѣ я обращусь уже въ слѣдующей статьѣ. Въ настоящей замѣткѣ я хотѣлъ только показать, что съ народниками итти одной дорогой невозможно. Нѣтъ ни малѣйшей надобности бояться „фанатизма собственности“, нѣтъ никакой нужды заботиться объ укрѣпленіи въ народѣ путемъ соціальныхъ маневровъ соціалистическихъ идей. Нѣтъ соціальныхъ основаній привлекать массы громкими криками о „національзаціи“. Дѣло идетъ о чисто буржуазной, но плодотворной соціальной реформѣ, которая откроетъ дорогу и для будущихъ соціальныхъ преобразованій, на почвѣ самодѣятельности, знанія, свободы и товарищеской организаціи. Народъ по мѣрѣ своего просвѣщенія самъ найдетъ свою дорогу. Соціализмъ придетъ къ нему, какъ сознательная организація труда въ борьбѣ ряда поколѣній, и только — такимъ образомъ.

Хватитъ ли на всѣхъ земли?

Меня всегда поражалъ вопросъ, который усиленно теперь дебатируется во всей Россіи: хватитъ ли на всѣхъ земли? Какъ экономистъ, я привыкъ къ совершенно иной постановкѣ вопроса, и въ указанной формѣ онъ мнѣ представляется какимъ то страннымъ недоразумѣніемъ. Вѣдь возможно поставить и такой вопросъ: хватитъ ли на всѣхъ мыловаренныхъ заводовъ или хлопчато-бумажныхъ фабрикъ? Никто, между тѣмъ, примѣнительно къ заводамъ и фабрикамъ такого вопроса не ставитъ, ибо онъ явно нелѣпъ. Представить себѣ такую организацію труда, при которой каждый являлся бы обладателемъ мыловареннаго завода или хлопчатобумажной фабрики никто не можетъ, да и не желаетъ. Всякій отлично понимаетъ, что онъ вовсе не заинтересованъ, въ условіяхъ раздѣленія труда, въ обладаніи мыловареннымъ заводомъ. Ему нужно только, чтобы мыла было достаточно. Онъ столь же мало заинтересованъ въ обладаніи хлопчато-бумажной фабрикой. Всѣ, однако, желаютъ, чтобы мыла и тканей было вдоволь, чтобы каждый могъ и мыломъ умыться, и одѣться въ соотвѣтствующія ткани. Иначе, необходимо общественный трудъ такъ организовать, чтобы каждый былъ сытъ, одѣтъ, обутъ, могъ содержать себя и своихъ въ чистотѣ и опрятности, удовлетворить всѣмъ своимъ матеріальнымъ и духовнымъ потребностямъ.

Въ той же формѣ издавна экономисты ставили вопросъ и относительно земли. Они не разсуждали: хватитъ ли на всѣхъ земли, ибо естественно, что, поставивъ такой вопросъ, надо задать и послѣдующій: на какую потребу? Если придется искать земли только для постройки жилищъ, то, конечно, и думать много не придется. Территорія, занятая

человѣчествомъ, такъ обширна, что на постройку жилищъ мѣста хватитъ для всѣхъ. Въ большихъ городахъ можно строить пригороды, въ заселенныхъ центрахъ, гдѣ мѣста мало, приходится строить многоэтажные дома. Во всѣхъ сильно разросшихся общинахъ кругомъ земли еще много и, разъ не хватитъ мѣста для жилищъ, земля можетъ и должна быть отчуждена у сосѣднихъ владѣльцевъ территоріи, которую они употребляютъ для какихъ бы то ни было другихъ цѣлей. По справедливому замѣчанію Льва Толстого, въ его поэтическомъ разсказѣ, и похоронить человѣка мѣста хватитъ: для этого ему нужно только три аршина земли. . . Мальтузіанцы вели совсѣмъ иной споръ о землѣ. Имъ казалось, что земли *не хватитъ для земледѣльческаго производства, для добыванія сельскохозяйственныхъ продуктовъ.* Имъ представлялось, что размножившееся человѣчество перерастаетъ свои производительныя силы, и въ будущемъ ему грозитъ хлѣбная голодовка. Относительно ограниченности тѣхъ богатствъ, которыя даютъ нѣдра земли, они не задумывались. Имъ казалось, что желѣза, золота, нефти и всего прочаго подобнаго человѣчеству хватитъ. Смущало ихъ только производство средствъ пропитанія. Они видѣли, что открытіе Новаго Свѣта, Африки и Австраліи дало европейскому человѣчеству обширную новую территорію, но все же дальнѣйшее увеличеніе пространственныхъ предѣловъ свѣта оказывалось невозможнымъ: вся наличная земельная территорія во всемъ свѣтѣ исчисляется приблизительно въ 13 милліардовъ десятинъ, на долю Россіи изъ этого числа приходится почти два милліарда, и пространственныхъ предѣловъ земной территоріи мы увеличить не можемъ[1]). Съ ужасомъ смотрѣлъ мальтузіанецъ на будущее, сомнѣваясь въ возможности дальнѣйшихъ агрикультурныхъ успѣховъ и видя въ рентѣ, которая достается землевладѣльцу, сдержку для чрезмѣрнаго размноженія массы и залогъ культурнаго совершенства, по крайней мѣрѣ, немногочисленныхъ представителей „бѣлой, дворянской, феодальной кости“. Теперь въ такую постановку вопроса никто не вѣритъ. Демократія

1) Проф. А. Фортунатовъ сдѣлалъ любопытныя вычисленія, каковъ земельный запасъ на одного человѣка. Поверхность суши 8,7 десятинъ. Европа $2^1/_4$ дес.; Франція 1,27; Германія 0,88; Австрія 1,05; Россія $13^3/_4$; Царство Польское 1,09, Кавказъ 4,2, Среднеазіятскія владѣнія 36,6; Сибирь 175,2 десятинъ.

хочетъ сама быть творцомъ своей исторіи, хочетъ культуры для наибольшей массы человѣческихъ существъ, вѣритъ, что всѣмъ одинаково свѣтитъ солнце, и для всѣхъ возможна, необходима и желательна разумная, счастливая и красивая жизнь. Устами Морриса демократія провозгласила, что „съ ея окончательнымъ господствомъ послѣдуетъ новый расцвѣтъ искусства, который будетъ служить непосредственнымъ выраженіемъ радости жизни, прирожденной каждому народу".

Къ тому же быстрый темпъ размноженія человѣчества, который казался столь грознымъ, не оправдался. Прошло цѣлое столѣтіе съ опубликованія труда Мальтуса: человѣчество выросло въ своемъ численномъ составѣ вдвое, а голодовки не произошло. Производительныя силы выросли, и въ началѣ 20-го вѣка люди стали несомнѣнно жить лучше, чѣмъ въ концѣ 18-го вѣка, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ. Поэтому, если подъ вопросомъ: хватитъ ли на всѣхъ земли, разумѣется разумная организація сельско-хозяйственнаго производства для пропитанія людей, то отвѣтъ можетъ быть только положительнымъ. Экономистъ скажетъ: развивайте производительныя силы, организацію труда, культуру, созидайте справедливыя отношенія между людьми и ждите благопріятныхъ результатовъ. Всѣ будутъ одѣты, обуты, прокормятся и будутъ жить, какъ подобаетъ людямъ.

У насъ, однако, вопросъ: хватитъ ли на всѣхъ земли? имѣетъ своеобразный, специфическій характеръ. Вопросъ идетъ о томъ, хватитъ ли земли для надѣленія всего такъ называемаго трудового крестьянства и только крестьянства, а не городского пролетаріата и мѣщанства. Послѣднимъ даже не обѣщаютъ собственнаго дома въ городѣ. Говорятъ, слѣдовательно, о такомъ раздробленіи капитала въ землѣ въ переживаемую нами нынѣ эпоху, чтобы каждый крестьянинъ получилъ или въ свое личное индивидуальное распоряженіе, или въ пользованіе, какъ членъ извѣстной общины, нѣкоторый участокъ, на которомъ онъ могъ бы жить въ своемъ домѣ, кормиться, удовлетворять всѣмъ другимъ своимъ потребностямъ и выполнять свои общегосударственныя обязанности. При такой постановкѣ вопроса заранѣе предполагается, во-первыхъ, что земельной территоріи на такую потребу хватитъ и что каждый крестьянинъ съ благодарностью приметъ переданную ему землю, безропотно подчинившись тѣмъ

условіямъ, на которыхъ земля будетъ ему передана, во-вторыхъ, что крестьянинъ произведетъ на своемъ участкѣ нужное для себя и для удовлетворенія другихъ общественныхъ потребностей количество хлѣба и другихъ запасовъ, въ третьихъ, что такимъ раздѣломъ земли будетъ достигнута наиболѣе справедливая организація общественнаго труда. О нѣдрахъ земли у насъ все это время говорили мало: о соціализаціи нѣдръ земли и объ организаціи добыванія металловъ, угля и прочихъ предметовъ добывающей промышленности вопросъ остался въ сторонѣ. Онъ какъ бы при всей своей важности не входитъ въ проблему аграрнаго вопроса, хотя, по моему мнѣнію, и стоитъ болѣе всего на очереди. Постановка въ той формѣ, какъ она дѣлалась западными экономистами, мнѣ всегда представлялась болѣе правильной. Съ точки зрѣнія организаціи общественнаго труда слѣдуетъ заботиться вовсе не о томъ, чтобы каждый *обладалъ частицею* той или иной производительной силы. Гораздо важнѣе такъ построить производство и организацію труда въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, чтобы каждый могъ съ наименьшимъ количествомъ труда удовлетворять возможно большему кругу своихъ потребностей. Вовсе не нужно того, чтобы возможно большее количество людей производило хлѣбъ и другіе предметы пропитанія. Это столь же не нужно, какъ требовать, чтобы каждый занимался рубкою дровъ или копаніемъ угля для отопленія. Важно то, чтобы хлѣбъ былъ дешевъ, доставался съ наименьшими издержками, чтобы всякій работникъ имѣлъ хлѣба вдоволь, работалъ безъ перенапряженія своихъ силъ и могъ отмѣнно удовлетворять своимъ потребностямъ. Наши народники хотятъ иного: они желаютъ привязать крестьянина къ землѣ, дать ему возможно бо̀льшій участокъ земли, заставить побольше и понапряженнѣе работать своимъ трудомъ, собственнымъ горбомъ, не употребляя никакихъ наемныхъ батраковъ. На счетъ полученія трудовымъ крестьяниномъ орудій и вообще капитала, покамѣсть, они говорятъ мало, хотя расширеніе земельной территоріи предполагается не только для сидящаго на землѣ и болѣе зажиточнаго крестьянства, но и для безземельныхъ и безлошадныхъ, давно сдающихъ свои надѣлы болѣе богатымъ сообщинникамъ. Очень много зато говорятъ о *соціализаціи ренты*, т. е. объ обращеніи въ государственную собственность той доли при-

бавочнаго продукта или прибавочной цѣны, которая будетъ попадать въ руки отдѣльныхъ трудовыхъ хозяйствъ или общинъ благодаря естественнымъ или общественнымъ условіямъ.

Я не являюсь сторонникомъ исключительнаго господства мелкаго крестьянскаго хозяйства и не вѣрю въ большую производительность крестьянскаго труда, въ возможность осуществленія путемъ крестьянскаго хозяйства соціализаціи ренты [1]). Сначала ренту надобно произвести, а потомъ уже соціализировать. Необходимо, слѣдовательно, ранѣе условиться относительно нормальнаго вознагражденія труда „трудового крестьянина“, относительно отчисленія ему извѣстнаго процента на капитализацію для улучшеній своего хозяйства, а потомъ уже мечтать о соціализаціи ренты. Я готовъ, однако, защищать необходимость расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія подъ условіемъ, чтобы новая организація земледѣльческаго труда дала наиболѣе полезные результаты, т. е. чтобы хлѣба было вдоволь для всѣхъ, чтобы онъ былъ дешевъ, чтобы крестьянинъ за свой хлѣбъ могъ не только кормиться, но и дать работу и возможность культурной жизни городскому пролетарію, который будетъ готовить для него орудія производства и все другое необходимое для культурной жизни. Другими словами, я хотѣлъ бы, чтобы хлѣбъ добывался съ наименьшими издержками, продавался на рынкѣ не дорого, чтобы необходимыя фабрики и заводы работали полнымъ ходомъ и не для выгодъ капиталиста, а городского же пролетарія. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія защищать земельной монополіи крупныхъ землевладѣльцевъ, но не буду защищать таковой же и для мелкихъ.

Я неоднократно высказывался въ литературѣ вполнѣ открыто и съ полнымъ убѣжденіемъ, что смотрю на собствен-

---

1) Этимъ я, однако, отнюдь не имѣю желанія отрицать возможности прогресса въ сельско-хозяйственномъ отношеніи среди мелкаго землевладѣнія крестьянства Въ этомъ отношеніи было уже кое что сдѣлано и въ наше время, и можетъ быть сдѣлано еще больше по мѣрѣ развитія сознательной ассоціаціи въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Я не являюсь также защитникомъ сохраненія владѣльческаго хозяйства для существованія въ видѣ образчиковъ культуры Многое можетъ быть сдѣлано и помимо этихъ „образчиковъ“, которые часто и не обращаютъ на себя вниманія. Сохраненіе нѣкоторой доли крупнаго владѣнія мнѣ представляется необходимымъ для сохраненія накопленнаго капитала частнаго владѣнія, организованнаго въ немъ призводства и для возможности приложенія тѣхъ силъ, которыя по тѣмъ или инымъ причинамъ не въ состояніи организовать собственнаго хозяйства.

ность только какъ на средство заставить хозяина съ наибольшей энергіей работать на пользу общую. Собственность — есть нынѣ ничего иное какъ вѣчно-наслѣдственная аренда у общества; причемъ для этой „вѣчности“ скоро наступятъ предѣлы [1]). . . Я много разъ доказывалъ, что собственность, какъ орудіе соціальнаго господства, и только какъ таковое, уже сыграла свою историческую роль. Въ прежнемъ видѣ она существовать не можетъ, и собственникъ, кто бы онъ ни былъ — частный ли владѣлецъ крупнаго имѣнія или фабрики, трудовой ли крестьянинъ или участникъ земельной общины, — заслуживаетъ поощренія лишь въ той мѣрѣ, въ какой, обезпечивая свое благосостояніе, онъ въ то же время выполняетъ возложенную на него обществомъ функцію возможно большаго развитія производительныхъ силъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Мы вынуждены силою самого историческаго процесса стремиться къ наиболѣе полному удовлетворенію потребностей культурной жизни массъ все болѣе мужающей демократіи, и собственникъ является лишь держателемъ общественнаго достоянія, которымъ и обязанъ пользоваться наилучшимъ образомъ. Я не чувствую никакого пристрастія ни къ какой формѣ собственности. Меня интересуетъ только организація труда и культурной жизни. И если я буду знать, что трудовому крестьянину грозитъ голодная борьба за существованіе, а батракъ будетъ сытъ, одѣтъ, обутъ, обладать возможностью восемь часовъ работать, а восемь часовъ жить, какъ подобаетъ человѣку, сдѣлается культурнымъ гражданиномъ, то онъ мнѣ будетъ гораздо болѣе любъ, чѣмъ трудовой крестьянинъ, бьющійся день и ночь надъ своимъ пропитаніемъ. Будетъ доказано противоположное, и трудовой крестьянинъ мнѣ станетъ столь же любъ.

Когда я задумался надъ земельнымъ вопросомъ въ такой формѣ, мнѣ невольно пришло въ голову, что такъ называемые буржуазные экономисты много лѣтъ толкуютъ о томъ, какъ устроить на лучшихъ началахъ сельско-хозяйственное производство. Много лѣтъ назадъ тотъ же вопросъ дебатировался и въ Вольно-Экономическомъ обществѣ и, если мнѣ не измѣняетъ память, этимъ обществомъ

1) Я убѣжденъ, что въ 20-мъ вѣкѣ произойдетъ коренная реформа наслѣдственнаго права.

уже послѣ освобожденія крестьянъ была задана тема на премію, какъ создать такую организацію земледѣльческаго труда, чтобы согласить выгоды крупнаго и мелкаго землевладѣнія, крупнаго и мелкаго хозяйства.

Я очень хорошо понимаю, что крупное и мелкое землевладѣніе, и крупное и мелкое хозяйство — это далеко не одно и то же. Крупное землевладѣніе по существу можетъ быть мелкимъ хозяйствомъ при раздачѣ его въ аренду мелкимъ хозяевамъ изполу или за деньги. Задававшіе эту тему, повидимому, хотѣли создать такой планъ организаціи хозяйства, при которомъ мирно бы уживалось крупное и мелкое землевладѣніе. Но увы, на эту тему, сколько мнѣ извѣстно, сочиненій не было представлено, и премія осталась не присужденной. Практически ту же задачу пытались разрѣшить наши отцы при освобожденіи крестьянъ, но съ соблюденіемъ своего землевладѣльческаго интереса. Они хотѣли мирно жить, но и пользоваться всѣми благами, которыя даетъ владѣніе орудіями производства даже безъ всякаго труда. Мы знаемъ теперь, что мирной жизни не было, и она не предстоитъ и впереди. Крестьянская реформа осталась незавершенной, и новой освобождающейся Россіи приходится рѣшать ту же задачу на премію, но при совершенно другихъ измѣнившихся условіяхъ.

Даже при теперешнемъ ограниченномъ голосованіи интересы владѣющихъ и работающихъ сопоставятся совсѣмъ въ другой формѣ. Реформа грядетъ не сверху, а снизу, и премія будетъ уплачена не золотомъ, а самими результатами громадной общественной задачи, которую предстоитъ совершить. Если освобожденная Россія сумѣетъ организовать трудъ многомилліонной крестьянской Россіи, то она создастъ прочныя условія для мирнаго культурнаго развитія громадной исторической силы русскаго человѣчества. Предъ нами, такимъ образомъ, громадная соціальная проблема, и мы рѣшимъ ее не какимъ либо декретомъ, а долгой, сознательной и осторожной работой. Когда я слышалъ, что партійные голоса говорили: „государственная дума въ первой же сессіи должна рѣшить аграрный вопросъ“, улыбка осѣняла мои уста. Такіе вопросы рѣшаются десятками лѣтъ. Рѣшить этотъ вопросъ можетъ только долгая борьба жизни за организацію труда свободныхъ и сознательныхъ людей. Новая Дума должна будетъ снова поставить эту

проблему. Вновь, нежданно и негаданно, изданныя узаконенія о *продажѣ* удѣльныхъ и казенныхъ земель сильно усложнятъ и безъ того трудную задачу. Новая Дума, конечно, пойдетъ своей дорогой и ей предстоитъ громадная, коллосальная работа. . .

По моему мнѣнію, для рѣшенія земельнаго вопроса у насъ пока нѣтъ слѣдующихъ главнѣйшихъ условій. Во-первыхъ, точнаго знанія по вопросу о положеніи землевладѣнія въ разныхъ районахъ нашей страны; во-вторыхъ, еще не сопоставились надлежащимъ образомъ тѣ умственныя силы и интересы, которые должны будутъ начать работу надъ аграрнымъ вопросомъ и борьбу за организацію труда въ этой области. Эти силы и интересы уже начали было свою работу, но неожиданно она была прервана. . . Въ какомъ видѣ они явятся и сопоставятся въ новой Думѣ я не берусь рѣшать, но всякій ясно понимаетъ, что отъ ихъ продолжительной и плодотворной работы, и только отъ ихъ работы, будетъ зависѣть оздоровленіе всей страны. Въ-третьихъ, я убѣжденъ, что скоро же выяснится, что одно старое средство расширенія земельной территоріи трудового крестьянства окажется недостаточнымъ. Этотъ способъ рѣшенія вопроса достался намъ отъ первой освободительной эпохи нашей предшествовавшей исторіи. Его усиленная проповѣдь была совершенно естественнымъ результатомъ желанія въ болѣе широкихъ и справедливыхъ предѣлахъ возсоздать начала первой освободительной реформы, но не могла, сама по себѣ, дать ясное представленіе о тѣхъ новыхъ творческихъ силахъ и интересахъ, которые явятся для рѣшенія аграрнаго вопроса и которые будутъ имъ противостоять. Переживаемая нами нынѣ эпоха показываетъ, что на пути рѣшенія этого вопроса стоятъ громадныя затрудненія: политическаго, соціальнаго и экономическаго характера. Весьма вѣроятно, что вопросъ будетъ рѣшенъ въ томъ же старомъ направленіи, но даже въ такомъ случаѣ мнѣ представляется, что это будетъ лишь началомъ новой организаціонной работы, при чемъ начало, быть можетъ, совершенно не совпадетъ съ срединой или концомъ работы. Во всякомъ случаѣ попытаюсь и я внести свою лепту въ обсужденіе этого сложнѣйшаго вопроса, но при этомъ заранѣе спѣшу сдѣлать нѣсколько оговорокъ, чтобы быть правильно понятымъ. Въ такомъ вопросѣ всякая неясность при

нашихъ литературныхъ нравахъ можетъ быть поставлена мнѣ въ тяжкую вину, и я хотѣлъ бы этого избѣжать, т. е. быть обвиненнымъ не безъ надлежащаго досье.

Сорокъ пять лѣтъ прошло со времени освобожденія крестьянъ, а между тѣмъ всероссійской промышленной переписи мы не имѣли. Мы едва и кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, дотянули черезъ десять лѣтъ до конца нашу первую перепись населенія. Я далекъ отъ мысли утверждать, что у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній по земельному вопросу. Земская статистика дала намъ не мало данныхъ; собирая свѣдѣнія главнымъ образомъ подъ угломъ народнической доктрины, она, безъ всякаго сомнѣнія, не замѣтила многаго изъ того, что совершалось въ народной жизни; такъ или иначе, но мы очень плохо знаемъ картину нашего землевладѣнія и далеко не ясно представляемъ себѣ совершавшійся процессъ капитализаціи какъ въ отношеніи частнаго, такъ и крестьянскаго хозяйства. Не можемъ потому съ опредѣленностью говорить о томъ, въ какую сторону пойдетъ процессъ развитія, когда всѣ путы, сдавливающія свободу крестьянина, падутъ, когда на мѣсто бюрократической опеки станетъ творческая свободная инициатива личности и явится потребность въ общинной ассоціаціи, но совершенно свободной, а не опутанной законами о семейныхъ раздѣлахъ, передѣлахъ и тому подобнымъ бюрократическимъ хламомъ.

Не могутъ же сторонники освободительнаго движенія не понимать, что новый строй крестьянской жизни долженъ быть построенъ на началахъ промышленнаго самоуправленія, а не опеки, — отъ кого бы она ни исходила? Основываясь на наличныхъ данныхъ, мы не имѣемъ права утверждать, что земская статистика дала намъ готовые отвѣты объ условіяхъ земледѣльческаго труда и предопредѣлила возможность и необходимость раздробленія всей земельной территоріи для организаціи исключительно крестьянскаго хозяйства. Я настойчиво, поэтому, готовъ защищать мысль, что *первымъ началомъ земельной реформы должна быть разумно организованная земледѣльческая перепись*, которая должна дать подробный учетъ земли наличнаго земледѣльческаго населенія и тѣхъ формъ хозяйствъ и ихъ капиталовъ, съ которыми намъ придется имѣть дѣло. Аграрная реформа можетъ быть построена не на тѣхъ статистическихъ гаданіяхъ, полемика относительно которыхъ такъ ожесточенно

велась между А. А. Кауфманомъ и А. А. Чупровымъ, а на положительныхъ данныхъ. Эти данныя должны быть прежде всего собраны, и только тогда опредѣлится возможный надѣлъ и не только возможный, но и наиболѣе цѣлесообразный [1]).

Мнѣ пришлось быть въ качествѣ слушателя на засѣданіи клуба независимыхъ въ Москвѣ, гдѣ одинъ изъ творцовъ партіи демократическихъ реформъ, проф. А. С. Посниковъ, старался доказать, что его партія имѣетъ „самую опредѣленную земельную программу“ и можетъ смѣло утверждать, что земли на всѣхъ хватитъ при сохраненіи частнаго неотчуждаемаго землевладѣнія въ предѣлахъ нормъ отъ 50 до 100 десятинъ. Правда, г. Посниковъ, какъ тогда, такъ и въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ своихъ статей не ссылался на собственныя вычисленія, а только безъ достаточныхъ основаній ссылался на авторитеты проф. Мануилова и Чупрова. Въ номерахъ 26 и 44 газеты „Страна“ проф. Посниковъ пишетъ, что по земельному вопросу г. Кауфманъ и конституціонно-демократическая партія, къ которой онъ принадлежитъ (къ которой примыкаю и я), не даютъ населенію никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній, и видитъ въ этомъ большой недостатокъ названной партіи. Онъ утверждаетъ также, будто, отказываясь теперь же отъ установленія опредѣленныхъ нормъ надѣленія крестьянъ, каждый, а въ томъ числѣ и проф. Герценштейнъ, становится „на сторону помѣщиковъ“. Проф. Посниковъ полагаетъ, что если говорить о добавочномъ надѣленіи серьезно, то надо, конечно, исходить отъ потребности крестьянскаго хозяйства, размѣры котораго предполагается увеличить, а вовсе не изъ того, въ какой мѣрѣ оно возможно и допустимо съ точки зрѣнія интересовъ частновладѣльческаго хозяйства.

Аргументація эта построена на очень шаткихъ основахъ, и это не трудно доказать. Что касается до опредѣленности обѣщаній, то таковыхъ нѣтъ, несомнѣнно, у г. Посникова. Мнѣ представляется, что отсутствіе обѣщаній со стороны конституціонно-демократической партіи можетъ быть поэтому поставлено только въ заслугу этой партіи, ибо лучше не обѣщать, чѣмъ не выполнить, лучше быть осторожнѣе въ такомъ дѣлѣ, какъ организація земледѣльческаго труда,

---

1) Въ приложеніи къ этой статьѣ читатель найдетъ изложеніе результатовъ спора между А. Кауфманомъ, А А Чупровымъ и В. Э. Дэномъ.

чѣмъ наговорить кучу всякаго рода обѣщаній съ одной вѣрой, что норма въ 100 или 50 десятинъ частнаго владѣнія при господствѣ затѣмъ крестьянскаго хозяйства создадутъ идеальную организацію земельнаго строя и будутъ съ одинаковою благодарностью приняты обѣими сторонами, интересы которыхъ придется нормировать. Во всякомъ случаѣ, г. Посниковъ не доказалъ, что при такомъ положеніи создастся идеальная организація хозяйства, какъ не подтвердилъ и того, что интересы владѣющихъ классовъ дадутъ ему возможность построить, хотя бы и чрезъ посредство выкупа, организацію земледѣльческаго труда на такихъ началахъ. Для всякаго, однако, ясно, что норма частнаго землевладѣнія въ пятьдесятъ десятинъ выбрана совершенно фиктивно. О жизнеспособности такого частновладѣльческаго хозяйства говорить невозможно; всѣ прежніе капиталы, затраченные частновладѣльческимъ хозяйствомъ при такихъ условіяхъ, очевидно, должны быть изъяты изъ дѣла и обращенія. Фактически, и это мы подтвердимъ ниже, г. Посниковъ и его партія говорятъ о „націонализаціи земли“, но боятся назвать свою реформу этимъ именемъ, что несомнѣнно не соотвѣтствуетъ опредѣленности программы. Въ партійныхъ выгодахъ это, впрочемъ, принесло мало выгоды; конституціоналисты-демократы на выборахъ пользовались гораздо большимъ успѣхомъ, ибо населеніе оказалось увѣреннымъ, что именно эта партія сдѣлаетъ все возможное для оздоровленія политической и народной жизни. Опредѣленность обѣщаній ей всецѣло возмѣщалась вѣрой въ ея честность, какъ партіи, которая готова сдѣлать все для правильной организаціи труда и культурной жизни народа. Я очень желалъ бы, чтобы и въ предстоящей выборной кампаніи эта партія не принимала на себя никакихъ строго опредѣленныхъ обязательствъ о возможныхъ нормахъ надѣла и размѣрахъ принудительнаго отчужденія. По моему глубокому убѣжденію для этого еще не собрано нужнаго матеріала, не изучены всѣ многообразныя условія нашей страны.

Совершенно нельзя согласиться и съ тѣмъ замѣчаніемъ г. Посникова, будто, только стоя на его точкѣ зрѣнія, можно защищать интересы крестьянства, не попадая въ лагерь защитниковъ помѣщиковъ. Мнѣ представляется, что вопросъ не такъ простъ, какъ это кажется профессору, и въ устахъ такового такой упрекъ менѣе всего понятенъ. Вѣдь

онъ не принадлежитъ къ числу лицъ, незнающихъ того, что по вопросу аграрнаго устройства существуетъ многообразіе взглядовъ среди партій, не имѣющихъ никакого отношенія къ помѣщичьимъ интересамъ. Здѣсь сказывается только старая народническая закваска говорить отъ имени народа, но не его, а чужими устами... Я лично допустилъ бы доведеніе крестьянскаго хозяйства и надѣла даже до 20—25 десятинъ на рабочую семью. Такое крестьянское хозяйство мнѣ представляется наиболѣе жизнеспособнымъ и въ этомъ отношеніи я вполнѣ признаю аргументацію В. Е. Постникова, автора замѣчательной книги о южно-русскомъ крестьянскомъ хозяйствѣ (изд. 1891 г.), котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ проф. А. С. Посниковымъ, авторомъ книги: „Общинное землевладѣніе“ (второе изд., Од. 1878 г.). Но, увы, имѣющійся учетъ земли показываетъ мнѣ, что до такихъ размѣровъ крестьянское хозяйство доведено быть не можетъ. Тогда невольно возникаетъ вопросъ, какъ найти не только *возможную,* но и *цѣлесообразную* форму надѣленія крестьянъ. Желательно ли полное надѣленіе крестьянъ до предѣловъ высшихъ нормъ положенія 1861 г. или только опредѣленныхъ категорій этого крестьянства, не будутъ ли интересы крестьянства и всего народнаго хозяйства лучше соблюдены, если мы сохранимъ жизнеспособное крупное владѣльческое хозяйство, въ какой нормѣ можетъ быть безъ ущерба для крестьянства сохранено такое землевладѣніе, не слѣдуетъ ли озаботиться о такой прирѣзкѣ земли крестьянамъ и общинамъ, которая хотя и не доводитъ норму крестьянскаго землевладѣнія до принятаго предѣла проф. Посниковымъ и его немногочисленными сторонниками, не обезпечиваетъ имъ землевладѣнія до высшей нормы крестьянскаго положенія, но даетъ имъ выгоны, извѣстную долю лѣса и освобождаетъ отъ закабаливающей чрезполосицы и отъ всѣхъ тѣхъ отрѣзковъ, которые служатъ только средствомъ эксплуатаціи благодаря самой неправильности карты хозяйственнаго пользованія. Другими словами, возникаетъ не элементарный вопросъ: *прирѣзка* и *парцелляція земли,* а *земельно-устроительныя работы,* инвидуализирующіяся въ зависимости отъ положенія каждой данной общины и мѣстности. Дѣло идетъ, слѣдовательно, не о защитѣ владѣльческаго хозяйства и интереса, а объ устроеніи крестьянской массы и о сохраненіи организованныхъ въ сельскохо-

зяйственныхъ предпріятіяхъ капиталовъ, которые такъ же нужны для народнаго хозяйства, какъ и капиталы, вложенные въ другія отрасли обрабатывающей промышленности.

Поддаваясь силѣ окружающихъ меня споровъ, я и самъ рѣшился задаться нѣкоторыми „статистическими гаданіями“, при помощи скуднаго и, вѣроятно, весьма ошибочнаго матеріала. Я взялъ семь губерній: смоленскую, орловскую, тульскую, рязанскую, тамбовскую, воронежскую и курскую. Я попытался сдѣлать вычисленія, исходя изъ совсѣмъ другого начала сравнительно съ проф. Посниковымъ, но безъ всякаго желанія защищать интересы ренты частнаго владѣнія, соціализировать которую путемъ раціональнаго налоговаго обложенія гораздо легче, чѣмъ соціализировать ренту трудового крестьянства.

По произведеннымъ мною подсчетамъ оказалось, что въ означенныхъ семи губерніяхъ по даннымъ поземельной статистики 1887 г. территорія частновладѣльческаго хозяйства опредѣляется въ 12.196 тыс. десятинъ, крестьянская надѣльная земля 16.994 т. д., казна и удѣлъ владѣютъ 1.493 тыс. дес., остальнымъ учрежденіямъ принадлежитъ только 649 т. д. При распредѣленіи по угодьямъ для двухъ важнѣйшихъ формъ землевладѣнія получается такая картина: у частныхъ владѣльцевъ всей удобной земли безъ лѣса 8.349 т д., лѣса 3.257 т. д., крестьянской удобной земли безъ лѣса 15.264 т. д., лѣса 992 т. д. Само собою разумѣется, что въ самомъ землевладѣніи и землепользованіи съ 1887 по 1906 г. должны были произойти существенныя перемѣны. По даннымъ коммиссіи о центрѣ крестьяне названныхъ губерній пріобрѣли покупкой чрезъ посредство крестьянскаго банка около 740 т. д., да у нихъ же находится въ арендѣ 820 т. д. частновладѣльческой земли, и, пересданные своимъ же сообщинникамъ надѣлы въ аренду, занимаютъ площадь около 210 т. д., [1])

1) Эти цыфры заимствованы мною изъ матеріаловъ Высочайше Учрежденной 16 ноября 1901 г. коммиссіи по изслѣдованію вопроса о движеніи благосостоянія населенія (Спб 1903) По вопросу о распространенности аренды въ нашей литературѣ существуютъ также большія разногласія Коммиссія 1901 пришла къ выводу, что „въ общемъ аренда крестьянами внѣнадѣльныхъ земель незначительна, ибо достигаетъ лишь 9.5% (общая масса арендуемыхъ въ 50 губ. земель 19.507 тыс десятинъ) площади удобной внѣнадѣльной и 19,0% одной удобной частновладѣльческой земли“. По тѣмъ же даннымъ „площадь арендуемой крестьянами земли составляетъ во среднемъ для 50 губерній 17,4 % по отношенію къ

другими словами землепользованіе крестьянъ вѣроятно достигаетъ приблизительно 19 милліоновъ десятинъ, своей же земли около 18 мил. дес.

Допустивъ, что въ грубыхъ чертахъ картина землевладѣнія и землепользованія намѣчена этими данными, приходится поставить вопросъ, какую переверстку земли можно произвести, чтобы не пострадали интересы народныхъ массъ, т. е. чтобы земельная реформа не обратилась въ простую перетасовку земли безъ замѣтнаго подъема благосостоянія и упроченія крестьянскихъ массъ и безъ расточенія капиталовъ, накопленныхъ и затраченныхъ въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ. Кромѣ того, при земельной реформѣ необходимо имѣть въ виду, что самый процессъ надѣленія можетъ вызвать необходимость многочисленныхъ передвиженій крестьянства изъ одной мѣстности въ другую, что легко можетъ вызвать не малое количество осложненій и серьезныя затраты новаго капитала на обзаведеніе. Никогда не слѣдуетъ забывать, что крестьянинъ такой же гражданинъ, какъ и представители другихъ классовъ. Его нельзя передвигать по территоріи, какъ передвигаются шашки на шахматной доскѣ, и каждая община можетъ ревниво воспротивиться введенію въ ея составъ новыхъ членовъ, съ которыми у нея ранѣе не было никакихъ общественныхъ связей.

Чтобы сколько нибудь подойти къ рѣшенію вопроса, я обратился къ одной запискѣ министерства финансовъ, изданной въ 1897 г. Въ этой запискѣ приведены данныя о распредѣленіи дворянской земли и имѣній по группамъ въ 1877 г. и 1895 г. Не имѣю надобности и оговариваться, что данныя 1895 г., которыя я ниже сопоставилъ въ таблицѣ, столь же мало надежны, какъ и вся наша земель-

---

крестьянской надѣльной землѣ. По отдѣльнымъ районамъ соотношеніе это колеблется между 3,9 % (Сѣверо-Восточный районъ) и 67,7 % (Юго-Восточный районъ)". Проф. Карышевъ полагалъ, что площадь арендуемой крестьянами земли достигаетъ 50 мил. десятинъ для всей Евр. Россіи Этотъ разсчетъ совершенно фиктивенъ и требуетъ допущенія, что частные владѣльцы почти не ведутъ своего хозяйства. Проф. Мануиловъ (см. Энциклопедическій словарь Брокгауза, 1-й дополнит томъ, изд. 1905 г.) пишетъ: „по новѣйшимъ подсчетамъ, произведеннымъ на основаніи земскихъ данныхъ, въ 163 уѣздахъ дворовъ, арендующихъ внѣнадѣльную землю, насчитывается 1.526.597, что составляетъ 37% наличнаго числа дворовъ. Площадь, арендуемая крестьянами въ 183 уѣздахъ, достигаетъ 10 мил. десятинъ, т. е. около 20% надѣльной земли". Бѣдная россійская статистика, при помощи которой можно приходить къ такимъ разногласіямъ.

ная статистика, но за неимѣніемъ лучшей приходится ею удовлетворяться. Я произвелъ для семи означенныхъ губерній подсчеты, и оказалась слѣдующая картина дворянскаго землевладѣнія по группамъ:

Владѣнія.	Средній размѣръ владѣнія.	Число владѣній.	У нихъ всего земли
До 100 десят. . . .	32 неотчуж.	14.135	403 тыс. д.
Отъ 100 до 500	287 принуд	6.082	1.758 „ „
„ 500 „ 1000 около . .	600 ½ прин отч.	1 840	1.271 „ „
„ 1000 „ 5000 „ .	1800 ⅚ „ „	1.233	2.243 „ „
Свыше 5000 „ . .	12000 ¹¹/₁₂ „ „	149	1 810 „ „

Одновременно я заглянулъ въ данныя о покупкѣ и продажѣ дворянской земли во всей Россіи съ 1894 по 1897 г., какъ онѣ даны въ выпускѣ девятомъ матеріаловъ по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Изъ нихъ оказывается, что продавцевъ отъ 1 до 50 десятинъ было 21,9 тыс. человѣкъ, покупателей 7,0, ими продано 178 тыс. десятинъ, куплено 75,1; отъ 50 до 1000 десятинъ продавцевъ было 11,3 тыс., покупателей 4,9 тысячъ, ими продано 2.681, куплено 1.316 т. д.; отъ 1000 дес. и выше продавцевъ 1.172, покупателей 699, ими продано 4.406 и куплено 2.258 т. д.

Надежныхъ выводовъ изъ этого сопоставленія сдѣлать, конечно, нельзя, но кое какія указанія они намъ даютъ. Норма партіи демократическихъ реформъ въ 50 десятинъ для частнаго владѣнія оказывается простою фикціей. Она уничтожается силою неизбѣжнаго историческаго процесса: продавцевъ этихъ участковъ втрое болѣе, чѣмъ покупателей и втрое же большее количество земли переходитъ въ другія, не дворянскія руки, куда — этого съ точностью мы опредѣлить не можемъ. Да это и понятно само собою. Какого либо раціональнаго хозяйства дворянское землевладѣніе на такихъ участкахъ создать не можетъ и, въ лучшемъ случаѣ, такая норма могла бы служить лишь дачей для лицъ, имѣющихъ заработки въ другихъ профессіяхъ. Болѣе устойчивымъ является только землевладѣніе отъ 50 до 1000 десятинъ, но и оно таетъ такъ же, какъ и всѣ другія крупныя владѣнія дворянъ. Если мы обратимся къ статистикѣ Соединенныхъ Штатовъ, т. е. къ странѣ, гдѣ размѣры землевладѣнія хоть сколько нибудь приближаются къ нашимъ условіямъ, то получимъ слѣдующія цифры о

движеніи землевладѣнія по даннымъ цензовъ съ 1880 по 1900 годъ.

		Число владѣній въ %		
		1880 г	1890 г	1900 г.
Менѣе	10 акровъ . .	3,5	3,3	4,7
Отъ 10 до	50 „ . .	25,8	25,6	29,0
„ 50 „	100 „ .	25,8	24,6	23,8
„ 100 „	500 „ . .	42,3	44,0	39,9
„ 500 „	1000 „ .	1,9	1,8	1,8
Свыше	1000 „ . .	0.7	0,7	0,8

На основаніи огульныхъ цифръ трудно дѣлать какіе либо выводы, но нельзя изъ разсмотрѣнія ихъ не замѣтить, что среднее по размѣрамъ землевладѣніе довольно устойчиво. Мелкое землевладѣніе наростаетъ, но медленно, и въ періодъ трехъ цензовъ особенно крупныхъ видоизмѣненій вообще не произошло. Другими словами, процессы видоизмѣненія формы землевладѣнія совершаются медленно, если они предоставлены собственной судьбѣ.

Проектируемая у насъ реформа должна вступить въ жизнь законодательнымъ порядкомъ Я задалъ себѣ вопросъ, что, если она положитъ въ свою основу стремленіе сохранить, хотя бы временно, среднюю форму землевладѣнія, при которой возможна была бы, первоначально въ условіяхъ трехпольнаго, а затѣмъ и многопольнаго хозяйства, раціональная постановка культуры земли? Почти доминирующей формой дворянскаго землевладѣнія въ означенныхъ семи губерніяхъ является мелкое, слѣдующей группой является землевладѣніе отъ 100 до 1000 десятинъ съ среднимъ размѣромъ отъ 300 до 600 д. Теоретически я предположилъ, что было бы желательнымъ произвести такую постановку дѣла: *признать неотчуждаемыми принудительнымъ порядкомъ владѣнія до 300 десятинъ.*

На такихъ участкахъ всѣ данныя агрономической науки говорятъ о возможности вполнѣ раціональнаго хозяйства съ соотвѣтствующими земледѣльческими орудіями. Къ тому же, почти одна треть владѣльческой земли находится подъ лѣсомъ, почти одна пятая отдается въ аренду, поэтому для землевладѣнія свыше 300 десятинъ отчужденіе *значительной части территоріи могло бы только служить поводомъ къ интенсификаціи капиталомъ оставшейся земли.* Исходя изъ такого предположенія, я допустилъ, что возможно при-

знать владѣнія первыхъ двухъ группъ неотчуждаемыми принудительно, въ третьей группѣ принудительно отчуждаемымъ до половины земли, въ четвертой до $^5/_6$, въ пятой до одиннадцати двѣнадцатыхъ земли [1]). Въ этой послѣдней группѣ для процесса сохраненія и интенсификаціи затраченнаго капитала оставалось бы, слѣдовательно, приблизительно до 1000 десятинъ на владѣніе. Все же остальное частное землевладѣніе приблизительно было бы нормировано на 300 десятинахъ. Само собою разумѣется, что невозможность принудительнаго отчужденія не устраняла бы процесса отчужденія во всѣхъ группахъ владѣній или черезъ продажу, или по иному добровольному соглашенію. *Въ разумно-выбранной прогрессіи отчужденія и въ парцелляціи только части отчужденной земли* я вижу залогъ успѣха аграрной реформы[1]). Организованное хозяйство должно быть сохранено; часть отчуждаемой земли должна быть использована въ интересахъ всей общины или села безъ передачи ея въ видѣ парцеллъ хозяевамъ

Тогда мы будемъ имѣть слѣдующую табличку наличнаго запаса отчужденія дворянской земли въ семи взятыхъ губерніяхъ:

Норма отчужденія	Весь запасъ отчужденія
Въ третьей $^1/_2$	635 т. десятинъ.
„ четвертой $^5/_6$	1,870
„ пятой $^{11}/_{12}$	1,660
	Всего 4,165.

По даннымъ той же статистики 1895 года территорія всей дворянской земли простирается до 7,486 тыс. десятинъ, слѣдовательно, въ распоряженіи дворянскаго сословія могло бы за вычетомъ отчуждаемой земли остаться до 3,321 т. д. Допустивъ возможность частичнаго отчужденія во второй группѣ, гдѣ нѣкоторыя владѣнія превышаютъ норму трехсотъ десятинъ, отбросивъ нынѣ уже отчужденную продажей землю, мы, вѣроятно, пришли бы къ положенію, что

---

1) Не имѣя точныхъ данныхъ о размѣрахъ затраченнаго частнымъ владѣніемъ капитала, я беру примѣрно максимальныя нормы прогрессіи отчужденія Только разрѣшивъ, во первыхъ, принципіальный вопросъ о принудительномъ отчужденіи, и во вторыхъ, точно изучивъ капитализацію частновладѣльческаго хозяйства въ связи съ размѣромъ владѣнія можно было бы опредѣлить эту прогрессію отчужденія болѣе научно и цѣлесообразно.

площадь дворянской земли уменьшилась бы болѣе, чѣмъ на половину, создавая необходимость интенсификаціи работы наличнаго капитала при уменьшившейся территоріи землевладѣнія до 3,000 т. дес.

Такъ какъ въ частномъ владѣніи находится до 12,000 т. десятинъ, то вѣроятно дальнѣйшее увеличеніе запаса отчужденія еще на 2,500 т. д. При отчужденіи двухъ третей казенной и удѣльной земли въ общемъ для всѣхъ семи губерній получился бы запасъ отчужденія въ 7,986 т. десятинъ, т. е. около восьми милліоновъ десятинъ. Мы исчислили ранѣе площадь частновл. удобной земли въ 8,349 т. д. и лѣса въ 3,257 т. д. При отчужденіи половины лѣса и половины всей удобной земли частное землевладѣніе должно было бы потерять, слѣдовательно около 5,803 тысячъ десятинъ, крестьянское же землевладѣніе пріобрѣсти до 4,174 т. десятинъ удобной земли и 1,628 т. д. лѣса. Всего же, въ такомъ случаѣ, крестьянство могло бы получить около шести милліоновъ десятинъ на всю площадь своего землевладѣнія въ 18 милліоновъ, т. е. его надѣлы, при отчужденіи половины всей частновладѣльческой земли, могли бы быть увеличены всего на одну треть безъ полнаго крушенія частновладѣльческаго хозяйства и затраченныхъ имъ капиталовъ. Теперь обратимся къ другой сторонѣ проблемы; взглянемъ на составъ наличнаго населенія крестьянства и на способы распоряженія означенной отчуждаемой территоріей.

Я не хотѣль бы, чтобы читатель могъ думать, будто, исходя изъ соціалистическихъ воззрѣній, вѣрнѣе съ точки зрѣнія общественной организаціи труда, я не склоненъ защищать интересы мелкаго трудового крестьянства. Я уже говорилъ въ предшествовавшей статьѣ, что ни фанатизмъ собственности, ни якобы мелко-буржуазная точка зрѣнія крестьянства меня не пугаютъ. Я говорилъ и буду повторять безсчетное количество разъ, что слѣдуетъ всѣми мѣрами заботиться о поднятіи благосостоянія крестьянской массы; въ этомъ — залогъ нашего соціальнаго прогресса и мирнаго политическаго развитія. Но я въ то же время думаю, что одной прирѣзкой земли мы еще сдѣлаемъ немного.

По даннымъ переписи 1897 г. наличное населеніе обоего пола во взятыхъ мною семи губерніяхъ было 14,365 тыс.

человѣкъ. Общее число лицъ, показавшихъ себя простыми рабочими въ тѣхъ же губерніяхъ было 135,8 тыс. мужчинъ и 19,4 т. женщинъ. Въ сельско-хозяйственномъ промыслѣ въ среднемъ въ этихъ губерніяхъ оказалось занятымъ 81,6 % всего наличнаго населенія. По разсчетамъ коммиссіи о центрѣ наличное населеніе мужского пола въ 1896—1900 г было 7,932 тыс. чел. Принимая приростъ населенія въ 15 человѣкъ на тысячу, мы можемъ предположительно считать, что населеніе мужского пола въ 1906 г. опредѣлится не менѣе 8 милліоновъ душъ. По даннымъ той же коммиссіи о центрѣ, количество земли на наличную душу крестьянскаго мужского населенія было у всѣхъ разрядовъ въ среднемъ и по губерніямъ таково: въ смоленской въ среднемъ 2,5 дес., съ колебаніями отъ 1,7 до 3,5; въ орловской 1,8, съ кол. 1,7—2,0; въ тульской 1,6, съ кол. 1,1—2,0; въ рязанской 1,7, съ кол 1,4—2,3; въ тамбовской 2,0, съ кол. 1,4—2,5; въ воронежской 2,4, съ кол. 1,6—3,7; въ курской 1,7, съ кол. 1,0—2,3 Сложный и темный вопросъ о степени насыщенности отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ капиталомъ, т. е. скотомъ и рабочими орудіями всѣхъ другихъ видовъ, я оставляю въ настоящей статьѣ въ сторонѣ. Но изъ приведенныхъ данныхъ, я думаю, для всякаго ясно, что при огульной прирѣзкѣ земли въ предположенныхъ мною предѣлахъ общее расширеніе крестьянской площади владѣнія для восьми милліоновъ душъ мужского пола и при наличности шести—восьми милліоновъ десятинъ, при площади крестьянской земли въ 18 милліоновъ десятинъ, само по себѣ, не можетъ быть признано настолько значительнымъ, чтобы оно рѣшало аграрный вопросъ Къ тому же, по моему глубокому убѣжденію, неизбѣжно еще и рѣшеніе слѣдующихъ главнѣйшихъ вопросовъ. 1. Во первыхъ, необходимо точное выясненіе количества лѣса, которое должно быть признано защитнымъ, такъ какъ полное истребленіе лѣсной территоріи грозитъ многими опасностями. Пространственный запасъ этого лѣса долженъ быть точно выясненъ, какъ для казеннаго, такъ и для частновладѣльческаго и крестьянскаго хозяйства. 2. Во вторыхъ, пользованіе лѣсомъ, подлежащимъ отчужденію въ пользу крестьянъ изъ частновладѣльческаго хозяйства, должно быть также нормировано и только часть его можетъ быть обращена подъ пашню.

3. Въ третьихъ, луга и выгоны, отъ отсутствія которыхъ крестьянское хозяйство разоряется и попадаетъ въ кабалу, должны поглотить значительную долю отчуждаемой территоріи и способъ пользованія ими долженъ быть организованъ такъ, чтобы маломощное крестьянство не попало въ кабалу своихъ болѣе богатыхъ капиталомъ сообщинниковъ. 4. Въ четвертыхъ, необходимо опредѣлить возможные предѣлы расширенія селитьбенныхъ мѣстъ и огородныхъ площадей при этихъ мѣстахъ. 5. Въ пятыхъ, важно распредѣленіе крестьянъ по категоріямъ и опредѣленіе той массы ихъ, которая можетъ быть устроена на своихъ же мѣстахъ, безъ какой-либо миграціи по территоріи. 6. Въ шестыхъ, необходимо опредѣлить условія вселенія въ данныя общины пришлыхъ элементовъ, гдѣ по размѣру отчуждаемой территоріи это окажется возможнымъ и тѣ условія, на которыхъ общины могутъ давать или не давать своего согласія. Требуется, такимъ образомъ, нормировать и притомъ на началахъ свободы и права, *условія промышленнаго самоуправленія*, при чемъ мнѣ представляется, что воспрещеніе въ общинахъ наемнаго труда, какъ желаютъ наши націонализаторы, было бы величайшимъ насиліемъ, осуществить которое, къ счастью, совершенно невозможно. Всякая попытка въ этомъ направленіи могла бы только устранить всякую возможность прогресса и разумнаго сочетанія труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ. 7. Въ седьмыхъ, надлежитъ выяснить возможность образованія новыхъ селеній на отчуждаемой территоріи, предѣлы добровольной эмиграціи и условія обезпеченія новоселовъ капиталомъ обзаведенія на новыхъ мѣстахъ. 8. Слѣдуетъ оставить опредѣленное количество земельной территоріи, безъ раздробленія на отдѣльныя участки хозяевамъ, для организаціи школъ, для больницъ и другихъ общественныхъ учрежденій, памятуя, что уже въ 1910 г., при теперешнемъ приростѣ въ 15 на 1000, населеніе Россіи будетъ 156,6, въ 1950 г. — 282,7 и 2000 году — 594,3 мил. человѣкъ.

Само собою разумѣется, что я не предрѣшаю еще и вопроса объ условіяхъ отчужденія частновладѣльческой земли. Я уже говорилъ, что мнѣ представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ опредѣленіе нормы принудительнаго отчужденія съ предоставленіемъ права отчуждать все ниже нормы частнаго владѣнія по добровольному соглашенію.

Всѣ эти условія отчужденія, съ вознагражденіемъ по той или иной справедливой оцѣнкѣ, должны быть также точно и опредѣленно вырѣшены Послѣ всего сказаннаго, мнѣ представляется, должно быть ясно, что провести въ жизнь аграрную реформу мы будемъ только тогда въ состояніи, если въ основѣ нашей работы будутъ лежать *точныя данныя промышленной переписи,* которая и должна быть произведена немедленно же по законодательному постановленію Государственной Думы и совершена съ наибольшею быстротой и тщательностью. Предъ нами, такимъ образомъ, громадная землеустроительная работа, и чѣмъ скорѣе мы къ ней приступимъ, тѣмъ лучше. Чѣмъ интенсивнѣе будетъ итти общественная работа, тѣмъ лучше. Въ ней залогъ плодотворности нашего обновленія, а не въ спорахъ о націонализаціи земли. Не о конфискаціи собственности должна итти рѣчь[1]), а о справедливой организаціи труда, при которой старый владѣльческій классъ долженъ мирно уступить мѣсто вновь нарождающейся рабочей демократіи, въ которой залогъ нашего соціальнаго могущества.

---

1) Нецѣлесообразность конфискаціи была блестяще доказана безвременно погибшимъ проф М Я Герценштейномъ въ его брошюрѣ: „Конфискація или выкупъ“ (Москва, 1906). Онъ приводитъ противъ конфискаціи, какъ чисто соціальныя, такъ и экономическія соображенія; по его мнѣнію, если принять въ соображеніе сопротивленіе, смуты и кровавую борьбу, которыя потребовала бы конфискація, она въ сущности была бы самою дорогою формою экспропріаціи Важнѣйшія экономическія соображенія заключаются въ томъ, что земля давно уже превратилась въ имущество, на которое потрачена масса капитала, которое переходило путемъ купли-продажи изъ рукъ въ руки, на этомъ имуществѣ лежитъ чисто закладное право, держателями доходовъ съ -котораго являются многія лица При возможности перехода одного вида имущества въ другой, при сложныхъ отношеніяхъ, существующихъ между землевладѣльцами и городскими капиталистами, конфискація одного вида имущества — земли, при оставленіи всѣхъ остальныхъ видовъ имущества, не можетъ быть оправдана.

Приложеніе.

По вопросу о томъ, хватитъ ли земли для надѣленія крестьянъ по высшимъ нормамъ 1861 г, существуетъ большое разногласіе между спеціалистами. По мнѣнію проф. А А Мануилова и А А. Чупрова, для такого надѣленія потребуется, кромѣ казенныхъ оброчныхъ статей и удѣльныхъ земель, около половины частновладѣльческихъ земель (кромѣ лѣсовъ) А. А. Кауфманъ, напротивъ, пришелъ къ выводу, что о нормахъ 1861 г. и рѣчи быть не можетъ. Изъ составленной А. А Кауфманомъ таблицы (см № 1 Право за 1906 г.) явствуетъ, что въ 44 губерніяхъ малоземельное населеніе достигаетъ 37 587.000 душъ. При надѣленіи его по высшей нормѣ (средней по каждой губерніи) необходимо располагать площадью въ 156.676.000 дес Въ дѣйствительности малоземельное населеніе владѣетъ 83.561.000, слѣдовательно не хватаетъ 73.115 000. Этотъ недохватъ можно было бы покрыть слѣдующимъ образомъ: а) земельныхъ угодій, принадлежащихъ казнѣ, имѣется 3.503 000 дес., удѣламъ 1 806 000, частнымъ владѣльцамъ 38.882 000, всего 44.245.000 Если всѣ эти земли обратить на надѣленіе, то не хватило бы слѣдовательно, по мнѣнію Кауфмана, 28.870.000 дес, т. е. даже при отчужденіи всей частно владѣльческой земли нѣтъ возможности довести надѣленіе малоземельныхъ крестьянъ до высшихъ нормъ 1861. Недохватъ распаханной земли, правда, можно пополнить за счетъ лѣсной площади, сверхъ 25 % лѣсистости, и это дало бы возможность располагать 57 418.000 дес лѣса, т е такой территории, которая съ избыткомъ покрыла бы недостатокъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что лѣса расположены, главнымъ образомъ, въ губерніяхъ мало пригодныхъ для сельскаго хозяйства, такъ на Пермскую губ. изъ этого общаго числа лѣсовъ падаетъ 34.554.000 дес., на Олонецкую 6.239.000, Вятскую 4.987.000. Въ виду этого г. Кауфманъ полагаетъ, что и включеніе лѣсовъ не пополнитъ недостатки. Проф. В. Э. Денъ въ двухъ любопытныхъ изслѣдованіяхъ: „Къ вопросу о дополнительномъ надѣленіи“ (Право, № 15 и 16 за 1906 г) и „Хватитъ ли земли по нормамъ 1861 г.“ (Свобода и Культура, № 7, за 1906 г) подвергъ изслѣдованія А. Чупрова и А. Кауфмана провѣркѣ, какъ съ методологической стороны, такъ и со стороны вычисленій. Я не стану останавливаться на первой сторонѣ его изслѣдованія Отмѣчу только, что и онъ ясно сознаетъ, что какой либо точный отвѣтъ на обсуждаемый вопросъ по существу при современномъ состояніи статистическихъ матеріаловъ невозможенъ. Онъ вполнѣ

присоединился къ моему мнѣнію, что у насъ должна быть произведена хозяйственная перепись, которая „познакомитъ насъ съ распредѣленіемъ земли, какъ по владѣніямъ, такъ и по хозяйствамъ на земляхъ не только крестьянскихъ, но и казенныхъ, удѣльныхъ, частно-владѣльческихъ и т д.“ „Только тогда, когда будетъ произведена такая перепись, разумно полагаетъ онъ, мы получимъ прочный фундаментъ для точнаго рѣшенія вопроса о томъ, въ какихъ предѣлахъ осуществима та земельная реформа, которой въ настоящее время съ такимъ нетерпѣніемъ жаждетъ крестьянская Россія“

При современномъ состояніи статистическихъ матеріаловъ онъ считаетъ возможнымъ дать только предположительный отвѣтъ По его исчисленіямъ для 18 черноземныхъ и 18 нечерноземныхъ губерній минимумъ земли необходимой для дополнительнаго надѣленія, составитъ 41,8 м д., максимумъ 53,5. Между этими крайностями лежитъ средняя цифра въ 47,6 м. дес При сравненіи этихъ результатовъ съ исчисленіями Кауфмана и Чупрова получается такая картина Цифра необходимаго дополнительнаго надѣленія, полученная г. Деномъ для 36 губ по способу Чупрова составляетъ 35,6, т е ниже даже минимальной изъ полученныхъ цифръ: 41,8 Что же касается цифры Кауфмана, то для разсматриваемыхъ 36 губ. она составляетъ 55.250, т. е. нѣсколько выше полученной г. Деномъ максимальной цифры Онъ полагаетъ, что мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если предположимъ, что количество земли, необходимое для дополнительнаго надѣленія, составитъ около 50 мил. дес. Если же допустить вычетъ купчихъ крестьянскихъ земель, которыя имѣются у малоземельныхъ крестьянъ и могутъ поступить на покрытіе недостатка у этихъ крестьянъ, то быть можетъ эту цифру удастся понизить и до 40 мил дес При такомъ допущеніи получится при доведеніи до высшихъ нормъ въ 18 черноземныхъ губерніяхъ избытокъ частновладѣльческихъ угодій въ 7,4 м. д., а въ 18 нечерноземныхъ недостатокъ въ 1,3 м д, что въ общемъ итогѣ для 36 губерній дастъ избытокъ въ 6,1 м, дес Сдѣлавъ еще вычеты земель подъ лѣсами, онъ приходитъ къ мысли, что дефицитъ нечерноземныхъ губерній увеличивается съ 1,3 м д. до 6,3, а общій избытокъ земель падаетъ до 1,1 мил д. Свои окончательные выводы онъ формулируетъ такимъ образомъ: „исходя даже изъ того весьма умѣреннаго разсчета, который мы назвали среднимъ между двумя крайностями и на которомъ покоятся наши конечные результаты, мы все же приходимъ къ выводу, что, по сколько мы оставимъ нетронутыми лѣса, дополнительное надѣленіе до нормъ 1861 г можетъ быть осуществлено только цѣною полной или почти полной ликвидаціи частновладѣльческаго земледѣльческаго хозяйства“. . . Проф А А. Чупровъ въ статьѣ „Къ вопросу о земельномъ балансѣ аграрной реформы“ (см Право, № 29) снова взялся за перо, чтобы отстоять свое положеніе По его мнѣнію „осторожное“ изслѣдованіе проф Дена лишь подкрѣпляетъ его „неосторожный“ выводъ, что на нормы 1861 года въ Россіи земли хватитъ за глаза, *„по скольку позволяютъ судить имѣющіяся у насъ статистическія данныя“*.

Результатъ этого спора, по моему мнѣнію, можетъ быть только одинъ, къ которому въ свое время и пришелъ проф Герценштейнъ: „Было бы осторожнѣе при проэктируемомъ надѣленіи отказаться теперь же отъ установленія опредѣленныхъ нормъ Вмѣсто того, чтобы напередъ рѣшить, по

какой нормѣ совершить надѣленіе, цѣлесообразнѣе было бы обратиться *къ тому земельному фонду, которымъ можно воспользоваться для этой цѣли* Поэтому прежде всего необходимо выяснить, сколько земли можетъ быть добыто для дополнительнаго надѣленія и уже потомъ подойти къ вопросу о томъ, какъ этотъ фондъ долженъ быть распредѣленъ (см Земельная реформа въ программѣ партіи народной свободы, Москва, 1906 г., стр 32). Я добавилъ бы къ этому только то, что при опредѣленіи размѣровъ этого фонда стремиться къ полной ликвидаціи частновладѣльческаго хозяйства было бы и экономически нецѣлесообразно, и соціально-политически не осуществимо. Таково мое личное, глубокое убѣжденіе.

P S. На точности своихъ исчисленій я не имѣю намѣренія настаивать. Это только иллюстрація для предполагаемой прогрессіи отчужденія. Совершенно не зная распредѣленія по владѣніямъ не дворянской частновладѣльческой земли, я предполагаю изъ 4,700 т д. ея могущей подлежать отчужденію не болѣе 2,500 т д Въ то же время количество распроданной уже дворянской земли, вѣроятно, гораздо выше моихъ предположеній

Государственный земельный фондъ и соціальная реформа.

I.

Пройдетъ немного времени и съ проясненіемъ политической атмосферы, а также съ ростомъ сознанія среди представителей рабочаго класса, у насъ исчезнетъ то преклоненіе предъ „популизмомъ“, которое овладѣло теперь наиболѣе энергичными слоями интеллигенціи. Я очень хорошо понимаю, что „ubi Deitas creditur, ratio non quaeritur“, т. е. гдѣ идетъ дѣло о вѣрѣ въ Божество, тамъ не умствуютъ, не сомнѣваются и „fides precedit rationi“ Только тогда, когда одна простая и элементарная вѣра потерпитъ крушеніе, наступитъ время разума, станетъ ясно, что для построенія демократіи недостаточно одной четырехчленной формулы. Потребуется суровое воспитаніе жизни и борьбы, которое убѣдитъ и разумныхъ вождей, и самую демократію, что достижимое въ далекомъ будущемъ осуществляется небольшими, я сказалъ бы словами школы Бэмъ-Баверка, *предѣльными* дозами для каждой исторической эпохи, что вчерашнее довлѣетъ надъ завтрашнимъ днемъ и что капиталъ во всѣхъ его формахъ имѣетъ свою историческую миссію. . . И это время не за горами. . .

Когда я читалъ проектъ аграрной реформы трудовой группы, въ первомъ параграфѣ котораго декретируется отмѣна частной собственности, мнѣ невольно припомнились слова Базара въ его „Exposition de la Doctrine de Saint Simon“ (см. 3 изд., стр. 238—9). „Вполнѣ естественно, писалъ онъ, что, наслушавшись слишкомъ много всякихъ мечтаній о равенствѣ, лица, желающія высказать мнѣніе по вопросу о принципѣ и началахъ (de la constitution) собственности,

кончатъ тѣмъ, что родятъ (finiront par accoucher) *аграрный законъ*. . Не смотря на всѣ усилія уравнителей, Франція бросилась въ объятія римскаго права и возвратилась къ феодальнымъ учрежденіямъ. Наши публицисты смотрятъ на эту эпоху, какъ на настоящую реакцію, которая была, однако, необходима, чтобы выйти изъ революціоннаго хаоса (tourmente revolutionnaire) и вступить въ портъ конституціонализма". Я очень не хотѣлъ бы, чтобы наше освободительное движеніе шло той же дорогой, и, конечно, сознаю всю разницу въ условіяхъ соціальнаго быта эпохи первой промышленной революціи сравнительно съ нашимъ временемъ. Но, когда я слышу и вижу общественныхъ дѣятелей и агитаторовъ, стремящихся стать вождями демократіи, которые идутъ въ народъ подъ знаменемъ: земля Божья и мы Божьи, меня охватываютъ нѣкоторыя опасенія за будущее. . . Когда я читаю въ русской соціалъ-демократической программѣ о „захватѣ" помѣщичьей земли съ оговоркой, однако, что для прочнаго обезпеченія за крестьянами захваченной ими насиліемъ земли потребуется и будетъ дана санкція учредительнаго собранія, я мысленно переживаю тѣ эпохи французской революціи, когда почти рядомъ съ девизомъ: „plaçons la terreur à l'ordre du jour" дѣйствовалъ и другой реальный законъ, каравшій смертью каждаго, кто предложитъ проектъ аграрнаго закона, но въ наступленіе подобной эпохи въ Россіи не вѣрю. Исторія Россіи сложнѣе и не будетъ повтореніемъ пережитаго человѣчествомъ.

Съ грустью приходится читать въ программѣ русской соціалъ-демократіи слѣдующія строки: „соціалъ-демократія поддерживаетъ *всякія* попытки крестьянъ къ насильственному захвату земель, разъясняя при этомъ крестьянству, что его завоеванія въ борьбѣ съ помѣщиками могутъ быть прочно обезпечены только свободно избраннымъ всенароднымъ учредительнымъ собраніемъ, которому должно быть предъявлено требованіе образованія, на демократической основѣ, особыхъ комитетовъ для окончательнаго устраненія старыхъ, столь тяжелыхъ для крестьянства деревенскихъ порядковъ (крестьянскіе комитеты)"

Какая дѣтская увѣренность въ возможность распоряженія захваченной землей на началахъ соціальной справедливости при посредствѣ учредительнаго собранія! Если земля будетъ захвачена, то побѣдители, которымъ земля до-

станется, въ рукахъ которыхъ она будетъ, создадутъ свои законы, о содержаніи которыхъ пока еще и говорить рано [1]).

Русская соціалъ-демократія поддерживаетъ *всякія* попытки къ насильственному захвату! Просто не вѣришь своимъ глазамъ, чтобы партія исторической эволюціи могла стать на точку зрѣнія такого бунтарства и оппортюнизма. Она не рѣшается измѣнить своимъ основнымъ завѣтамъ, но приспособляется къ дѣйствительности. Такое приспособленіе для партіи строгаго принципа нравственно не допустимо.

Не слѣдуетъ ссылаться на то, будто одинъ изъ представителей западной демократіи Каутскій одобряетъ эту политику захватовъ. Во первыхъ — это невѣрно [2]), а во вторыхъ, если бы это было и такъ, то у Каутскаго намъ учиться нѣтъ надобности Онъ совершенно не знаетъ нашихъ условій экономической жизни. Въ частности, я считалъ бы величайшимъ несчастіемъ для своей родины, если

---

1) Покойный профессоръ Герценштейнъ въ своей статьѣ: „Аграрный вопросъ въ программѣ соціалъ-демократической партіи“ справедливо писалъ по этому поводу: „почему это понадобилось поддерживать попытки къ насильственному захвату? Если это вообще признается необходимымъ, то соціалъ-демократы обязаны были сами активно выступить съ такимъ предложеніемъ Но, поддерживая насильственный захватъ, соціалъ-демократы дѣлаютъ при этомъ оговорку, — что для прочнаго обезпеченія завоеванія крестьянъ необходима санкція учредительнаго собранія Разъ захватъ поощряется, то казалось бы въ санкціи учредительнаго собранія не представляется никакой нужды. Напротивъ, если учредительному собранію придается такое важное значеніе, то зачѣмъ поддерживать захватъ? Крестьяне, которые будутъ захватывать помѣщичьи земли, будутъ дѣлать это не для того, чтобы учредительное собраніе ими свободно распоряжалось, а для того, чтобы сохранить ихъ для себя Если бы только учредительное собраніе вздумало распредѣлять земли согласно дѣйствительной нуждѣ и пожелало бы отвести наиболѣе нуждающимся, можетъ быть, еще не успѣвшимъ еще захватить ихъ для себя, то ему пришлось бы натолкнуться на самое отчаянное сопротивленіе Во всякомъ случаѣ насильственный захватъ не облегчитъ, а еще больше затруднитъ разрѣшеніе аграрнаго вопроса Борьба будетъ не между крестьянами и помѣщиками, а между отдѣльными общинами внутри крестьянской массы“. Предвидѣніе опытнаго экономиста уже отчасти и оправдывается. Газеты приносятъ все болѣе и болѣе извѣстій о погромахъ и грабежахъ не только помѣщиковъ, но и болѣе зажиточныхъ крестьянъ.

2) Въ брошюрѣ объ аграрномъ вопросѣ въ Россіи (р п стр. 11). Каутскій пишетъ: „раздѣлъ земель, къ которому въ настоящее время стремятся русскіе крестьяне, исподволь начиная его осуществлять на практикѣ, то подъ названіемъ общественнаго землевладѣнія, то подъ какимъ нибудь другимъ именемъ, — этотъ раздѣлъ неизбѣженъ и необходимъ, но также въ высшей степени полезенъ, и соціалъ-демократія имѣетъ всѣ основанія его поддерживать“. Въ этихъ словахъ трудно усмотрѣть, какъ это стараются, одобреніе политики захватовъ Въ сущности я даже совсѣмъ не понимаю, что разумѣетъ Каутскій подъ словами: осуществленіе на практикѣ и т. д. Онъ совершенно неосвѣдомленъ о реальномъ положеніи вещей.

бы она прибѣгла къ тому средству. въ которомъ онъ видитъ наше спасеніе, а именно къ государственному банкротству. Въ нашей странѣ еще много могучихъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ и я убѣжденъ, что рано или поздно она найдетъ правильные парламентарные, исторически справедливые пути для оздоровленія всей своей жизни. Не захваты, не банкротство, не варваризація страны, а соціальная реформа, широкое развитіе матеріальныхъ и культурныхъ производительныхъ силъ — вотъ въ чемъ наше спасеніе. . . Припомнимъ кстати и то, что послѣдній мангеймскій съѣздъ западной демократіи показалъ, что разумнѣйшіе вожди ея стараются держать демократію на эволюціонномъ пути и энергично высказываются противъ бланкизма, политики революцій всѣми средствами и на ура. . .

Русская соціалъ-демократія не должна забывать завѣтъ лучшаго своего учителя Маркса: „моя точка зрѣнія, писалъ онъ, разсматривающая развитіе общественно-экономическихъ формацій, какъ естественно-историческій процессъ менѣе, чѣмъ какая либо другая можетъ дѣлать отдѣльную личность отвѣтственной за отношенія, соціальнымъ созданіемъ которыхъ она является, какъ бы ни возвышалась она субъективно надъ этими отношеніями. . Общество не можетъ ни перескочить естественныя фазы своего развитія, ни устранить ихъ посредствомъ декретовъ. Но оно можетъ сократить и уменьшить муки родовъ“. *Пусть же соціалъ-демократія поймет, что захватами она не уменьшитъ муки родовъ, но пусть и владѣющіе классы уразумѣютъ, что ихъ спасеніе и обязанность идти навстрѣчу соціальной реформѣ.*

Да и стоитъ ли далеко ходить за историческими примѣрами, чтобы показать, что насиліе и насильственный захватъ не преобразовываютъ соціальной атмосферы, если не готовы историческія силы, которыя могутъ придать жизни иной, не буржуазный характеръ.

Напомнимъ читателямъ хотя бы знаменитую исторію соціальнаго переворота, совершеннаго Богданомъ Хмѣльницкимъ. Этотъ переворотъ не былъ чѣмъ то бунтарскимъ. Это было организованное движеніе всего малороссійскаго воинства. Въ самомъ началѣ возстанія „королята и дуки бѣжали, а ихъ служебники, поссесоры и оффиціалисты“ были перерѣзаны и перебиты. По словамъ нѣкоторыхъ истори-

ковъ 1654 г засталъ на Украинѣ всего на всего около 300 представителей „благороднаго“ сословія, да и эти триста были, кажется, изъ самыхъ захудалыхъ. Не бунтарство, а организованная революція „казацкой шабли“ смела старый порядокъ, но, увы, не на долго. Очень скоро намѣтились классовыя различія и чрезъ какія нибудь сто лѣтъ Малороссія стала неузнаваема: въ ней появились новые собственники и новая земельная аристократія. Казацкая старшина сначала мягко, а потомъ съ растущей настойчивостью стала принуждать хлоповъ оставаться на землѣ. Уже, какъ думаютъ историки, при Богданѣ Хмѣльницкомъ былъ изданъ универсалъ, которымъ предписывалось, чтобы „селяне всѣ абы всякое послушенство отдавали, безъ всякихъ непослушенствъ и турбацій“. Скоро началась „заимка“ свободныхъ земель, стремленіе получить пожалованіе земли отъ московской власти, отъ собственныхъ представителей власти, даже не имѣвшихъ право раздавать такія пожалованія, переводъ изъ казаковъ въ крестьяне, скупка земель крестьянскихъ и казачьихъ! Въ предѣлахъ свободнаго и, казалось бы, демократически организованнаго народа стало съ поразительной быстротой образовываться крупное землевладѣніе и возстанавливаться крѣпостническія тенденціи. И казацкая старшина зачастую опиралась въ своихъ захватахъ на такъ называмую „голоту“, т. е. на пролетаріатъ, чрезвычайно усилившійся въ своемъ числѣ въ смутное время. Эта „голота“ служила наймитами на безчисленныхъ винокурняхъ, которыя были въ это время чуть ли не при каждомъ зажиточномъ хозяйствѣ, пастухами при многочисленныхъ стадахъ. Правда, „голота“ эта предпочитала сидѣть въ шинкахъ, ожидая призыва на посполитое рушенье или разсчитывая примкнуть къ какому либо гайдамацкому „загону“. Въ этой „голотѣ“ развилась жестокость и дикость, стремленіе къ легкой добычѣ, къ ничѣмъ не обуздываемой свободѣ, но такъ не могло продолжаться долго. Скоро эта „голота“ пропила свою свободу, утопила ее въ морѣ крови и попала въ самую тяжелую кабалу къ зажиточному казаку — хозяину, помѣщику и войсковому начальству.

Не забудемъ уроковъ исторіи и на Западѣ. Возстаніе Уота Тайлера (1381 г.) и крестьянскія войны въ Германіи (1581 г.) были жестоко подавлены и стоили массы жертвъ. Результаты того и другого возстанія были, правда, разныя.

Въ Англіи быстро пошло разрушеніе феодальнаго строя и Англія преобразовалась въ страну капиталистическую со свободнымъ трудомъ, въ Германіи наступила долгая эпоха угнетенія. Особенно тяжко ухудшило возстаніе положеніе крестьянъ въ Германіи. Грабежи и насилія оттолкнули отъ крестьянъ многихъ изъ сочувствовавшихъ движенію. По словамъ многихъ изслѣдователей опустошеніе цѣлыхъ областей, полное подавленіе политической жизни, усиленное закрѣпощеніе — вотъ каковы были результаты великой крестьянской войны въ Германіи.

Оба эти возстанія были только грознымъ симптомомъ. Хозяйственная эволюція потекла по особому руслу, въ которомъ эти грозныя движенія пріобрѣли совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ ожидали его творцы. Наше аграрное движеніе тоже представляетъ такой же грозный симптомъ и намъ необходимо въ новыхъ условіяхъ жизни 20 вѣка найдти соотвѣтствующее законамъ эволюціи русло, по которому должна направиться наша хозяйственная жизнь [1]). . . Въ переживаемое нами время, въ хаосѣ политически взволнованной и утопически настроенной общественной мысли, надо умѣть различать реально осуществимыя требованія народной массы. Исторія никогда не даетъ того, что еще не назрѣло и какъ мудрая старуха идетъ медленно, не торопясь, не взирая на жертвы, отъ которыхъ леденѣетъ сердце всякаго культурнаго человѣка. . .

---

1) См хотя бы старую книгу: В Циммермана Исторія крестьянской войны (р пер). Говоря о возстании Уота Тайлера, проф. Д. М. Петрушевскій (см. его двѣ книги, Спб. 1897 и 1901 г.) пишетъ: „въ то время какъ политическая программа возставшихъ отличается, съ одной стороны, значительной неопредѣленностью своихъ положительныхъ требованій, и съ другой, крайней несложностью и примитивностью требованій отрицательнаго характера, не свидѣтельствуя о политической зрѣлости народной массы, не представленной въ парламентѣ и не пріобрѣвшей навыковъ политической мысли и дѣйствія, программа соціальная поражаетъ полною отчетливостью своихъ требованій. Въ ней тоже преобладаютъ отрицательныя стороны Но тогда какъ осуществленіе политической программы или сводилось къ простому акту истребленія королевскихъ измѣнниковъ, или (въ рукахъ приверженцевъ радикальной теоріи) къ безусловному разрушенію всѣхъ политическихъ связей, къ полному политическому хаосу, надъ которыми витали туманные призраки какихъ то новыхъ законовъ, созданныхъ самимъ народомъ и закрѣпляющихъ торжество правды на землѣ, обезпечивающихъ свободу, равенство и братство, осуществленіе соціальной программы сразу давало опредѣленные результаты . уничтоженіе личной несвободы и натуральныхъ повинностей превращало крестьянъ въ свободныхъ держателей. Какъ естественное дополненіе къ свободѣ личности и труда выставлялось еще требованіе свободной торговли". (т. I, стр. 381)

Соціальный строй не такъ легко преобразовать; пусть же и наша соціалъ-демократія остается вѣрна своимъ эволюціоннымъ традиціямъ и твердо помнитъ, что исторія осуществляетъ свою миссію упорядоченія человѣческихъ отношеній на почвѣ классовой борьбы, а, слѣдовательно, и эгоистическихъ интересовъ. Когда наступаетъ *полный распадъ прежнихъ соціальныхъ отношеній,* начинаютъ торжествовать не альтруистическія, а эгоистическія тенденціи. Поэтому я всегда буду стоять за соціальную реформу, а не за соціальную революцію. Я стою на почвѣ соціальной реформы вполнѣ сознательно и совѣтую моимъ согражданамъ держаться твердо этой дороги, ибо только такимъ путемъ можно достигнуть наибольшей справедливости въ соціальныхъ отношеніяхъ. Вслѣдъ за революціей начинается новый процессъ, который часто гораздо тяжеле прежняго[1]).

Я не вѣрю въ соціальную справедливость побѣдоносной „дубинушки“: она всегда эгоистична. Не даромъ же наши народники, и въ ихъ числѣ въ первую голову г. Пѣшехоновъ, яростный противникъ частной собственности, чуя индивидуалистическія наклонности трудового крестьянства, торопится въ своей брошюрѣ заявить: „теперешнія надѣльныя и купчія земли, если сами крестьяне на нихъ работаютъ, должны, конечно, остаться въ ихъ пользованіи“. Г. Бернацкій справедливо замѣчаетъ: „Почему г. Пѣшехоновъ

1) Не могу, поэтому, признать правильность соціалъ-демократическаго оппортюнизма: есть, вѣдь, и такой оппортюнизмъ! Такъ въ своей въ общемъ очень интересной брошюрѣ: „Къ аграрному вопросу“ (СПб. 1906 г.) г. М. В. Бернацкій пишетъ: „въ виду этого общественно-политическаго эффекта, знаменующаго побѣдное шествіе капитализма, — было бы слишкомъ м е л о ч н ы м ъ (!) указывать на вредныя въ нѣкоторомъ отношеніи для данной минуты хозяйственныя послѣдствія „чернаго передѣла“ „Мы, конечно, должны признать, что разрушеніе прекрасно поставленныхъ помѣщичьихъ экономій — есть вѣдь и такія — составляетъ извѣстный минусъ въ ростѣ производительныхъ силъ страны, но разъ съ ослабленіемъ помѣстнаго элемента въ деревнѣ достигается разрывъ путъ, сковывавшихъ народное хозяйство, то слѣдуетъ аграрное движеніе признать элементомъ общественно-экономическаго прогресса Россіи“ Не ошибается ли почтенный экономистъ? Дѣло идетъ не объ аграрномъ движеніи, а о ф о р м а х ъ этого аграрнаго движенія Исторія часто жестоко смѣется надъ всякими нашими предсказаніями. Увѣрены ли вы, что такъ легко создается этотъ разрывъ путъ и что такъ просто возсоздаются разрушенныя производительныя силы? Въ мою голову закрадываются большія сомнѣнія и я боюсь, что пониженіе производительныхъ силъ, какъ это было всегда въ исторіи, несетъ за собою еще большую кабалу и экономическое рабство. Во всякомъ случаѣ упованіе не слишкомъ вѣрное орудіе для историческаго прогноза

это допускаетъ, для насъ вполнѣ понятно: земля представляется крестьянамъ *ихъ* собственностью. „Божій даръ“ допускаетъ усвоеніе его *только крестьянами*. Все аграрное движеніе надо разсматривать чрезъ призму крестьянскаго индивидуальнаго хозяйства“[1]).

Отрадно знать, что на крестьянскомъ съѣздѣ слышались и другіе голоса. . . Я не склоненъ особенно идеализировать стараго нашего земства, но зналъ ли говорившій о „земцахъ“, что ихъ работа въ связи съ третьимъ элементомъ открыла русскому обществу глаза на нужды народа. Достаточно заглянуть въ „Библіографическій обзоръ земской статистической и оцѣночной литературы“, — составленный В. Ф. Караваевымъ (В. I, Спб. 1906 г.), чтобы преклониться предъ массой самоотверженнаго труда земцевъ. Демократія забывчива.

---

1) Представитель Московской губерніи на крестьянскомъ съѣздѣ очень откровенно заявилъ: „Разговоръ о выкупѣ меня возмущаетъ Предлагаютъ платить деньги вчерашнимъ рабовладѣльцамъ, которые и теперь, въ видѣ чиновниковъ или земцевъ устраиваютъ въ народной жизни скачку съ препятствіями . . Уже самый разговоръ о выкупѣ — это сдѣлка. . . Я не могу сосчитать бочекъ нашей крови, которою мы полили землю. Милліонами голосовъ будемъ неотступно заявлять о святости т о л ь к о нашихъ правъ на землю Если же убѣжденія не помогутъ, то „встань, проснись, пахарь! разогни-ка спину! Брось на время свой плугъ и возьми дубину!“ Вотъ прекрасный образчикъ соціальной справедливости, лишній разъ подтверждающій слова великаго Адама Смита: „отрадное чувство человѣколюбія, та слабая любовь къ ближнимъ, которая вложена природой въ наше сердце, не въ силахъ заглушить неодолимаго чувства любви къ самому себѣ .. Предположимъ, что обширная Китайская Имперія съ ея милліонами населенія внезапно провалится вслѣдствіе землетрясенія и посмотримъ, какое впечатлѣніе произведетъ это ужасное бѣдствіе на самаго человѣколюбиваго европейца, не находящагося ни въ какихъ отношеніяхъ съ этой страной Я полагаю, что онъ прежде всего опечалится такимъ ужаснымъ несчастіемъ цѣлаго народа. Онъ сдѣлаетъ нѣсколько грустныхъ размышленій о непрочности человѣческаго существованія и о суетѣ всякихъ замысловъ и предпріятій человѣка, которыя могутъ быть уничтожены въ одно мгновеніе. Если онъ одаренъ философическимъ умомъ, то онъ можетъ сдѣлать соображенія о послѣдствіяхъ такого событія для европейской торговли и даже для прочихъ странъ всего міра; по окончаніи своихъ философическихъ разсужденій, по выраженіи всего, что будетъ вызвано его человѣколюбіемъ, онъ обратится къ своимъ дѣламъ, или отдастся разсѣянію и отдохновенію съ такимъ спокойствіемъ и равнодушіемъ, какъ будто бы катастрофы и не случалось. Малѣйшій случай, касающійся его лично, сдѣлалъ бы на него бо́льшее впечатлѣніе Если бы на слѣдующій день приходилось отрѣзать у него палецъ, то онъ не спалъ бы цѣлую ночь. И если только землетрясеніе угрожаетъ не той странѣ, въ которой онъ живетъ, то погибель многихъ милліоновъ людей не нарушитъ его сна и менѣе опечалитъ его, чѣмъ самая ничтожная личная неудача“. (См. Теорія нравственныхъ чувствъ, пер. Бибикова, стр. 177—178) Неправда ли хорошо разсуждаетъ старый мудрецъ Адамъ Смитъ?

Издатель Матеріаловъ къ крестьянскому вопросу г. Романъ[1]) въ своей вступительной статьѣ говоритъ, что эта рѣчь о дубинушкѣ: „если не отвѣчала большинству съѣзда въ смыслѣ предлагаемой революціонной тактики, въ цѣлесообразность которой, въ виду того, что насъ мало, не всѣ вѣрили, то она безусловно выражала отношеніе съѣзда къ помѣщикамъ, какъ къ классу". Если г. Романъ правъ, то мнѣ остается только сожалѣть, что среди представителей большинства съѣзда не нашлось людей съ болѣе разумнымъ взглядомъ на вещи и болѣе внимательно читавшихъ произведенія Маркса и его учениковъ. Во введеніи къ извѣстному произведенію Маркса „Классовая борьба во Франціи" Энгельсъ писалъ: „время внезапныхъ революцій, переворотовъ, осуществленныхъ незначительными группами, стоящими во главѣ безсознательныхъ массъ, миновало... Мы гораздо успѣшнѣе достигаемъ своихъ цѣлей путемъ законныхъ средствъ. Партіи порядка, какъ онѣ сами себя называютъ, погибаютъ во имя созданнаго же ими положенія. Въ отчаяніи они восклицаютъ вмѣстѣ съ Одиллономъ Барро: la legalité nous tue, т. е. законность насъ убиваетъ, тогда какъ мы при этой законности пріобрѣтаемъ крѣпкіе мускулы и розовыя щеки и начинаемъ выглядывать столь же прекрасно, какъ и вѣчная жизнь"[2]) Эти слова сказаны были человѣкомъ, который многое пережилъ на своемъ вѣку. Новаго въ нихъ, конечно, нѣтъ ничего, но намъ слѣдовало бы ихъ помнить Я очень хорошо знаю, что въ переживаемый нами нынѣ моментъ эти слова будутъ истолкованы, какъ „притупленіе соціальныхъ противорѣчій", „какъ приниженіе экономической политики до трэдъ-юніонизма „брентанистами" легальной и хвостистами нелегальной литературы". Къ счастью, теперь не время бояться страшныхъ словъ и оскорбительныхъ кличекъ. Да, задача всякаго разумнаго соціалъ-реформатора заключается въ „притупленіи соціальныхъ противорѣчій"; и я не вижу въ этомъ ничего позорнаго и неразумнаго. Долгъ всякаго разумнаго гражданина не замазывать, не скрывать существующія соціальныя противорѣчія,

1) Спб., 1905, книгоиздательство Новый Міръ, стр. 19.

2) Проф. Зомбартъ въ своей брошюрѣ „Socialismus und sociale Bewegung", изд 1897, стр 52 пишетъ: „эти слова, какъ мнѣ думается, заключаютъ въ себѣ ничто иное какъ безусловное выраженіе самаго существа — марксизма". Я сказалъ бы иначе: „разумнаго пониманія законовъ человѣческой эволюціи".

а стремиться ихъ сгладить, чтобы сдѣлать жизнь возможной и подготовить ее къ дальнѣйшимъ преобразованіямъ. Не объ усыпленіи здѣсь идетъ дѣло, а о сознательномъ отношеніи къ своимъ задачамъ и къ историческому процессу. Оскорбительная кличка не страшна для того, кто знаетъ условія жизни, историческаго процесса и свой гражданскій долгъ. Какъ гражданинъ своей страны и какъ ученый я не перестану повторять, что путь „дубинушки“ нелѣпъ и дикъ. Не въ одномъ мюнхенскомъ профессорѣ Брентано, къ которому я лично ничего не питаю, кромѣ глубочайшаго уваженія, — тутъ дѣло, а во всей западно-европейской наукѣ, безъ которой, увы, никто не можетъ обойтись для пониманія мірового процесса теченія явленій и къ которой давно пора относиться съ большимъ уваженіемъ всѣмъ, кто хочетъ пріобрѣсти право держать въ рукахъ перо партійной публицистики [1]).

Въ девизѣ: „земля Божья и мы Божьи“, всѣ Божьи люди *имѣютъ право* на землю, земля не создана трудомъ и равно принадлежитъ всѣмъ, нѣтъ и не можетъ быть ничего реальнаго, положительнаго и организующаго. Наши доморощенные соціалисты привыкли, стоя якобы на почвѣ научнаго соціализма, съ презрѣніемъ относиться къ сенъ-симонизму и вообще къ утопическому соціализму; увы, никто изъ французскихъ, такъ называемыхъ, утопистовъ не пользовался этими девизами Они были умнѣе и недаромъ же сенъ-симонизмъ, напр., былъ основой грядущаго положительнаго направленія Огюста Конта. Сенъ-Симонъ уже въ началѣ XIX вѣка стоялъ на точкѣ зрѣнія *организаціи труда.* „Чтобы промышленный трудъ, полагалъ онъ, достигъ желаннаго совершенства, необходимы слѣдующія условія: во-первыхъ, орудія труда должны быть распредѣлены сообразно потребностямъ каждой мѣстности и каждой отрасли промышленности, во-вторыхъ, эти орудія должны соотвѣтствовать индивидуальнымъ способностямъ каждаго (capacités individuelles), въ-третьихъ, производство должно быть такъ организовано, чтобы не обнаруживалось ни недостатка, ни перепроизводства въ продуктахъ“. Хорошее это выраженіе: „capacité individuelle“, въ приложеніи къ деви-

1) См напр М Лядовъ Исторія Россійской рабочей партіи, Спб, 1906, стр. 163.

замъ нашихъ соціалъ-народниковъ оно должно означать: *„земля должна принадлежать хозяину“*. Конечно, всѣ мы Божьи, но что отсюда вытекаетъ для организаціи производства и жизни вообще? Вовсе не то, что *всѣ* имѣютъ *право* на *все*; такое право иллюзорно, а только то, что должна быть создана такая организація труда, чтобы жизнь и культура всѣхъ были обезпечены наилучшимъ и справедливѣйшимъ образомъ. Безхозяйность есть утопизмъ и имя ему — анархія.

Но мнѣ скажутъ, конституціонно-демократическая партія признала также руководящимъ началомъ земельной политики передачу земли въ руки трудящихся. Не означаетъ ли это провозглашеніе девиза о равномъ раздѣлѣ земли? Не стоитъ ли предъ нами такъ называемый „черный передѣлъ“? Надъ этими вопросами стоитъ подумать и дать на нихъ отвѣтъ. Мнѣ представляется, думать такъ было бы *совершенно превратно* и, быть можетъ, обывателя стараются этимъ сбить съ толку, ссылаясь въ программѣ этой партіи на существованіе государственнаго земельнаго фонда, съ его идеей пользованія отчужденнымъ, по справедливой оцѣнкѣ, земельнымъ надѣломъ.

Я не принимаю активнаго участія въ политической борьбѣ и потому мои друзья по конституціонно-демократической партіи простятъ мнѣ, если я выскажу свое мнѣніе по поводу государственнаго земельнаго фонда внѣ всякой партійной дисциплины, руководствуясь своими учеными, и только учеными, убѣжденіями. Errare est humanum; быть можетъ, и я ошибаюсь, но по этому вопросу я смотрю на вещи иначе, чѣмъ представители партіи, къ которой имѣю честь принадлежать.

Въ нѣсколькихъ большихъ статьяхъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, помѣщенныхъ за послѣднее время въ этой газетѣ подъ заглавіемъ: „Собственность или пользованіе“, проф. А. А. Мануиловъ попытался отвѣтить на вопросъ, который близко соприкасается съ затронутой мною темой. Мнѣ придется коснуться этихъ статей, ибо я по существу совершенно несогласенъ съ высказанными въ ней мыслями и въ особенности съ той конструкціей, на основаніи которой ведется вся аргументація. Проф. Мануиловъ говоритъ намъ, что „въ своихъ построеніяхъ онъ исходитъ не изъ идеала коллективизма или какой либо доктрины, а единственно изъ

соображеній практическаго характера". Въ то же время онъ, однако, отмѣчаетъ, что при разрѣшеніи вопроса о томъ, на какихъ началахъ должна быть разрѣшена земельная реформа: собственности или пользованія, въ предѣлахъ государственной думы рѣзко обозначились два направленія. Тамъ, гдѣ личная собственность вытѣснила коллективную и „успѣла пустить глубокіе корни", принципъ пользованія непопуляренъ. Напротивъ, тѣ, которые наблюдаютъ въ окружающей ихъ средѣ коллективныя формы землепользованія, люди, строящіе свое міросозерцаніе на принципахъ солидарности и коллективизма, скорѣе склоняются въ пользу зачисленія въ государственный земельный фондъ тѣхъ земель, которыя будутъ отчуждены, съ предоставленіемъ ихъ земледѣльческому населенію только въ пользованіе. Проф. Мануиловъ несомнѣнно стоитъ ближе къ людямъ послѣдней категоріи, какъ по мѣсту своего жительства, такъ и по тѣмъ личнымъ связямъ, среди которыхъ былъ выработанъ по существу „московскій проектъ" земельной реформы Я лично выросъ и живу среди мѣстности, въ которой частная собственность давно пустила глубокіе корни. Однако, я отнюдь не могу признать правильнымъ обобщеніе, что извѣстная экономическая среда, и только она, предопредѣляетъ индивидуалистическія наклонности и идеалы, идущіе въ разрѣзъ „съ міросозерцаніемъ солидарности и коллективизма". Самъ проф. Мануиловъ признаетъ, что аграрный вопросъ не изъ тѣхъ, гдѣ голосъ разсудка безсиленъ. Голосъ моего разсудка ведетъ меня въ противоположную сторону сравнительно съ проф. Мануиловымъ. И это, быть можетъ, зависитъ не отъ той экономической среды, гдѣ мы живемъ, а отъ иныхъ личныхъ взглядовъ на явленія экономической жизни, политики и эволюціи. Въ составленіи „московскаго проекта" играли роль московскія личныя связи и своеобразное московское міросозерцаніе, укоренившееся тамъ еще съ очень давнихъ поръ, хотя и не безъ возраженій. Такъ какъ „московскому проекту" приходится теперь стать всероссійскимъ, то я позволяю себѣ его коснуться, какъ человѣкъ, стоящій внѣ предѣловъ этого міросозерцанія, бывшій всегда западникомъ и никогда не шедшій одной дорогой съ народниками.

Я не могу не отдать справедливости составителямъ московскаго проекта, или по крайней мѣрѣ большинству въ ихъ составѣ, въ послѣдовательности. Идея государственнаго

земельнаго фонда должна была явиться у нихъ неизбѣжно. Большинство составителей проекта воспитались въ народнической доктринѣ. Борьба за общину была девизомъ народническаго *credo,* а со времени появленія книги петербуржца, какъ мнѣ кажется не народника, проф. Янсона его идея о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ или то, что теперь называютъ образно „острой земельной нуждой", была воспринята народничествомъ и сдѣлалась боевымъ лозунгомъ всѣхъ представителей этой доктрины. Оговариваюсь, быть можетъ, я ошибаюсь въ квалификаціи проф. Янсона, но мнѣ представляется, что можно и не быть народникомъ, признавая недостаточность крестьянскихъ надѣловъ и защищая необходимость расширенія крестьянскаго землевладѣнія по другимъ соціально-политическимъ соображеніямъ и на совершенно иныхъ началахъ. Лучшій, по моему мнѣнію, истолкователь юридической конструкціи общиннаго права г. Изгоевъ (см. его Общинное право, Спб., 1906 г., стр. 137, 138, 3, 5, 6), справедливо говоритъ, что „общинное право есть такое обычное, индивидуальное, вещное (вотчинное) право, въ силу котораго каждый управомоченный крестьянинъ на равныхъ съ прочими домохозяевами основаніяхъ пользуется участкомъ земли въ предѣлахъ опредѣленной земельной территоріи (единицы ея), границы которой устанавливаются исторически". Изучая новѣйшія теченія аграрной политики, г. Изгоевъ полагаетъ, что различіе мнѣній сведется къ борьбѣ двухъ началъ: одного, стоящаго за развитіе неограниченной частной собственности на землю съ допущеніемъ въ широкихъ размѣрахъ наемнаго труда, и другого, сводящагося къ признанію за всякимъ земледѣльцемъ права на равный съ прочими участокъ земли. Я еще покажу ниже, что первая точка зрѣнія формулирована имъ не вполнѣ точно, но по существу дѣла я согласенъ съ нимъ. Идея государственнаго земельнаго фонда съ его потребительною и трудовою нормою надѣла является, дѣйствительно, простымъ расширеніемъ этого общиннаго права въ право государственное. Весь вопросъ въ томъ, насколько такое расширеніе желательно, экономически цѣлесообразно, соціально-политически осуществимо и чрезъ посредство какихъ учрежденій?

Для всякаго должно быть, прежде всего, ясно, что потребительная или трудовая норма надѣла можетъ имѣть

двойное значеніе. Во первыхъ, въ этой нормѣ мы можемъ найти масштабъ для опредѣленія количества земли, подлежащей отчужденію и во вторыхъ, въ ней же должно выразиться то количество единицъ земельной территоріи, которое должно будетъ реально поступить въ надѣлъ отдѣльнымъ представителямъ крестьянства. Для идеи государственнаго земельнаго фонда, для практическаго ея осуществленія оба эти значенія слѣдуетъ ясно различать, и это мнѣ не трудно доказать.

Чтобы читателю было болѣе понятно послѣдующее изложеніе, я иллюстрирую свои положенія на примѣрѣ потребительной нормы, и о ней только и буду говорить, ибо большинство серьезныхъ изслѣдователей нашего земельнаго вопроса признаютъ, что даже при проведеніи въ жизнь такой нормы намъ придется придти къ почти полной ликвидаціи частно-владѣльческаго хозяйства [1]). Я не являюсь сторонникомъ такой ликвидаціи, но это не мѣшаетъ мнѣ теоретически прослѣдить результаты ея осуществленія.

Въ первомъ своемъ значеніи потребительная норма надѣла, какъ масштабъ для опредѣленія запаса отчужденія, ставитъ насъ предъ слѣдующей проблемой. Мы имѣемъ рядъ сельскихъ обществъ. Оговариваюсь, я очень хорошо знаю, что сельское общество — административно-хозяйственная единица — не всегда совпадаетъ съ хозяйственной общиной, какъ совокупностью держателей земельныхъ надѣловъ; но для простоты разсужденій допустимъ, что сельскія общества вполнѣ совпадаютъ съ хозяйственными общинами, какъ единицами одного общиннаго пользованія землей или одного агломерата хозяйствъ подворнаго владѣнія на началахъ существующаго у нихъ права собственности со всѣми его особенностями и ограниченіями. Всѣ эти сельскія общества

1) Потребительная норма надѣла обыкновенно исчисляется въ размѣрѣ одной десятины на душу обоего пола, слѣдовательно, приблизительно шесть десятинъ на средній дворъ. Проф А. И Чупровъ полагаетъ, что этотъ шестидесятинныи надѣлъ и на самомъ дѣлѣ будетъ соотвѣтствовать потребительной нормѣ б о л ь ш и н с т в а нашихъ малоземельныхъ губерній. По его словамъ таковъ напр средній размѣръ пользованія малоземельныхъ дворовъ — надѣльная земля плюсъ арендованія — въ Полтавской губерніи Само собою разумѣется, что дѣлаемое проф Чупровымъ опредѣленіе этой нормы слишкомъ приблизительно и должно существенно разниться по условіямъ почвы и другихъ хозяйственныхъ условій разныхъ мѣстностей Россіи Опредѣленіе такой нормы въ шесть десятинъ предполагаетъ, кромѣ того, наличность трехполья и черезполосицы, какъ обычныя, доминирующія условія хозяйствованія.

страдаютъ малоземельемъ. Зная количество малоземельныхъ домохозяевъ, съ размѣромъ надѣла недостигающимъ потребительной нормы, количество совершенно безземельныхъ и желающихъ потому получить надѣлъ, мы, сдѣлавъ простое ариѳметическое дѣйствіе въ соотвѣтствіи съ потребительной нормой, получимъ необходимый запасъ земли, который требуется отчудить. Съ какими бы формами общиннаго пользованія или подворного землевладѣнія мы ни имѣли дѣло, масштабъ будетъ дѣйствовать удовлетворительно, но эта операція сама по себѣ имѣетъ только техническое значеніе, хотя выполненіе ея и можетъ сопровождаться колоссальной затратой труда, времени и соціально-политическаго тренія.

Въ этомъ именно значеніи говорилъ о государственномъ земельномъ фондѣ покойный проф. М. Я. Герценштейнъ въ своей брошюрѣ „Земельная реформа въ программѣ партіи народной свободы“ (Москва, 1906 г., стр. 24—26). По его мнѣнію, „обязанность дополнительнаго надѣленія должна падать на государство, а не на сосѣдняго помѣщика. . . Отсюда вытекаетъ, что частно-владѣльческія земли должны быть фондомъ для надѣленія не только ближайшихъ крестьянъ, но и тѣхъ, которые могутъ быть переселены изъ другихъ мѣстностей. Поэтому размѣры надѣленія должны опредѣляться не запасомъ земель данной мѣстности, а величиной общаго государственнаго земельнаго фонда“. Охотно соглашаюсь съ этими основными положеніями, но вижу въ нихъ, съ одной стороны, только техническую землеисчислительную задачу, съ другой же стороны и одно важное принципіальное положеніе, говорящее, однако, вовсе не въ пользу идеи пользованія, какъ она истолкована проф. Мануиловымъ.

Что государству, т. е. его законодательной палатѣ придется выполнить эту громадную землеисчислительную работу — это несомнѣнно. Я уже въ предшествовавшей статьѣ говорилъ, что для этого потребуется тщательная хозяйственная перепись владѣній въ сельскомъ промыслѣ. Какъ перепись, такъ и опредѣленіе потребнаго запаса отчужденія, потребуетъ множество работы, затронетъ массу интересовъ. Поэтому обѣ эти работы должны быть произведены подъ непосредственнымъ надзоромъ центральной государственной власти и законодательной палаты, подъ ихъ контролемъ и отъ ихъ имени. Предпринимать такую работу

на началахъ полной децентрализаціи съ передачей ея мѣстнымъ учрежденіямъ я нахожу опаснымъ и рискованнымъ.

Я не остановился бы даже предъ мыслью спеціальнаго созданія особаго центральнаго учрежденія для этой цѣли по избранію законодательныхъ палатъ и не на началахъ коммиссіи, а непосредственной власти. Государственная власть, охраняющая интересы всей Россіи, должна имѣть въ этомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ, строго опредѣленное положеніе и ясно обозначенные предѣлы контроля и руководительства.

Изъ этихъ же основныхъ положеній вытекаетъ и то принципіальное начало, о которомъ я сказалъ выше. Если реформа предпринимается во имя государственныхъ соціально-политическихъ интересовъ, то самая передача земли въ руки держателей и самый способъ распоряженія ею могутъ и должны подлежать условіямъ, опредѣленіе которыхъ не должно исключительно зависѣть отъ воли надѣляемыхъ сельскихъ общинъ и союзовъ. Государство и здѣсь должно сказать свое слово, выслушавъ, конечно, желаніе отдѣльныхъ народностей нашей страны. Въ основу всей реформы, однако, не можетъ быть положенъ исключительно національный принципъ: Польша для поляковъ, Россія для русскихъ, Малороссія для малороссовъ и т. д. Реформа имѣетъ государственный характеръ. Она должна примирить интересы національностей съ общей соціально-политической реформой и потому должна быть проведена съ большою осторожностью, чтобы не вызвать не только соціальнаго, но и политическаго распада.

Опредѣленіе запаса отчужденія имѣетъ громадное значеніе для класса, который потеряетъ землю, но оно коснется надѣляемыхъ только своими результатами, какъ реальная передача отчужденной нормы земли въ ихъ руки на тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Условія же, на которыхъ надѣлъ окажется въ реальномъ обладаніи крестьянъ, будутъ существенно различны при общинномъ или подворномъ характерѣ землепользованія.

При участковомъ, подворномъ землевладѣніи мы будемъ имѣть дѣло съ тремя разрядами крестьянъ: а) съ крестьянами, размѣръ владѣнія которыхъ превышалъ до реформы потребительную норму. Эти не получатъ дополнительнаго надѣла и останутся въ прежнемъ положеніи; б) съ кре-

стьянами, землевладѣніе которыхъ должно быть доведено до потребительной нормы. Въ рукахъ этихъ владѣльцевъ одна часть земли будетъ на началахъ прежней ограниченной *собственности,* другая на началахъ *срочнаго* пользованія; в) и только крестьяне безземельные получатъ опредѣленный и единый надѣлъ по потребительной нормѣ и въ срочное пользованіе

Не трудно видѣть, что для крестьянъ этой подворной, если можно такъ выразиться, категоріи не создается никакого *равенства* ни въ обладаніи основной производительной силой, т. е. землей, ни въ капиталѣ. Землевладѣніе первой категоріи ихъ было пестро по своей формѣ и останется таковымъ и впредь. Они будутъ жить, работать и наслѣдовать по старому. Вторая категорія окончательно запутается въ своихъ отношеніяхъ къ землѣ. Первой долей своихъ земель она будетъ распоряжаться по старому. Она будетъ, также какъ и ненадѣленные (въ особенности среди напр. малороссійскихъ казаковъ) распоряжаться съ нею по желанію: дробить на части, устанавливать порядокъ наслѣдованія, если и не по закону, то при помощи давно вошедшихъ въ жизнь юридическихъ махинацій, обрабатывать наемнымъ трудомъ, отчуждать и т. п. Для второй части своихъ земель она должна будетъ сообразоваться съ условіями, которыя будутъ созданы государствомъ или тѣми или иными органами его въ данной мѣстности. Только совершенно безземельные до реформы получатъ землю на условіяхъ государственнаго земельнаго фонда и будутъ равны по землѣ, и какъ Богъ и судьба дастъ, равны или неравны по капиталу. Такимъ образомъ *неравенства не исчезнутъ.* Просторъ для мобилизаціи земель, конечно, въ извѣстныхъ существующихъ и нынѣ закономѣрныхъ предѣлахъ, внѣ земель фонда, останется по прежнему. Не безъ основаній можно ожидать, что крестьянами второй, а можетъ быть, и третьей категоріи будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы различія между двумя категоріями ихъ земель исчезли, какъ въ свое время пропало различіе между вотчинами и помѣстьями.

Въ мѣстностяхъ съ общиннымъ землепользованіемъ положеніе вещей будетъ иное. Размѣры надѣла будутъ доведены вообще до потребительной нормы. Другими словами, явится возможность такого новаго передѣла земель,

при которомъ всякой *осѣдлый* въ общинѣ или *вернувшійся* къ родному пепелищу будетъ имѣть право на *новый* надѣлъ по новой повышенной нормѣ. Реформа должна, слѣдовательно, какъ бы предполагать существованіе справедливаго распредѣленія земель до реформы и немедленной, не менѣе справедливой же, переверстки земель послѣ реформы. Я не знаю близко общинной жизни. Само собою разумѣется, посколько общинники владѣютъ нынѣ на началахъ частной собственности купленной ими землей, постолько ихъ положеніе послѣ реформы будетъ аналогично съ положеніемъ подворныхъ владѣльцевъ. Придется при этомъ разрѣшить вопросъ, подлежатъ ли эти общинники съ купленной землею дополнительному надѣленію или нѣтъ. Включать свою купленную землю въ составъ общинныхъ угодій они могутъ не пожелать, и это обстоятельство сильно осложнитъ ихъ положеніе, какъ членовъ хозяйственной общины и сельскаго общества.

Сомнѣваюсь однако, что во всѣхъ общинахъ земля раздѣлена на началахъ соціальной справедливости. Убѣжденъ, что и въ общинахъ различія въ капиталѣ отдѣльныхъ домохозяевъ существуютъ въ связи съ ихъ надѣломъ, и переверстка земли произойдетъ не безъ большого тренія. Долженъ, тѣмъ не менѣе, признать, что смѣшеніе старой общинной земли съ землями государственнаго фонда можетъ пройдти совершенно спокойно, хотя и не безъ нѣкоторой натяжки для послѣдняго.

Общинное право, если смотрѣть на него трезво, вовсе не представляетъ какого либо товарищескаго, коллективистическаго строя хозяйства. Каждое лицо можетъ требовать, требуетъ и получаетъ въ пользованіе участокъ земли на равныхъ съ прочими сообщниками основаніяхъ, при всякомъ вновь совершившемся передѣлѣ, — въ пользованіе, т. е. по существу въ связанное общинными распорядками сѣвооборота хозяйственное, единоличное распоряженіе. Право собственности общины на землю выражается только въ томъ, что она распредѣляетъ эту собственность между отдѣльными домохозяевами и отчасти нормируетъ условія сѣвооборота, пользованія пахатой и другими угодіями. Спрашивается теперь, вызоветъ ли проведеніе реформы необходимость новаго передѣла всѣхъ земель, въ томъ числѣ и государственнаго земельнаго фонда, или же обѣ категоріи земель останутся

строго раздѣленными? Есть много основаній думать, что различіе это должно было бы быть удержано, хотя, въ общемъ, мнѣ это представляется весьма невѣроятнымъ. Обнаружится большое разнообразіе рѣшеній, которое будетъ весьма содѣйствовать тому же процессу отождествленія земель, о которомъ я уже говорилъ выше

Не слѣдуетъ забывать, однако, и того, что, какъ извѣстно, въ январѣ 1907 г. старые выкупные платежи исчезнутъ совершенно. По статьямъ 36 и 37 общаго положенія о крестьянахъ 1861 г. предполагалось, что по окончаніи выкупа каждый крестьянинъ пріобрѣтетъ право требовать выдѣленія ему въ частную собственность его доли земли, выкупленной всѣмъ обществомъ. Къ 1893 г., подъ напоромъ народническихъ требованій, была отмѣнена ст. 165, разрѣшавшая единоличный и единовременный выкупъ въ частную собственность и выдѣлъ разрѣшенъ только съ согласія общества и на поставленныхъ имъ условіяхъ.

Закономъ 14 декабря 1893 г. право свободнаго распоряженія общинной землею было отнято у крестьянъ и подчинено опекѣ правительственныхъ учрежденій [1]). Въ 1903 году круговая порука отмѣнена [2]).

---

1) Согласно закону 14 декабря 1893 года продажа надѣльной земли цѣлыми обществами допускается не иначе, какъ на основаніи особаго о томъ приговора общества, постановленнаго съ согласія не менѣе двухъ-третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ и утвержденнаго губернскимъ присутствіемъ или губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, по принадлежности Если стоимость отчуждаемаго участка превышаетъ пятьсотъ рублей, то для продажи требуется, сверхъ того, разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ финансовъ, а въ случаяхъ, когда участокъ отчуждается для горнопромышленныхъ цѣлей, и по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ Участки надѣльной земли подворнонаслѣдственнаго пользованія могутъ быть отчуждаемы посредствомъ дареніе или продажи, какъ добровольной, такъ и съ торговъ, за недоимки въ выкупныхъ платежахъ, только лицамъ приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ Крестьянскимъ обществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ воспрещается отдавать надѣльныя земли въ залогъ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ, хотя бы выкупная ссуда и была погашена.

2) Въ виду возможныхъ осложненій въ нашемъ податномъ дѣлѣ приведу основныя положенія этого с у р о в а г о фискальнаго закона. Уплата окладныхъ сборовъ возлагается на отвѣтственность каждаго отдѣльнаго домохозяина въ селеніяхъ какъ съ общиннымъ, такъ и съ подворнымъ (наслѣдственнымъ) владѣніемъ землею Распоряженіе взысканіемъ недоимокъ окладныхъ сборовъ возлагается на податнаго инспектора. Для взиманія недоимокъ въ селеніяхъ съ общиннымъ пользованіемъ землею примѣняются слѣдующія мѣры: 1) отобраніе, по предложенію земскаго начальника, селеніемъ, къ которому принадлежитъ неисправный домохозяинъ, полевой земли его. Отобраніе производится на срокъ не свыше шести лѣтъ, съ обязательствомъ уплатить единовременно всю числящуюся на неисправномъ

Юридическое положеніе общинныхъ земель, порядокъ ихъ наслѣдованія, по всеобщему признанію, и доселѣ страдаетъ полной неопредѣленностью и нестротой. Многіе, впрочемъ, склонны защищать такое положеніе вещей, надѣясь по старому на здравый смыслъ и совѣсть народа. Я лично вижу въ такомъ порядкѣ только хаосъ произвола и полную безправность личности. Я всегда и вездѣ предпочитаю точныя указанія закона, а не рѣшенія по измѣнчивому настроенію большинства на основаніи никому не вѣдомаго обычая. Въ правдѣ воспитываетъ людей только писаное право и законъ. Даже несправедливый законъ лучше обычая. Противъ закона можно *организованно* бороться; обычай же неуловимъ и, при извѣстномъ положеніи культуры, при развитіи эгоистическихъ наклонностей (при неизбѣжномъ ростѣ капиталистической культуры), онъ всегда являлся лучшимъ орудіемъ для подавленія слабаго сильнымъ

домохозяинѣ недоимку По особому ходатайству схода уплата этой недоимки можетъ быть разсрочена Отобранная земля передается сходомъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, или распредѣляется между всѣми домохозяевами, или оставляется въ нераздѣльномъ пользованіи всего селенія; 2) въ случаѣ отказа схода отобрать землю у неисправнаго домохозяина, уѣздный съѣздъ, по представленію податнаго инспектора, дѣлаетъ распоряженіе о сдачѣ полевой земли недоимщика въ аренду съ торговъ, при чемъ опредѣляетъ ту часть земли, которая подлежитъ такой сдачѣ Срокъ аренды не долженъ превышать шести лѣтъ Къ участію въ торгахъ допускаются только члены того общества, къ которому принадлежитъ недоимщикъ Если торги не состоятся, то назначаются вторые торги, въ коихъ уже могутъ участвовать и посторонніе лица; 3) при безуспѣшности этихъ двухъ мѣръ, податной инспекторъ дѣлаетъ распоряженіе о продажѣ принадлежащихъ недоимщику строеній, несоставляющихъ необходимости въ его хозяйствѣ. Въ селеніяхъ съ подворнымъ владѣніемъ землею примѣняются тѣ же три мѣры. Въ случаѣ ихъ неуспѣха примѣняется продажа подворнаго участка съ публичнаго торга.

Опись и оцѣнка движимаго имущества неисправнаго домохозяина производится должностными лицами волостнаго и сельскаго управленія при участіи двухъ свидѣтелей Продажа описаннаго имущества производится волостнымъ старшиной въ мѣстѣ нахожденія имущества или иномъ мѣстѣ, указанномъ земскимъ начальникомъ, по соглашенію съ податнымъ инспекторомъ, преимущественно въ праздничные или базарные дни, но не ранѣе двухъ недѣль и не позже мѣсяца послѣ утвержденія описи.

Въ губерніяхъ, въ коихъ введено въ дѣйствіе положеніе о земскихъ учрежденіяхъ изъ поступающихъ въ казначейство взносовъ въ уплату сборовъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель прежде всего покрывается сполна по каждой отдѣльной окладной единицѣ окладъ земскаго сбора, а по селеніямъ, на которыхъ числится разсроченная недоимка земскаго сбора, также и означенная недоимка въ размѣрѣ не свыше 20% къ окладу. Всѣ остальныя поступающія по означенной окладной единицѣ суммы поземельныхъ сборовъ обращаются на покрытіе сполна оклада государственныхъ сборовъ, а въ подлежащихъ случаяхъ и разсроченной недоимки въ размѣрѣ также не свыше 20% къ окладу. Дальнѣйшими поступленіями возмѣщаются недоимки сначала по земскимъ, а затѣмъ и по государственнымъ сборамъ.

Въ то же время для смѣшенія общинныхъ земель и новаго ихъ запаса изъ фонда имѣются еще два существенныя препятствія. Во первыхъ, земля государственнаго земельнаго фонда должна быть пріобрѣтена или выкуплена *внѣ всякой круговой поруки.* Надѣюсь, никто изъ сторонниковъ освободительнаго движенія не станетъ защищать того рабства, которое было создано круговой порукой, рабства политическаго и экономическаго, рабства и несправедливѣйшаго грабежа однихъ за счетъ другихъ. За вновь отчужденную землю, всякій ея держатель долженъ платить лично, за свой страхъ и рискъ: это необходимое условіе. Я не буду касаться въ настоящей статьѣ финансовой стороны операціи отчужденія. Я хорошо понимаю, что этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ двояко: а) или на началахъ земельнаго кредита по системѣ амортизаціи, или б) на началахъ государственной, гарантированной ренты съ обложеніемъ земли въ видѣ наслѣдственнаго или срочнаго налога. Каждый изъ этихъ способовъ имѣетъ свои pro и contra и я возвращусь въ свое время къ этому предмету. Теперь для меня важно отмѣтить только то обстоятельство, что платежъ за отчуждаемую землю долженъ падать только на держателя земли и, слѣдовательно, этотъ послѣдній долженъ стать въ непосредственныя отношенія съ государствомъ или его правомочными органами. Потребуется ли для этого расширеніе обложенія на одной части земель государственнаго фонда или полная трансформація земельнаго обложенія — этотъ вопросъ разрѣшится только съ опредѣленіемъ размѣровъ такъ называемой справедливой оцѣнки.

Само собою разумѣется, что при государственномъ характерѣ всей реформы финансовая прочность реформы будетъ обезпечиваться всѣмъ достояніемъ государства. Наконецъ, и другіе классы общества могутъ, какъ плательщики налога, участвовать въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса. Но такъ или иначе, главная тяжесть разрѣшенія реформы падетъ, конечно, на тѣхъ, для кого она предпринимается, т. е. на крестьянъ Они должны быть поставлены въ такое положеніе, чтобы ихъ хозяйство въ состояніи было вывести ихъ на дорогу полной экономической самостоятельности. Другіе классы не должны имѣть возможности ихъ эксплуатировать, но и эти другіе классы, въ томъ числѣ и рабочіе въ обрабатывающей промышленности, имѣютъ свои нужды и

не должны, поэтому, быть поставлены въ необходимость нести на себѣ тяжесть оздоровленія крестьянской жизни. Въ пунктѣ шестомъ отмѣченной выше брошюры проф. Герценштейнъ стремится рѣшить вопросъ, въ какомъ отношеніи плата за полученную вновь въ надѣлъ землю будетъ стоять къ теперешней арендной платѣ. „Такъ какъ, по его мнѣнію, стоимость земли должна опредѣляться по справедливой оцѣнкѣ, то платежи съ этой пониженной цѣны будутъ ниже тѣхъ арендныхъ цѣнъ, которыя выплачиваются крестьянами. Но этимъ не ограничивается пониженіе, которое можетъ быть достигнуто. Въ зависимости отъ экономическихъ условій, въ которыхъ находятся крестьяне, государство можетъ установить и различныя нормы платежей и взимать съ крестьянъ, находящихся въ угнетенныхъ условіяхъ, пониженные платежи напр. 3—3 съ половиной вмѣсто 4 или 5“. Все это очень хорошо и справедливо, но не слѣдуетъ забывать и того, что государство само не создаетъ доходовъ. Послѣдніе создаются всѣмъ народнымъ хозяйствомъ и отъ положенія послѣдняго, отъ умѣнія вести государственное хозяйство будетъ зависѣть вся возможная политика справедливости. Всѣ разсчеты приходится, однако, возлагать на суровое, жизненное, проведеніе реформы, которое не создаетъ большихъ обѣщаній. Періоды благопопечительной опеки бываютъ кратковременны и часто не будятъ того, что нужно: энергіи и самоотвѣтственности, безъ которыхъ всѣ реформы — одна суета. Платежи по справедливой оцѣнкѣ должны поступать исправно: государство должно будетъ оплатить капиталъ за отчужденную землю съ соотвѣтствующими процентами. Я говорю все это вовсе не для того, чтобы поселить въ мысли читателя сомнѣніе въ прочности поступленія платежей. Я увѣренъ, что при разумномъ проведеніи реформы крестьянство справится съ этой задачей, но только для того, чтобы напомнить читателю, что и финансовая сторона реформы очень важный факторъ дальнѣйшей эволюціи нашего крестьянскаго хозяйства. Недоимочность и ростъ государственныхъ потребностей во всѣ предшествовавшія историческія эпохи были могучимъ рычагомъ въ трансформаціи хозяйственныхъ формъ. Всякое колебаніе въ стройности платежей при государственномъ земельномъ фондѣ будетъ создавать тенденцію къ тому, чтобы земля находилась въ рукахъ тѣхъ, которые не только ее обрабатываютъ, но и умѣютъ оправ-

дывать всѣ лежащіе на нихъ платежи. Не будемъ мечтать, что демократическое устройство Россіи сразу въ состояніи будетъ исправить всѣ язвы нашего бюджета, доставшіеся намъ отъ стараго режима. Государственныя потребности растущей Россіи будутъ очень велики; они будутъ постоянно толкать на путь повышающагося обложенія, а, слѣдовательно, требовать роста производительныхъ силъ; всѣ экономически отсталые элементы будутъ гибнуть . . . Съ задолженностью, нажитой вѣковою политикою, также придется считаться, ибо, какъ говорилъ Карлъ Марксъ: „мы страдаемъ не только отъ живыхъ, но и отъ мертвыхъ“.

Второе отличіе земель государственнаго земельнаго фонда заключается въ томъ, что, судя по московскому проекту, земля эта будетъ передана только въ руки тѣхъ, которые ее обрабатываютъ собственнымъ трудомъ Общинная земля доселѣ не знала этого ограниченія. По осуществленіи передѣла каждый общинникъ могъ обращаться съ своей землею, какъ хочетъ: держалъ ли онъ работника или нѣтъ, общинѣ до этого дѣла не было. Онъ получалъ принадлежащую ему долю земли по общинному праву и какъ онъ хозяйничалъ на ней — это было его propria voluntas. Пахала ли землю, убирала ли урожай съ его земли оставшаяся дома жена самолично или при помощи наемнаго работника. были или не были у него лошади и скотъ для обработки — все это было его личнымъ дѣломъ. Когда его „душа“ хотѣла хозяйничать, она это и дѣлала, какъ могла. Община зорко слѣдила только за платежемъ повинностей, да кулакъ подстерегалъ, нельзя ли его „душу“ со всей ея семьей сплавить куда нибудь „съ выгоднаго надѣла“. Мнѣ скажутъ: вы закрываете глаза на дѣйствительность; въ общемъ господствовали иныя отношенія; общиннику не было надобности нанимать работника Быть можетъ, это отчасти и такъ, хотя я въ этомъ сомнѣваюсь, вспоминая о кулачествѣ и безземельныхъ, которыхъ было немало и въ полтавской, и въ рязанской губерніяхъ, вѣрнѣе говоря, и при подворномъ, и при общинномъ владѣніи. Наконецъ, съ моей точки зрѣнія это было чрезвычайно важное право; если общинникъ немного воспользовался имъ, я могу только печалиться и сказать, что то отвратительное использованіе общинной земли, которое всѣми признается, могло бы быть устранено, если бы общія условія, разоряв-

шія работника правовымъ рабствомъ и высасывавшія соки народа ради тлетворныхъ нуждъ военной и другой политики бюрократіи, были во-время отодвинуты прочь, а образованіе и личная инициатива благопріятствовали приложенію наемнаго труда въ крестьянскомъ землевладѣльческомъ хозяйствѣ, хотя бы въ той же мѣрѣ, какъ въ кустарномъ промыслѣ.

Я безконечное число разъ повторялъ и буду повторять, что соціализація производства въ далекой перспективѣ произойдетъ только чрезъ посредство и на почвѣ наемной формы труда Этотъ процессъ, который пересоздастъ наше капиталистическое хозяйство въ царство доходовъ труда, неизбѣженъ и историческая его миссія падетъ если не на крупнаго владѣльца, то на того же общиннаго или подворнаго крестьянина; къ тому же мыслимо ли создать учрежденія, которыя слѣдили бы за тѣмъ, чтобы земля государственнаго земельнаго фонда обрабатывалась личнымъ, и только личнымъ, трудомъ тѣхъ, кто получилъ эту землю? Я глубоко убѣжденъ, что это утопія. Слова: передача земли тѣмъ, кто ее обрабатываетъ, скоро сведутся въ жизни къ своему экономическому реализму, — т. е. *земля будетъ въ рукахъ хозяевъ*. Идея государственнаго земельнаго фонда подкупаетъ, манитъ къ себѣ не только своимъ характеромъ соціализаціи, но и равенства въ соціализаціи. Предъ глазами творцевъ этой идеи, правда, я увѣренъ, не всегда и не у всѣхъ, носится идеалъ товарищеской, коммунистической организаціи, убѣжденіе, что крупное хозяйство не можетъ съиграть той роли, которую можетъ въ этомъ отношеніи выполнить мелкое крестьянское хозяйство, какъ переходная стадія къ грядущему соціальному хозяйству, т. е. къ той стадіи организаціи труда, при которой капиталъ во всѣхъ его формахъ составляетъ общественную собственность и трудъ каждаго имѣетъ право лишь на вознагражденіе по справедливо установленной нормѣ сообразно съ общественной производительностью труда, дающей ему возможность жить въ періодъ работоспособности, старости и умереть, не опасаясь за покидаемыхъ дѣтей, хотя бы и не оставляя имъ наслѣдства. Я очень хорошо знаю, что марксизмъ крупнаго хозяйства теперь считается отвергнутымъ даже на послѣднихъ соціалъ-демократическихъ съѣздахъ въ Германіи. Какъ пойдетъ наша экономическая исторія. я не

берусь предсказывать, но даже, допустивъ возможность полной ликвидаціи частно-владѣльческаго хозяйства, полагаю, что марксистская теорія развитія хозяйства имѣетъ за себя много данныхъ. Въ марксистской теоріи крупнаго хозяйства, по моему мнѣнію, оттѣняютъ вовсе не тѣ стороны, которыя слѣдуетъ Правильное формулированіе теоріи марксизма, какъ мнѣ кажется, даетъ мнѣ право съ большою увѣренностью утверждать, что идея государственнаго земельнаго фонда окончится крахомъ, чтобы защитники ея ни говорили.

Я формулировалъ бы основныя положенія этой теоріи иначе. Внутренній смыслъ спора марксистовъ съ народниками вовсе не идетъ объ однѣхъ формахъ крупнаго и мелкаго хозяйства. Разумная идея марксизма, заимствованная имъ изъ наблюденій надъ всей предшествовавшей исторіей, заключается въ томъ, что онъ полагаетъ: „исторія есть картина прогрессивнаго движенія общества *грезъ неравенство* къ благосостоянію — отъ бѣдности, къ общественной организаціи труда — отъ индивидуальной и постепенно развивающейся союзной борьбы за свои интересы класса. При современной стадіи развитія экономическое *равенство* не есть возможная и наиболѣе цѣлесообразная организація труда“[1]). Въ этомъ отношеніи марксизмъ, дѣйствительно, сближается съ либерализмомъ, съ большимъ, однако, различіемъ. Либерализмъ мобилизуетъ силы буржуазіи, марксизмъ — демократіи, но ни тотъ, ни другой не могутъ отрицать „capacité individuelle“. Творческіе толчки массамъ даютъ эти „capacités“, а не стадная масса равенства. Массы организовываются, но ихъ организовываютъ вожди, и этого никогда не слѣдуетъ забывать. Либерализмъ есть партія буржуазнаго порядка, вѣрнѣе конституціоннаго строя съ преобладаніемъ владѣющихъ классовъ, марксизмъ партія соціальнаго порядка и демократическаго конституціоннаго строя, но, повторяю, порядка, а не насилія. Захваты, насилія, аграрные безпорядки, безчинство полиціи, власти и всякихъ черныхъ

1) Я не такъ наивенъ, чтобы не понимать, что политическое равенство должно быть создано и что оно не составляетъ того равенства, къ которому стремится демократія Я увѣренъ, что въ ближайшемъ будущемъ политическое и гражданское равенство будетъ создано, но именно на почвѣ экономическаго неравенства Это послѣднее на долго будетъ еще составлять творческій факторъ экономической эволюціи и въ свое время также преобразуется, прейдетъ, какъ и все въ исторіи. .

сотенъ должны одинаково претить правовымъ настроеніямъ этихъ партій[1]). И вновь нарождающаяся партія пролета-

1) Въ статьѣ, помѣщенной въ № 41 газеты Товарищъ за 1906 г. г Прокоповичъ отмѣчаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне уже поняли, что грабежами и насиліями ничего не достигнешь, а только навлечешь на себя всѣ ужасы усмиренія Только вступивъ на правовую дорогу, крестьянство обезпечитъ себѣ побѣду Нравственная сила въ привычкѣ, въ вѣрѣ и уваженіи къ правовой борьбѣ Въ самой стачечной борьбѣ должны быть съ обѣихъ сторонъ правовыя начала, считающіяся съ условіями производства и времени Тотъ же г Прокоповичъ отмѣчаетъ, что въ стачечномъ сельско-хозяйственномъ движеніи обнаруживалось повсемѣстное стремленіе чрезмѣрной высотой заработной платы дѣлать владѣльческое хозяйство убыточнымъ Это вредная иллюзія и крестьянство скоро разочаруется въ этой тактикѣ и вступитъ какъ и рабочее сословіе, на путь борьбы „за справедливую плату“, таковъ неизбѣжный историческій путь

Въ брошюрѣ „Историческій моментъ и крестьянскій съѣздъ“ изд Поповой, г Н Строевъ пишетъ. „съ перваго взгляда разгромы усадебъ кажутся не болѣе, какъ стихійными проявленіями невѣжественной массы, варварствомъ, пугачевщиной На дѣлѣ это далеко не такъ Сжигая барскіе дома, вырубая сады и парки, уничтожая скотъ и конскіе заводы, крестьяне руководятся не однимъ чувствомъ мести, еще менѣе стремленіемъ къ грабежу и насилію Здѣсь своего рода планъ, наивный, но не лишенный логики: когда усадьбы разорены, некуда будетъ вернуться Вотъ почему погромщики не пользуются почти дворянскимъ имуществомъ, а жгутъ, рубятъ, уничтожаютъ Въ одномъ богатомъ имѣніи домъ взрывали даже динамитомъ“ . „Если бы крестьяне знали другой путь конфискаціи дворянскихъ земель, напр посредствомъ крестьянской организаціи или путемъ государственнаго законодательства, проведеннаго въ парламентѣ, погромовъ бы не было.“ Если бы г Строевъ ограничился бы сообщеніемъ фактовъ русской дѣйствительности, я не обратилъ никакого вниманія на его слова Факты эти общеизвѣстны, правда, въ гораздо болѣе мрачномъ видѣ относительно грабежей Но не въ этомъ дѣло. Задача и обязанность каждаго не преклоняться предъ фактами, а глубже понимать причины явленія и искать разумныхъ путей для рѣшенія общественныхъ вопросовъ Въ уничтоженіи производительныхъ силъ логику можетъ найдти только очень плохая логика Не только конституціонные демократы, но и разумная соціалъ-демократія не могутъ хладнокровно относиться къ такимъ явленіямъ Всѣ ихъ моральныя силы должны быть пущены въ ходъ, чтобы удержать крестьянскую демократію отъ этого не только наивнаго, но и ложнаго пути, который ведетъ только къ разстрѣламъ, военно-полевымъ судамъ и ко всѣмъ ужасамъ бѣлаго террора Я уже много разъ говорилъ и буду повторять это безконечное количество разъ, что не дубинушка, не погромы поведутъ насъ по пути соціальной реформы, а только работа законодательныхъ палатъ Демократія и владѣющіе классы должны понять, что путь къ свободѣ и къ правовому строю лежитъ только чрезъ соціальную реформу Демократія не должна надѣяться на конфискацію, владѣющіе классы должны быть готовы къ уступкамъ Если первой Думѣ не удалось осуществить свои идеи, на смѣну ей должна придти другая Рѣшеніе соціальнаго вопроса не можетъ произойдти въ одинъ день: только выдержанная, организованная, способная къ уступчивости демократія можетъ добиться осуществленія своихъ плановъ и исторія тому порукой, что путь парламентарный, путь компромиса владѣющихъ и работающихъ классовъ болѣе длительный, но болѣе плодотворный, справедливый и дешевый путь. Если даже политическія революціи требуютъ громаднаго количества жертвъ, то соціальныя трансформаціи совершаются еще тяжеле, еще медленнѣе и требуютъ значительныхъ перемѣнъ въ соціальной психологіи Я хорошо знаю, что постепеновцы никогда не бываютъ у насъ въ фаворѣ и множество нареканій сыпется на ихъ голову, но исторія за нихъ и не на нихъ падаютъ и падутъ тѣ разочарованія, которыя пере-

ріата скоро убѣдится, что весь арсеналъ крикливыхъ фразъ, бунтарства можетъ быть спеціальностью только анархистовъ, которые часто по *простотѣ разума* не вѣдаютъ, что творятъ.

Повторяю, я глубоко убѣжденъ, что идея государственнаго земельнаго фонда съ ея пользованіемъ рухнетъ; я долженъ обратиться теперь къ важнѣйшей задачѣ моей настоящей статьи, воспользовавшись тѣми разсужденіями, которыя приведены выше Сказанное слѣдуетъ разъяснить и, надѣюсь, сдѣлать это мнѣ будетъ не трудно.

II.

Я съ большимъ интересомъ принялся было за чтеніе отмѣченныхъ выше статей проф. Мануилова [1]). Голосъ его раздается съ московской каѳедры политической экономіи, изъ прочнѣйшихъ бастіоновъ русскаго народничества. Я ждалъ, что найду въ этихъ статьяхъ новую и оригинальную аргументацію въ пользу созданія государственнаго земельнаго фонда. Мои ожиданія совершенно не оправдались Я нашелъ только старые, поблекшіе отъ времени доводы, которые не убѣждаютъ, а лишь разочаровываютъ. .

Къ счастію, проф Мануиловъ останавливается только на двухъ, по его мнѣнію, главныхъ доводахъ противъ собственности и въ пользу государственнаго земельнаго фонда. Это даетъ и мнѣ право остановиться только на этихъ доводахъ, не заботясь о менѣе важныхъ, чтобы показать всю слабость ихъ научнаго значенія

живутъ люди революціоннаго темперамента. Я ничего не имѣю въ своихъ рукахъ, кромѣ пера; мое чувство нравственнаго долга заставляетъ меня обратиться съ призывомъ къ демократіи и стараться удержать ее отъ этого ложнаго, опаснаго и вреднаго въ соціальномъ отношеніи пути я вѣрю, что полоса погромовъ и разрушеній пройдетъ, что всѣ дѣятели соціалъ-демократіи во имя своихъ будущихъ идеаловъ обратятся съ такими же словами къ демократіи Словами соціалъ-демократа Бебеля я могу высказать увѣренность, что „было бы совсѣмъ плохо, если бы съ теченіемъ времени люди не становились умнѣе“

Разрушеніе производительныхъ силъ всегда должно считаться нелѣпостью, а классовая борьба должна считаться съ историческими условіями, т е съ соціальнымъ происхожденіемъ классовъ и ихъ необходимыми соотношеніями.

1) Эти статьи помѣщены въ номерахъ 139, 145 и 157-мъ „Русскихъ Вѣдомостей“ за 1906 г. (28 мая, 4 іюня, 16 іюня)

Развивая свой первый главный доводъ, проф. Мануиловъ утверждаетъ, что при отводѣ земель въ частную собственность, при провозглашеніи свободы перехода земли путемъ купли — продажи и наслѣдованія наступитъ чрезъ извѣстный промежутокъ времени сильная неравномѣрность въ распредѣленіи земельной собственности, влекущая за собой обезземеленіе однихъ и сосредоточеніе земли въ другихъ рукахъ. . . Чрезъ извѣстный промежутокъ времени образуются новые собственники, окруженные массою малоземельнаго и безземельнаго пролетаріата. „И не вправѣ ли, задаетъ проф. Мануиловъ вопросъ, будутъ нынѣшніе частные владѣльцы сказать иниціаторамъ этого дѣла: „Вы отняли у насъ наши земли только для того, чтобы отдать другимъ земельнымъ собственникамъ, которые ничѣмъ не лучше, а можетъ быть, и хуже насъ! Гдѣ же государственная необходимость и общественный интересъ, во имя котораго только и могла быть предпринята экспропріація“? Такимъ образомъ первый доводъ сводится къ опасеніямъ предъ мобилизаціей земли и къ оправданію экспропріаціи возможностью устраненія этой мобилизаціи и концентраціи собственности путемъ государственнаго земельнаго фонда. Второе главное возраженіе, по мнѣнію того же писателя, дѣлаемое противъ этого фонда, заключается въ томъ, что временный владѣлецъ не можетъ быть такъ заинтересованъ въ *улучшеніи* своей земли, какъ собственникъ. Проф. Мануиловъ побѣдоносно разрушаетъ этотъ аргументъ, исходя изъ положенія столь поруганнаго ранѣе соціалистами Д. С. Милля: „сущность дѣла въ концѣ концовъ не въ собственности, а въ прочности владѣнія“ На этой благодатной почвѣ нашими народниками всегда велась защита общинныхъ порядковъ и аргументы ихъ, со всѣми сопровождающими данными, слишкомъ извѣстны, чтобы мнѣ надо было ихъ передавать словами проф. Мануилова. Новаго онъ самъ ничего не привноситъ. Въ заключеніе онъ приходитъ къ выводу о благѣ государственнаго земельнаго фонда съ оговоркой, однако, что цѣль реформы (т. е. устроеніе пользованія землями государственнаго земельнаго фонда соотвѣтственно интересамъ народнаго хозяйства и всего трудящагося населенія) осуществима только при двухъ условіяхъ: „организаціи самой государственной власти на демократическихъ началахъ и передачѣ распоряженія земель го-

сударственнаго фонда самоуправляющимся единицамъ". Я нѣсколько дней ждалъ съ нетерпѣніемъ номера, въ которомъ долженъ былъ быть изображенъ способъ передачи земли этимъ самоуправляющимся единицамъ. Въ № 157-мъ „Русскихъ Вѣдомостей" я нашелъ ожидаемое мною простое рѣшеніе; по мнѣнію проф. Мануилова, фондъ слѣдуетъ передать общинамъ и сельскимъ обществамъ Эти послѣдніе должны самостоятельно составлять „правила" пользованія землями дополнительнаго надѣленія, съ тѣмъ, чтобы при этомъ были соблюдены основныя цѣли аграрной реформы и „правила разсматривались" съ этой стороны надлежащей инстанціей, напр мѣстной земельной комиссіей и утверждались ею. Онъ предоставляетъ общинамъ и сельскимъ обществамъ полный просторъ во всемъ остальномъ по устройству пользованія землями фонда. Ему кажется, что такой порядокъ очень далекъ „отъ бюрократизма"; „онъ основанъ на началахъ широкаго самоуправленія, поставленныхъ въ рамки разумной законности и надлежащаго контроля". . .

Начнемъ нашъ анализъ съ послѣдняго довода. Этотъ доводъ приводится обыкновенно à contrario. Что собственность побуждаетъ мелкаго держателя земли доводить хозяйство до высшихъ предѣловъ совершенства, предполагается доказаннымъ. Защитники общины всегда стремились доказать, что и при этой формѣ владѣнія возможно полученіе такихъ же результатовъ. Опытъ Россіи, однако, никогда не давалъ обильныхъ подтвержденій въ этомъ отношеніи; съ легкой руки проф. А. С. Постникова, вслѣдъ за появленіемъ его книги „Общинное владѣніе", на сцену обыкновенно выдвигались Англія и Ирландія съ ихъ арендными формами владѣнія. Отождествленіе общиннаго владѣнія съ арендой всегда было въ высшей степени натянутымъ, не говоря уже о томъ, что аренда у частнаго владѣльца и у государства — явленія совершенно разныхъ порядковъ, но дѣло аргументаціи достигалось и довѣрчивый читатель успокоительно воспринималъ доводы. Въ послѣднее время особеннымъ успѣхомъ въ народническихъ кругахъ пользовались сочиненія Гертца и Давида, которые выступили противъ старой марксистской догмы крупнаго хозяйства и на защиту мелкаго хозяйства. Однако, при внимательномъ чтеніи въ ихъ трудахъ мы не найдемъ стремленій защищать общину, не увидимъ проповѣди возврата къ этой архаической формѣ

владѣнія. Давидъ напр. очень робко и осторожно высказывается по вопросу о собственности. „Но вопросъ о собственности? спрашиваетъ этотъ соціалистъ — западникъ. Подъ какой юридической кличкой должны наемные рабочіе превратиться въ самостоятельныхъ хозяевъ? Пока скажемъ только одно — имъ нѣтъ надобности дѣлаться „собственниками“ въ смыслѣ *произвольнаго* распоряженія землею или продуктомъ. Возможны такія формы пользованія, при которыхъ исчезаютъ всѣ темныя стороны *безконтрольной* собственности, но остаются ея свѣтлыя стороны. Нѣтъ надобности создавать новыхъ „фанатиковъ собственности“ для того, чтобы установить такія жизнеспособныя формы хозяйства, которыя *могли бы вызвать полный психологическій интересъ хозяйствующей семьи.* Практика быстро научитъ примирять верховное право всего общества съ правомъ пользованія отдѣльнаго лица“ [1]). Въ то же самое время онъ замѣчаетъ: „земледѣліе представляетъ для производительныхъ товариществъ не меньшія, а гораздо большія трудности, такъ какъ, благодаря трудности контроля, здѣсь гораздо большую роль играетъ психологическій факторъ. Большая ошибка думать, что чувство солидарности вызываетъ и у члена рабочаго товарищества такой же интересъ къ дѣлу, какой существуетъ у лично заинтересованнаго хозяина-собственника *Поэтому* сельско-хозяйственныя промышленныя товарищества *не могутъ быть пунктомъ современной аграрно-политической программы.* Но возможно, что когда нибудь средній человѣкъ достигнетъ такого высокаго общественнаго развитія, что внутренняго психологическаго контроля, сознанія нравственнаго долга будетъ достаточно для осуществленія идеала производительныхъ товариществъ. . . На такую высоту соціальнаго развитія люди могутъ подняться только постепенно. Если возможность провести производительныя товарищества не исключена для далекаго будущаго, то соціалъ-демократическая партія не должна воображать, что она можетъ „сотворить“ эту хозяйственную форму въ одинъ день Въ сельскомъ хозяйствѣ новыя хозяйственныя формы также мало будутъ создаваться реформами „сверху“, какъ и въ индустріи“. .

1) См. „Соціализмъ и сельское хозяйство“, р пер, Спб. 1906, стр. 545—549.

Нашимъ народникамъ въ составѣ конституціонно-демократической партіи слѣдовало бы поучиться такой осторожности у западника. Давидъ стоитъ только за *ограниченную* собственность, о товарищеской организаціи мелкихъ хозяевъ мечтаетъ только въ далекой перспективѣ. Я также не являюсь защитникомъ *неограниченной* частной собственности[1]), но ставлю себѣ проблему такого рода: что даетъ намъ созданіе государственнаго земельнаго фонда, какую *прочность* пользованія и форму владѣнія, какую товарищескую организацію и какова будетъ роль мѣстныхъ учрежденій и организацій? Въ статьяхъ проф. Мануилова, да и во всемъ московскомъ проектѣ, всѣ эти вопросы едва намѣчены и мнѣ придется теоретически ихъ вскрыть. Одинъ изъ участниковъ этой работы составленія проэкта проф. Герценштейнъ въ одной изъ своихъ статей справедливо замѣтилъ, что на эту слабую сторону проекта обратятъ вниманіе, и я постараюсь это сдѣлать по мѣрѣ своихъ силъ.

Въ мѣстахъ съ общиннымъ землепользованіемъ ни о какой другой товарищеской организаціи, кромѣ общинной, у насъ и говорить нельзя, и, пообѣщавъ во второй статьѣ поговорить о широкой демократической реформѣ мѣстныхъ учрежденій, проф. Мануиловъ въ третьей статьѣ и обратился вспять къ общинѣ, въ мѣстахъ же съ подворнымъ землевладѣніемъ къ сельскому обществу. Безъ всякихъ особыхъ аргументовъ онъ утверждаетъ, что за этими земельными союзами слѣдуетъ признать права юридическихъ лицъ, сдѣлать ихъ безсословными, предоставить имъ право пополнять свой составъ новыми членами безъ различія сословій, полный просторъ по устройству пользованія землями государственнаго фонда, на изложенныхъ выше началахъ.

---

1) Только при поразительной наивности можно въ 20-мъ вѣкѣ говорить о неприкосновенности собственности, когда во имя соціальныхъ интересовъ и потребностей она все болѣе и болѣе трансформируется, мѣняетъ свои формы, усложняется, пріобрѣтаетъ новое содержаніе и обязанности Крестьянской собственности при самодержавномъ же режимѣ были нанесены наиболѣе тяжкіе удары Принципъ принудительнаго отчужденія вовсе не ведетъ къ отрицанію собственности Онъ только совершаетъ раздробленіе собственности, оправдаемое соціальными и экономическими интересами Законъ о принудительномъ отчужденіи только ускоряетъ процессъ, который, быть можетъ, сказался бы и силою медленной, естественной эволюціи Исторія даетъ не мало такихъ примѣровъ раздробленія земельной территоріи по велѣніямъ власти.

Разумѣется, я стою за безсословность, но, когда говорятъ о признаніи этихъ союзовъ юридическими лицами, у меня возникаетъ множество недоумѣній Наше общинное право не дѣлало изъ общины юридическаго лица, да и о каковомъ юридическомъ лицѣ говоритъ проф. Мануиловъ? Что это будетъ за лицо: акціонерная компанія по потребительной нормѣ надѣла, товарищество на вѣрѣ, производительное товарищество или что иное? Принявъ на себя право юридическаго лица, община должна принять и его обязанности, но до какихъ предѣловъ? Не до круговой ли отвѣтственности? Наше общинное право не дѣлало изъ общины юридическаго лица. Ее старались сдѣлать политическимъ цѣлымъ, административной единицей. Предоставивъ общинамъ право всесословной кооптаціи по выбору, это значитъ создать изъ нея „самодержавное политическое цѣлое“, которое такъ и останется крестьянскимъ, сословнымъ, не пустить въ свой составъ, по прежнему, ни сосѣдняго помѣщика, ни попа, ни мелкаго ремесленника, живущаго въ общинѣ, но не пожелавшаго принять надѣла, ни всякаго другого интеллигента и рабочаго, ибо самымъ фактомъ принятія они пріобрѣли бы право на надѣлъ по потребительной нормѣ. Вѣдь и интеллигенту, и рабочему желательно было бы получить хотя бы усадебную осѣдлость въ деревнѣ. И безземельный однимъ собственнымъ трудомъ не построитъ себѣ дома Построивъ домъ на равныхъ съ послѣднимъ капиталистическихъ началахъ наемнаго труда, интеллигентъ или рабочій собственнымъ трудомъ заведетъ себѣ садъ и заживетъ на славу. Но это только такъ, между прочимъ [1]). Гораздо важнѣе ближе подойти къ самой прочности и существу землепользованія при общинномъ строѣ.

Какъ малъ тотъ „полный психологическій интересъ

---

1) Россія — страна деревень. Если деревенская община начнетъ богатѣть, чего я отъ души желаю, сюда начнетъ идти всякаго рода городской пролетарій: и ремесленникъ, и интеллигентъ Онъ станетъ искать усадебной осѣдлости, и „трудовой крестьянинъ“ съ удовольствіемъ отведетъ ему наемное помѣщеніе въ своемъ домѣ, а, можетъ быть, и въ особо построенномъ Такого пролетаріата и теперь не мало въ разныхъ деревняхъ и не весь онъ пожелаетъ осѣсть на землю Приглядитесь хотя бы къ селамъ вдоль полотна желѣзной дороги Неужели же всѣ эти люди не будутъ принимать участія въ жизни самодержавной общины и останутся на положеніи квартиронанимателей въ городахъ? Или для усадебной земли будутъ изданы особые законы, и въ деревнѣ будетъ два юридическихъ лица: хозяйственная община и сельское общество?

хозяйствующей семьи", о которомъ говоритъ г. Давидъ, при общинномъ землепользованіи достаточно извѣстно. Если земля будетъ передана держателямъ на началахъ общинно-государственнаго права, то, очевидно, прочность пользованія сведется къ такого рода положенію: 1) право на ненарушимое пользованіе соотвѣтствующимъ участкомъ пріобрѣтетъ каждый, кто будетъ обрабатывать землю только своимъ трудомъ, 2) право передачи этой земли по наслѣдству будетъ регулироваться, до наступленія новаго передѣла, на началахъ обычнаго права, 3) право парцелляціи, по причинамъ семейныхъ раздѣловъ, если только составители московскаго проекта не пожелаютъ сохранить земельный законъ 1893 г., будетъ вполнѣ свободно въ періодъ до новаго передѣла, 4) закладного вещнаго права держатель участка будетъ лишенъ; придется создавать кредитъ въ личной или товарищеской формѣ; 5) права отчужденія своего участка изъ земельнаго фонда даже съ согласія общины или какихъ либо контролирующихъ учрежденій крестьянинъ будетъ лишенъ, 6) при желаніи сдать этотъ надѣлъ въ другія руки держатель долженъ получить право на возвратъ выплаченной выкупной суммы; если же выкупъ будетъ организованъ въ формѣ рентной или въ видѣ налога, то новый держатель долженъ принять на себя: а) недоимки прежняго неумѣлаго хозяина и б) возвратить стоимость всѣхъ произведенныхъ улучшеній, 7) всѣ земли государственнаго земельнаго фонда должны быть для обезпеченія операціи выкупа или обложенія записаны въ особые поземельные реестры или книги съ точнымъ указаніемъ цѣнности по справедливой оцѣнкѣ и ни на какой приростъ цѣнности, кромѣ оплаты улучшеній, держатель не можетъ имѣть права, 8) обязанность подысканія новыхъ держателей, въ случаѣ неуспѣха первыхъ, принявшихъ надѣлъ, въ веденіи хозяйства и въ выполненіи обязанностей по принятому надѣлу должна быть возложена на общины и союзы; въ случаяхъ ихъ отказа на какую либо другую государственную организацію, 9) увеличеніе доходности земель и ихъ парцеллъ, при дальнѣйшемъ ходѣ экономическаго развитія и увеличенія общественныхъ потребностей, въ частности при возрастаніи цѣнъ на продукты, должно вести къ праву государства на повышеніе обложенія, основанномъ на разумномъ кадастрѣ или подоходномъ налогѣ.

Вотъ въ какомъ видѣ рисуется мнѣ будущая организація земельнаго строя при провозглашеніи идеи государственнаго земельнаго фонда съ его идеей пользованія [1]).

Мы всѣ выросли въ режимѣ самодержавной Россіи, которая привыкла къ мысли, что политическая власть все можетъ. Все должно было исходить изъ центра. Теперь мы впадаемъ въ противоположную крайность: полагаемъ, что все можетъ быть сдѣлано на мѣстахъ. Признаюсь, я не вѣрю, что общины могутъ выполнить всю ту сложную задачу, которую на нихъ хочетъ возложить проф. Мануиловъ. Онъ просто умываетъ руки, и по старой русской привычкѣ заставляетъ насъ „уповать на Бога“ [2]). Общины составляютъ „правила“, какое то мѣстное учрежденіе ихъ утверждаетъ; мы знаемъ, что въ землѣ нашей много „правилъ“, а порядка въ ней со времени призванія варяговъ, такъ таки и нѣтъ. Самодержавныя общины, однако, начнутъ скоро думать свою думу и, чтобы мы ни говорили въ своихъ кабинетахъ, при современномъ состояніи культуры, весь этотъ карточный домикъ земельнаго фонда разрушится силою дѣйствія личнаго интереса. Если идея государственнаго земельнаго фонда сводится къ простому расширенію общиннаго права, то я въ ней не вижу никакого шага впередъ, *никакой прочности владѣнія* [3]). Предъ нами останется та

---

1) Мнѣ могутъ сказать — идея государственнаго земельнаго фонда можетъ прочно укрѣпить идею государственнаго верховенства въ общественной жизни? У насъ ли объ этомъ говорить? Мы исторически рабы государства Теперь у насъ еще хотятъ насадить рабство самодержавныхъ общинъ. Hands off (руки прочь!), дайте просторъ личности; она силою неизбѣжнаго историческаго процесса придетъ къ товарищеской ассоціаціи, которая соединитъ свободу личности съ правами союзной организаціи.

2) Проф. Мануиловъ, повидимому, увѣренъ, что община съумѣетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы земля обрабатывалась только трудомъ держателеи; она же должна будетъ устранять неумѣлыхъ хозяевъ и недоимщиковъ, подыскивать вмѣсто нихъ новыхъ держателей надѣловъ, она же будетъ устанавливать нормы наслѣдственнаго права Однимъ словомъ все по старому, по хорошему Гражданскій кодексъ, попрежнему, придется составлять только для владѣющихъ классовъ Счастливъ я, что не родился крестьяниномъ Я все таки хотѣлъ бы знать, что же государство тогда будетъ для этихъ самодержавныхъ общинъ? Я не считаю себя централистомъ, но не впадаю въ крайность муниципализаторовъ Предъ нашей государственной думой стоитъ еще сложнѣйшая задача опредѣлить размѣры полномочій центральной власти и самоуправленія

3) Проф. А. И. Чупровъ въ своей статьѣ „Къ вопросу объ аграрной реформѣ „также остановливается предъ вопросомъ, въ чьи руки должна поступить отчуждаемая земля: государства или отдѣльныхъ сельскихъ обществъ. Онъ пишетъ: „Я вполнѣ раздѣляю соображенія, приводимыя въ пользу сосредоточенія выкупаемыхъ земель въ рукахъ государства,

же крестьянская община съ ея безконечной путаницей интересовъ, произволомъ наслѣдственнаго права и проч. и проч. На время мы, быть можетъ, задержимъ ея окончательное исчезновеніе. Путемъ дополнительнаго надѣленія будетъ произведено своего рода вспрыскиваніе мускуса въ умирающее тѣло, но жизнь продлена не надолго. При демократическомъ устройствѣ общины нельзя же требовать единогласія или $^2/_3$ голосовъ для передѣловъ? Или центральное правительство будетъ держаться въ этомъ отно-

---

но мнѣ приходятъ на мысль и нѣкоторыя возраженія Земли, разъ присоединенныя къ надѣламъ крестьянъ, будетъ впослѣдствіи мудрено отбирать у нихъ для того, чтобы передать другимъ. Крестьяне настолько свыкнутся съ увеличеннымъ размѣромъ надѣла, что отрѣзать какую-либо долю отъ него будетъ невозможно, а между тѣмъ это — главная цѣль, изъ-за которой стоило бы удерживать землю въ рукахъ государства Поводомъ къ отрѣзкѣ можетъ служить неравномѣрность прироста населенія, вслѣдствіе котораго въ однѣхъ мѣстностяхъ останется на душу меньше земли, нежели въ другихъ Но эти неравенства прироста правильнѣе регулировать путемъ колонизаціи Такимъ образомъ вѣроятнѣе всего, что нарѣзываемую нынѣ землю въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній придется оставить въ рукахъ тѣхъ же сельскихъ обществъ, которыя получатъ ее нынѣ Изъ-за чего же государству брать на себя сложную задачу управлять распредѣленіемъ? Если впослѣдствіи понадобится передѣлать распредѣленіе собственности, то возможно будетъ снова примѣнить то же начало экспропріаціи, которое приведетъ теперь землю въ руки государства. Можно кромѣ того съ увѣренностью сказать, что оставленіе выкупной земли въ распоряженіи государства будетъ встрѣчено крестьянами съ недовѣріемъ Взаимное отношеніе силъ въ будущихъ государственныхъ учрежденіяхъ можетъ сложиться такъ, что нынѣ экспропріированныя земли снова будутъ отобраны и возвращены частнымъ владѣльцамъ, наподобіе того, какъ Реставрація во Франціи возвратила часть земель дворянству. Можетъ быть, правильнѣе всего было бы выкупать земли въ собственность государства, а затѣмъ предоставить на волю каждаго сельскаго общества пріобрѣтать ли ихъ въ собственность съ уплатой выкупа, или же брать у государства въ продолжительную аренду"

Я не раздѣляю опасеній проф Чупрова относительно возможности Реставраціи Возможность наступленія послѣдней была бы вѣроятна лишь при рѣшеніи земельнаго вопроса революціоннымъ путемъ Аргументъ о реставраціи напоминаетъ лишь о пережитой эпохѣ, когда казалось, что законодательная палата можетъ чуть ли не въ годъ рѣшить это сложное дѣло Реформа еще не начата и о реставраціи думать рано, также какъ и о новой экспропріаціи Впереди еще долгій и тяжелый путь экономической эволюціи. Полагаю, что чѣмъ прочнѣе земля будетъ укрѣплена за крестьянами, тѣмъ скорѣе начнется оздоровленіе деревенской жизни Поэтому для даннаго историческаго періода и не слѣдуетъ возлагать большихъ надеждъ на идею пользованія Опредѣленіе условій передачи земли должно быть разумно нормировано. Не слѣдуетъ думать, конечно, что крестьяне безусловно подчинятся предложеннымъ условіямъ. Здѣсь также возможны не малыя осложненія. Возможенъ, вѣдь, и отказъ отъ полученія надѣла. Государственная власть должна предвидѣть всѣ возможности

шеніи старой ограничительной политики? Будетъ ли въ „правилахъ“ мѣстной комиссіи, какое либо ограниченіе по этому предмету, какъ будутъ защищены права меньшинства? Кто будетъ судьею въ производствѣ совершенныхъ улучшеній: община или для этого потребуется безпристрастный судъ? Не возлагаю я надеждъ и на *справедливое самообложеніе* общинъ. Земельная реформа должна потребовать полной реорганизаціи нашего податнаго дѣла, какъ государственнаго, такъ и мѣстнаго. Это великое дѣло должно быть совершено законодательными палатами, которыя должны добиться, чтобы ни одна народная копѣйка не взималась безъ нужды и не тратилась непроизводительно. Для этого потребуется полная реформа бюджета и строгій государственный контроль за всѣмъ податнымъ дѣломъ. Этотъ контроль долженъ проникать и въ общины, гдѣ сильный часто доминируетъ надъ слабымъ, и послѣдній тщетно ищетъ объективной защиты. Это въ свою очередь вызоветъ реформу мѣстныхъ и центральныхъ учрежденій [1]).

Уже и теперь въ общинахъ замѣчается невѣроятная дробность полосъ, когда надѣлъ составляется изъ полосъ въ 20—30 мѣстахъ. При дополнительномъ надѣленіи на время, быть можетъ, количество такихъ клочковъ уменьшится, но скоро наступитъ то же самое, ибо въ

---

1) Ни для кого теперь не тайна, что наше крестьянство задавлено не только косвенными налогами, но и прямыми окладными сборами. Даже въ оффиціальномъ органѣ нашего министерства юстиціи читатель можетъ найдти статью г С П Никонова, который пишетъ: „можно себѣ представить, какой вопль и негодованіе пошли бы у насъ повсемѣстно, если бы правительство наше провело законъ о взимании съ нефтепромышленниковъ, заводчиковъ, купцовъ, наконецъ, съ дворянъ-землевладѣльцевъ и т д. прямого налога въ размѣрѣ равномъ всей суммѣ чистаго дохода этихъ лицъ или, во всякомъ случаѣ, не менѣе 50 % послѣдняго Съ какой яростью всѣ кричали бы тогда о подобномъ ужасномъ законѣ, неизбѣжно влекущемъ разгромъ нашей торговли и промышленности, невозможномъ съ научной точки зрѣнія, безнравственномъ по соображеніямъ высшей справедливости . Между тѣмъ именно такой „финансовый режимъ“ примѣняется у насъ уже давно — десятки лѣтъ — по отношенію къ крестьянамъ“ . . И затѣмъ онъ приводитъ ужасающія данныя, до казывающія его положенія, выводъ изъ которыхъ онъ формулируетъ такъ . „при существующей системѣ налоговъ представляется совершенно невозможнымъ какое бы то ни было улучшеніе крестьянскаго хозяйства Дайте крестьянину дополнительный надѣлъ, переселите на новыя мѣста, предоставьте ему землю въ аренду, организуйте мелiоративный кредитъ, — все равно, — существующій „финансовый режимъ“, какъ помпа, выкачаетъ у народа всѣ его доходы, и по прежнему, оставитъ его съ пустой сумой“. Замѣтьте, читатель, что это пишется въ оффиціальномъ органѣ министерства Юстиціи См статью С П. Никонова, Окладные сборы съ крестьянъ, журналъ министерства юстиціи, № 5, за 1906 г

самомъ существѣ общиннаго права, какъ справедливо полагаетъ г. Изгоевъ, нѣтъ основаній для надеждъ на переходъ отъ индивидуальнаго къ коллективному хозяйству. На что же приходится надѣяться? На тотъ же общинный духъ, освобожденный только отъ всякой регламентаціи, рѣшающій одинъ и тотъ же вопросъ въ тысячахъ самодержавныхъ общинъ? Крестьянство не безформенная масса: въ немъ есть сильные и слабые, богатые и бѣдные, глупые и умные. Въ его средѣ скоро же начнется старая и глухая борьба и, да позволено мнѣ такъ выразиться, государственный земельный фондъ очень быстро будетъ такъ „разворованъ“, что отъ него скоро не останется и слѣда. Сначала онъ сольется съ общинной землей, а затѣмъ эволюція хозяйства пойдетъ своею чередой Если государственный земельный фондъ создается только для того, чтобы онъ потонулъ въ общинной землѣ, то я не вижу никакой надобности и выдвигать его, какъ какую-то особую идею. Я лично буду только привѣтствовать это слияніе, ибо убѣжденъ, что, испробовавъ еще этой прочности владѣнія при демократическомъ устройствѣ, крестьяне передѣлятъ землю разъ и навсегда и пошлютъ въ думу депутатовъ, на которыхъ возложатъ обязанность добиться реальной прочности владѣнія, т. е собственности. Теперь, пока крестьянство добивается земли, намъ представляется, что господствуетъ соціалистическое повѣтріе, но я не могу поручиться за то, что это повѣртіе продлится долго и не наступитъ время, когда возобладаетъ индивидуалистическое повѣтріе и, дѣйствительно, возникнетъ режимъ *неограниченной* собственности, чего слѣдовало бы, по моему мнѣнію, избѣжать. Гг. народники хорошіе, но слишкомъ довѣрчивые люди Они не замѣчаютъ, что „Божій даръ — земля“ скоро попадетъ въ ихъ пресловутой общинѣ въ руки „чумазаго“ и онъ еще пропоетъ свою пѣсеньку о „неприкосновенности собственности“, если классовое соотношеніе силъ дастъ ему преобладающее значеніе въ общественной жизни. Я знаю, что въ народническихъ кругахъ меня провозгласятъ „буржуазнымъ экономистомъ“, но не считаю нужнымъ считаться съ такими квалификаціями и скажу: amicus Plato, sed magis amica veritas; я убѣжденъ, что стою на вѣрной почвѣ при защитѣ интересовъ труда и, потому, не боюсь никакихъ квалификацій

Но мнѣ скажутъ: пусть такъ, но все же лучше сдѣлать попытку создать такую сомнительную „прочность“ общиннаго пользованія государственнымъ земельнымъ фондомъ, чѣмъ надѣлять крестьянъ въ собственность, разрушать общину и отдаться всѣмъ ужасамъ мобилизаціи. Вѣдь предполагается надѣленіе по справедливой оцѣнкѣ, быть можетъ, съ дисконтомъ противъ рыночныхъ цѣнъ? Не справедливы ли разсужденія, приведенныя проф Мануиловымъ, какъ бы отъ имени старыхъ владѣющихъ классовъ?

Признаюсь, аргументъ проф. Мануилова въ пользу государственнаго фонда, основанный на указаніи возможной мобилизаціи, я считаю еще слабѣе, чѣмъ первый о прочности владѣнія при общинномъ землепользованіи.

Прежде всего, проф. Мануиловъ не имѣлъ никакого права противопоставлять идею государственнаго земельнаго фонда неограниченной частной собственности. Многіе изъ защитниковъ идеи надѣленія въ собственность ничего подобнаго и не желаютъ. Проф. Мануилову не безъизвѣстно, что и среди германскихъ аграръ-политиковъ, да и въ законодательствѣ многихъ нѣмецкихъ государствъ существуютъ законоположенія, которыя ограничиваютъ *право дробленія* участковъ, устанавливаютъ извѣстный *порядокъ наслѣдованія*, опредѣляютъ отношеніе къ праву гипотекарной задолженности. На всѣхъ этихъ ограниченіяхъ останавливаться не намѣренъ, но скажу прямо, что лично высказался бы за необходимость воспрещенія дробленія земли ниже потребительной нормы и за ограниченіе права концентраціи подобныхъ надѣловъ въ однѣхъ рукахъ болѣе, какъ въ пяти-шести потребительныхъ нормахъ Принимая добавочное надѣленіе, крестьянинъ можетъ принять и обязанность отчужденія участка лишь въ полномъ составѣ. Концентрація крестьянской собственности, какъ она сложилась до нынѣ, должна остаться безъ измѣненія; само собой, я не говорю объ общинныхъ земляхъ [1]).

1) Не желаю идеализировать этотъ процессъ развитія капитализма, какъ это дѣлалось у насъ немного лѣтъ тому назадъ, ясно вижу его мрачныя, эгоистическія тенденціи, но не склоненъ забывать всѣхъ пріобрѣтеній пережитой нами эпохи литературной борьбы между народничествомъ и марксизмомъ Одинъ изъ безвременно скончавшихся талантливѣйшихъ представителей неомарксизма Р. Э Циммерманъ-Гвоздевъ въ своей любопытной книгѣ „Кулачество-Ростовщичество, его общественно-экономическое значеніе „Спб 1899 г, стр. 57—58 писалъ: „Наши самобытные экономисты забываютъ, что если замѣна негоднаго наличнаго кре-

Съ момента реформы должно быть законодательнымъ порядкомъ установлено это ограниченіе. Уже одно подобное ограниченіе должно было бы придать мобилизаціи своеобразный характеръ: община съ ея правомъ каждаго на парцелляцію съ ростомъ населенія, частное владѣніе съ его дѣленіями по наслѣдству въ безграничномъ размѣрѣ — дѣлаютъ одно и то же дѣло: ведутъ къ пауперизаціи и къ гибели сельско-хозяйственной культуры. Пролетаризаціи отдѣльныхъ крестьянскихъ группъ, по моему, устранить невозможно, но *предохранить землю* отъ разоренія и можно, и должно.

Во вторыхъ, самымъ страннымъ аргументомъ проф. Мануилова противъ мобилизаціи я считаю слова, приводимыя имъ въ ковычкахъ: „Вы отняли землю у насъ“, говорятъ его словами владѣющіе классы, „чтобы отдать ее другимъ, которые ничуть не лучше, а, можетъ быть, и хуже насъ“. Прежде всего, откуда у проф. Мануилова увѣренность, что при посредствѣ государственнаго земельнаго фонда земля тотчасъ же попадетъ въ наилучшія руки? Если даже земельный фондъ и не потонетъ въ пучинѣ общинной земли, то можетъ пройти много времени, пока, наконецъ, государство и его правомочные органы съумѣютъ размѣстить землю въ такихъ рукахъ, которыя ее обрабатываютъ, какъ подобаетъ. Вѣдь, само собой разумѣется, что только общій подъемъ культуры и образованія можетъ что либо сдѣлать и реформаторъ не можетъ видѣть тотчасъ же результатовъ своей затѣи. Противъ фонда будутъ возражать точно также: „вы отняли нашу землю въ пользу государства и утопили ее въ общинной землѣ, а толку изъ этого не вышло; вы не съумѣли посадить на наше мѣсто способныхъ людей и отдали дѣло въ руки произвола мѣстныхъ общинъ“. Но это замѣчаніе я дѣлаю только мелькомъ. Если я правильно

стьянскаго инвентаря желательна, то она возможна для крестьянина лишь при имѣніи необходимыхъ денегъ на покупку его. равно и при обладаніи посѣвной площади извѣстной величины, ибо только при этихъ условіяхъ становится возможнымъ приложеніе машиннаго инвентаря — для малосильной же крестьянской клячи напримѣръ плугъ является совершенно не по силамъ А все это предполагаетъ процессъ округленія участковъ и капиталовъ уже въ достаточной степени закончившимся .“ Особенно рекомендую вниманію читателей эту книгу г Циммермана. Въ ней много задора, преувеличеній, но чрезъ всю книгу проглядываетъ ясная мысль и въ каждомъ словѣ автора видна хорошая, свѣтлая голова недюжиннаго экономиста

понимаю смыслъ этого риторическаго вопроса, проф. Мануиловъ заставляетъ владѣльческіе классы говорить еще и другое. Онъ задаетъ вопросъ, гдѣ тотъ общественный интересъ, ради котораго была, во-первыхъ, предпринята экспропріація, т. е. принудительное удаленіе прочь съ насиженныхъ мѣстъ, и во-вторыхъ, экспропріація съ дисконтомъ справедливой оцѣнки, въ-третьихъ, замѣна крупнаго владѣльца мелкимъ.

Требуется не много разсужденій, чтобы опровергнуть подобную аргументацію со стороны лица, желающаго надѣленія крестьянъ въ *ограниченную* собственность.

Отвѣчая на всѣ эти вопросы сразу, онъ можетъ сказать, прежде всего, что вы понимаете подъ справедливой оцѣнкой? Если это не фикція, а нѣчто реальное, то получившій надѣлъ по этой цѣнѣ долженъ мобилизовать ее по такой же цѣнѣ И опять подобное ограниченіе земельнаго ростовщичества мы можемъ найти, напр., какъ помнится мнѣ, въ законодательствѣ Вюртемберга. Законодательство можетъ, передавая землю въ собственность и записывая ее въ реестры, требовать отъ собственника, чтобы въ теченіе скажемъ 20—30 лѣтъ онъ могъ продать свой участокъ потребительной нормы надѣла, не иначе какъ въ полномъ составѣ и по справедливой оцѣнкѣ, указанной въ поземельной книгѣ. Только за улучшенія, опредѣленныя предъ особой внѣобщинной комиссіей экспертовъ или суда, онъ можетъ требовать большаго Давность владѣнія не можетъ служить, къ тому же, основой захвата при записи имущества въ книги и разумномъ размежеваніи участковъ. Но я иду даже и еще дальше. Я смотрю на реформу земельнаго строя не какъ утопистъ общиннаго всевластья; общинное владѣніе само по себѣ вовсе не отвѣчаетъ на подобный запросъ владѣющихъ классовъ. Я смотрю на реформу серьезнѣе, чтобы ее можно было разрушить или вѣрнѣе опровергнуть ея цѣлесообразность такимъ риторическимъ вопросомъ. Если даже справедливая оцѣнка окажется по существу не особенно справедливой (вычислить ее, конечно, весьма трудно, разъ рѣшившись отказаться отъ рыночныхъ цѣнъ)[1]), на владѣющіе

1) Къ вопросу о справедливой оцѣнкѣ я вернусь въ особой брошюрѣ, въ которой я имѣю намѣреніе коснуться финансовой стороны земельной реформы. Только для полноты я укажу, каковы предположенія по этому вопросу Такъ проф А И Чупровъ въ отмѣченной выше статьѣ слѣду-

классы падетъ извѣстная жертва или, вѣрнѣе, рука исторіи, и я надѣюсь, что мои сограждане подчинятся этому, какъ исторической необходимости, такъ же, какъ и тому, что на смѣну владѣльцевъ крупныхъ придутъ мелкіе. При современныхъ соціально-политическихъ условіяхъ такое раздробленіе территоріи въ *разумныхъ предѣлахъ* необходимо для возможности мирной и культурной государственной работы. Оно необходимо для свободы и порядка, безъ которыхъ жизнь невозможна. Настроеніе въ странѣ, и въ странѣ почти исключительно крестьянской, въ пользу мелкаго землевладѣнія. Рано или поздно эта демократія произведетъ экспериментъ пересозданія условій и формъ землевладѣнія. Слѣдуетъ пойти этому теченію на встрѣчу и именно въ той формѣ, которая съ наибольшими шансами на успѣхъ способна создать *жизнеспособное крестьянское хозяйство*. Общественный интересъ состоитъ именно въ томъ, что,

---

ющимъ образомъ формулируетъ разныя предположенія: „Намъ кажется, что ни фактическія продажныя цѣны, ни капитализированная арендная плата не могутъ быть основаніемъ для оцѣнки, потому что и тѣ, и другая могутъ быть до чрезвычайности подняты конкурренціей малоземельныхъ. Оба эти способа оцѣнки могутъ быть лишь дополнительными, а не основными. Основной способъ состоитъ въ исчисленіи выручекъ и затратъ. Основой оцѣнки долженъ быть чистый доходъ, получаемый отъ собственнаго земледѣльческаго производства при среднемъ въ данной мѣстности хозяйствованіи. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ ведется правильное счетоводство, основой оцѣнки можетъ быть средній доходъ, фактически получавшійся отъ земледѣльческаго производства въ имѣніи за послѣдніе годы. Тамъ же, гдѣ хозяйство не ведется, основой оцѣнки долженъ служить доходъ, обычно получаемый въ данной мѣстности при собственномъ хозяйствованіи.“ Уже и эти предположенія показываютъ, что аграрная реформа должна потребовать массу труда и почти не выполнима безъ разумной переписи владѣній. Вопросъ о справедливой оцѣнкѣ еще почти не разработанъ. По вопросу о нормахъ надѣленія также слѣдуетъ собрать достаточное количество данныхъ. Г. О. Хауке въ статьѣ, помѣщенной въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“, пришелъ къ мысли, что нормы надѣленія слѣдуетъ опредѣлять не количествомъ земельной территоріи, а опредѣленіемъ нормальнаго дохода. Онъ пишетъ: „Нормы дополнительнаго надѣленія“ рисуются намъ въ видѣ опредѣленнаго количества рублей, которые необходимы земледѣльцу для удовлетворенія своихъ продовольственныхъ потребностей и различаются въ зависимости отъ возраста человѣка, а также въ видѣ количества рублей, потребныхъ на содержаніе коровы, лошади, вола. На практикѣ дѣло сведется, слѣдовательно, къ исчисленію по каждому селенію или для каждой земледѣльческой семьи нормальнаго дохода по денежнымъ нормамъ, которыя должны быть указаны въ аграрномъ законѣ; къ исчисленію дѣйствительнаго дохода и къ восполненію путемъ расширенія земленользованія дѣйствительнаго дохода до нормальнаго“ Всѣ эти предположенія я оставляю пока безъ обсужденія, ибо твердо держусь убѣжденія, высказаннаго еще проф. Герценштейномъ, что прежде всего надлежитъ выяснить, какое количество земли можетъ быть найдено для проведенія въ жизнь аграрной реформы и какое количество населенія должно быть немедленно и въ ближайшій же срокъ обезпечено новымъ надѣломъ.

по тѣмъ или другимъ причинамъ, крупное владѣльческое хозяйство не успѣло у насъ выполнить своей исторической миссіи. Исторія связала его слишкомъ *нелѣпо* съ судьбой самодержавія. Въ декабрѣ 1825 г. владѣльческое сословіе землевладѣльцевъ, отъ которыхъ можно было ожидать обновленія Россіи, было разбито; послѣ освободительной реформы 1861 г. оно было погублено бюрократіей. Крушеніе бюрократіи должно было въ наше время двинуть для обновленія Россіи не только политическія силы владѣющихъ классовъ, но и соціальныя силы демократіи. Я желалъ бы, чтобы въ той мѣрѣ, въ какой владѣльческое хозяйство необходимо для развитія производительныхъ силъ и политическаго строя, оно осталось, чтобы оно не утонуло въ безбрежномъ морѣ крестьянскихъ хозяйствъ, но въ исторической перспективѣ я ясно вижу, что историческую миссію развитія производительныхъ силъ и, если хотите, капитализма у насъ должно будетъ принять мелкое крестьянское хозяйство. Таковую же миссію могутъ принять только жизнеспособныя крестьянскія хозяйства, которыя перестанутъ надѣяться на какую-либо опеку, а этому ихъ можетъ научить только мобилизація, борьба и образованіе *въ самомъ широкомъ* смыслѣ этого слова. Поэтому, раздробленіе территоріи *въ извѣстныхъ предѣлахъ* [1]) я оправдываю интересами свободы, порядка, увѣренностью, что при собственности и свободѣ мобилизаціи въ указанныхъ выше предѣлахъ развитіе производительныхъ силъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и организація труда пойдетъ успѣшно. А есть ли болѣе важные общественные интересы сравнительно съ этими? Ихъ нѣтъ, только эти условія создаютъ культуру и счастливую жизнь. Въ третьихъ, я не раздѣляю вовсе страха

1) Нѣмцы окрестили это постоянно совершающееся раздробленіе земельной территоріи чрезъ продажу крупныхъ имѣній небольшими участками — именемъ „Guterschlächterei“ Проф Зерингъ видѣлъ въ колонизаціи чрезъ посредство этого „закланія“ крупныхъ имѣній подъ эгидой государства задачу грядущей аграрной политики. Въ настоящій моментъ въ Германіи все болѣе и болѣе приходятъ къ мысли, что при этомъ закланіи имѣній необходимо заботиться о сохраненіи наличнаго капитала, о болѣе рациональномъ раздробленіи на участки, о сохраненіи организованныхъ въ крупныхъ имѣніяхъ промысловъ, объ оставленіи части территоріи внѣ раздробленія на парцеллы Однимъ словомъ становится все болѣе яснымъ, что „поголовное заклапіе“ — не есть еще рѣшеніе аграрной проблемы Намъ надлежало бы внимательно ознакомиться съ исторіей политики по части рентныхъ владѣній въ Германіи за послѣднее время.

передъ мобилизаціей, которымъ пугаетъ проф. Мануиловъ. Я уже отмѣтилъ, что противъ „распыленія“ земли и „чрезмѣрной концентраціи“ можно и должно бороться; это не такъ просто, но не невозможно и во всякомъ случаѣ легче, чѣмъ борьба съ парцелляціей въ самодержавной общинѣ и съ развитіемъ въ ея предѣлахъ эгоистическихъ, хозяйственныхъ инстинктовъ, ведущихъ къ новому торжеству идеи вполнѣ свободной собственности. Я уже сказалъ, что противопоставленіе свободной собственности государственному земельному фонду грѣшитъ фигурой умолчанія, и притомъ самаго существеннаго. Я не боюсь, однако, мобилизаціи, во-первыхъ потому, что и при государственномъ земельномъ фондѣ она неуничтожима, во-вторыхъ потому, что желаю этой мобилизаціи собственности всею душою; не только не желаю ее совершенно уничтожить, но стремлюсь къ ней. Я уже показалъ, что и при государственномъ земельномъ фондѣ придется искать для земли „способнѣйшихъ“ и не стану останавливаться на этомъ далѣе. Но я опредѣленно скажу, что я противъ всякой слащавости и прекраснодушія въ соціальной реформѣ. Исторія нашихъ дней, какъ и всегда, бьетъ: „однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику“ [1]). Для соціальной реформы важны не только люди, но и производительныя силы. „Даромъ ничто не дается и судьба жертвъ искупительныхъ проситъ“. Въ этомъ смыслѣ примѣнительно къ земельной реформѣ можно сказать, что важенъ не только данный крестьянинъ Семенъ Петровъ, но и его земля. Она должна быть устроена въ такой формѣ землепользованія, въ которой можетъ быть обработана наилучшимъ образомъ, ибо продуктъ земли и его воз-

1) Я не скрываю отъ себя того обстоятельства, что справедливая оцѣнка нарушитъ интересы владѣющихъ классовъ. Но развѣ соціальное законодательство создается для охраны интересовъ имущихъ? И да, и нѣтъ. Соціальное законодательство нашего времени — всегда компромиссъ. Она даетъ нѣкоторыя уступки работающимъ классамъ насчетъ владѣющихъ, но, улучшая вообще жизнь, часто одновременно укрѣпляетъ и улучшаетъ положеніе владѣющихъ классовъ Работающее крестьянство было задавлено предшествовавшей экономической политикой бюрократіи. Крестьянство слѣдуетъ оживить, дать ему возможность въ облегченныхъ условіяхъ пересоздать свое хозяйство и результаты окупятся сторицей Пусть владѣющіе классы помнятъ, что крестьянство никогда работать не переставало и исторически оно создавало тотъ прибавочный продуктъ, за счетъ котораго содержались владѣющіе классы. Проектируемая конституціонно-демократической партіей реформа — компромиссъ; она не говоритъ о конфискаціи, а о выкупѣ, и, слѣдовательно, стремится охранить интересы, а не „ограбить“ имущихъ.

растаніе необходимы всѣмъ, всему обществу. Намъ говорятъ: „мы понизимъ платежи съ крестьянъ, находящихся въ угнетенномъ состояніи“. Конечно — это необходимо, но этого мало. Надо поставить крестьянство въ такія условія, чтобы оно могло встряхнуться, стать на ноги, начать совсѣмъ новую жизнь, которая сдѣлаетъ изъ него „хорошую производительную силу и счастливыхъ людей“. Общественное призрѣніе необходимо, но не оно создаетъ соціальнаго здоровья, обилія продукта, живой кипучей энергіи экономической жизни и борьбы. Соціальная реформа не можетъ быть построена на началахъ общественнаго призрѣнія. Ракъ въ желудкѣ не лѣчатъ сахарною водицею. Соціальная реформа должна передать производительныя силы въ должномъ размѣрѣ и въ должныя руки. Будемъ трезвы. Не въ расплывчатомъ прекраснодушіи соціальная реформа. Она требуетъ серьезныхъ затратъ на дѣло и дѣятельной работы со стороны тѣхъ, которымъ будетъ предоставлена возможность открывать новые пути въ экономической жизни. Если Семенъ Петровъ будетъ неряха, будетъ только голодать и держать землю въ запустѣніи, пусть лучше онъ ее продастъ, уйдетъ въ батраки, въ городъ, куда угодно. Такого Семена не спасутъ никакіе государственные земельные фонды. . . Только мобилизація, соотвѣтственнымъ образомъ регулированная, какъ я указалъ выше, спасетъ насъ отъ окостенѣнія, отъ голодовокъ, отъ всероссійской безпомощности и безпризорности и, при общемъ подъемѣ просвѣщенія, сдѣлаетъ изъ нашего крестьянина человѣка, который сумѣетъ организовать и свое хозяйство, и прочный соціально-политическій порядокъ. И этого мы можемъ достигнуть, какъ говоритъ марксистская доктрина, *только трезъ неравенство и собственность* [1]). А

1) Разбирая законодательныя попытки прусскаго министра финансовъ Микеля, проф. Брентано писалъ: „если бы мы пришли къ повсемѣстному введенію рентныхъ владѣній (Rentenguter), то навѣрно пришли бы къ всеобщему же устраненію этой формы владѣнія и это было бы новымъ торжествомъ идеи свободной собственности“ Я не раздѣляю вполнѣ пессимизма проф Брентано, но полагаю, что въ соображеніяхъ его есть значительная доля истины. Чѣмъ меньше ограниченій государство внесетъ въ право распоряженія надѣломъ, тѣмъ прочнѣе установится эта новая форма собственности Въ такой необъятной странѣ, какъ Россія, государственное управленіе всѣмъ земельнымъ дѣломъ встрѣтитъ громадныя препятствія въ сърганизовавшемся личномъ интересѣ держателей надѣловъ, какъ въ общинахъ, такъ и подворныхъ сельскихъ обществахъ См. L. Brentano. Die Agrarreform in Preussen, Berlin, 1897 г.

тамъ, въ перспективѣ, мало ли что еще будетъ? О далекомъ восходѣ соціальнаго солнца я пока не мечтаю. Если бы я былъ пропагандистомъ въ крестьянской средѣ, я бы безконечное число разъ повторялъ нашимъ общинникамъ: „Пришло время и реформа жизни близится; нелѣпые законы лишили васъ права по окончаніи выкупа разверстать ваши земли, на что вы имѣли законное право по общему положенію 1861 г.; государственная дума дастъ вамъ необходимую прибавку земельнаго надѣла. Примите ее въ собственность съ обязательствомъ за страхъ и рискъ каждаго заботиться о своемъ благѣ и оправдывать всѣ платежи. Подумайте, не пора ли вамъ соединить эту новую землю со старой и разверстать въ нераздробляемые участки въ собственность. Разверстайте эту старую и новую землю поскорѣе и работайте спокойно, надѣясь на себя, свой трудъ и иниціативу. Развивайте свое знаніе, товарищескую организацію!“ И, господа, какъ хотите, но на протяженіи жизни пынѣшняго поколѣнія, я убѣжденъ, крестьяне это сдѣлаютъ — на благо Россіи [1]).

---

1) Въ статьѣ: „Въ защиту государственнаго земельнаго фонда“, помѣщенной въ „Рус. Вѣд“. (№ 184 за 1906 г.) г. Я. Имшенецкій пытается защитить идею госуд. фонда. Не могу признать его доводы сколько нибудь убѣдительными. Въ нихъ, однако, заключается кое что очень характерное и потому я остановлюсь на нихъ. По его мнѣнію, „никто не думаетъ, что земли, независимо отъ условій ихъ пріобрѣтенія государствомъ, могутъ быть раздаваемы земледѣльческому населенію даромъ, такъ какъ безмездная передача кому бы то ни было нетрудовыхъ доходовъ не можетъ входить въ задачу государства“. При провозглашеніи идеи государственнаго фонда онъ полагаетъ, что „та плата которую государство будетъ брать за пользованіе землею, не будетъ находиться въ зависимости отъ того, за какую сумму государствомъ пріобрѣтена земля... Обезпеченіе землею въ количествѣ, недостигающемъ трудовой нормы, неизбѣжно дѣлаетъ въ такомъ хозяйствѣ землю менѣе рентабельной и государство, поэтому, вынуждено понижать плату за отводимую въ пользованіе землю въ зависимости отъ степени маломѣрности хозяйственныхъ участковъ“... „Получая на первое время не полную ренту, пишетъ онъ далѣе, государство вынуждено покрывать часть расходовъ по уплатѣ процентовъ и капитала за отчужденную землю изъ другихъ источниковъ. Это обремененіе можетъ быть разложено на всѣ болѣе состоятельные классы и будетъ временно“. „Самое же главное заключается въ томъ, что въ рукахъ государства остается столь важный факторъ, какъ земля, и уже одно это обстоятельство способно оправдать неизбѣжность нѣкоторыхъ жертвъ“. Я уже говорилъ выше, что не слѣдуетъ возлагать слишкомъ большихъ ожиданій на возможность такого искусственнаго пониженія платы за землю. Особеннаго обилія государственныхъ средствъ у насъ нѣтъ и возможность переложенія тяжести земельной реформы на другіе классы, въ особенности при обширныхъ размѣрахъ экспропріаціи, проблематична. Но не въ этомъ дѣло. Аргументъ, что при государственномъ земельномъ фондѣ, и только при немъ, оправдывается такое пониженіе, никуда не пригоденъ. Если пониженіе возможно,

Эти послѣднія строки были написаны въ тотъ моментъ, когда старая Дума вырабатывала свое извѣстное обращеніе къ народу. Теперь ея уже болѣе нѣтъ. Но новая Дума будетъ и только при ея творческой работѣ и энергіи народъ получитъ всѣ желанныя реформы. Пусть народъ

если оно оправдывается соображеніями цѣлесообразности и справедливости, то такое пониженіе должно быть сдѣлано и будетъ сдѣлано, въ какой бы формѣ не состоялась передача земли, на началахъ ли фонда или собственности Авторъ полагаетъ, что, передавая землю въ собственность, государство дѣлаетъ ее источникомъ нетрудового дохода, а посему должно требовать уплаты полной стоимости этой земли и полной ренты. „Конечно, пишетъ онъ, въ собственность земля будетъ пріобрѣтаться и мелкими земледѣльцами для нуждъ земледѣльческаго промысла. Но опредѣлить напередъ, будетъ ли пріобрѣтенная на льготныхъ условіяхъ земля использована для этихъ именно цѣлей, или же для сдачи въ аренду и даже для перепродажи по болѣе высокой цѣнѣ въ громадномъ числѣ случаевъ рѣшительно невозможно“ Въ этой аргументаціи имѣются два совершенно невѣрныхъ соображенія Во первыхъ, въ собственность будутъ раздаваемы такіе же маломѣрные участки и, слѣдовательно, о нетрудовомъ доходѣ въ той же мѣрѣ говорить невозможно, какъ и въ первомъ случаѣ Передача въ собственность или въ пользованіе нисколько не измѣняетъ экономическаго характера даннаго средства производства. Пользованіе, вѣдь, также предполагаетъ самостоятельное хозяйство и обладаніе всѣмъ полученнымъ продуктомъ. Юридическій титулъ владѣнія только оказываетъ вліяніе на прочность владѣнія и хозяйственные стимулы При собственности, по мнѣнію противниковъ фонда, эти стимулы прочнѣе и вѣрнѣе, создаютъ полную надежду, что хозяйство станетъ на ноги Справедливая оцѣнка именно и оправдывается соображеніями этой хозяйственной цѣлесообразности начала собственности Во вторыхъ, я уже неоднократно говорилъ, что и при собственности вполнѣ возможна передача ея именно въ тѣ руки, въ которыхъ она, т. е. земля, наиболѣе нужна Передача земли въ руки общинъ, какъ я показалъ, вовсе не означаетъ еще, что государство въ состояніи будетъ услѣдить, что землею пользуются на началахъ соціальной справедливости. Само же государство слѣдить за всѣмъ земельнымъ дѣломъ не можетъ : это соціальная утопія. Авторъ, впрочемъ, имѣетъ и еще одинъ аргументъ, который отлично показываетъ всю необработанность и неясность идеи государственнаго земельнаго фонда Онъ пишетъ: “весь смыслъ, все значеніе собственности заключается именно въ томъ, что она даетъ большую независимость хозяйственной дѣятельности, большую свободу распоряженія извѣстной суммой производительныхъ силъ, возможность направлять хозяйственную дѣятельность и предпріимчивость по любому пути Если же ограничить право продажи земель, создать разнообразныя стѣсненія въ области мобилизаціи земли, то весь смыслъ полнаго владѣнія землею пропадаетъ. При ограниченномъ правѣ собственности на землю она для мелкаго земледѣльца можетъ оказаться путами, связывающими его хозяйственную дѣятельность Если свободное владѣніе землею — зло, то лучше его прямо упразднить, хотя бы частично, чѣмъ вмѣсто собственности насаждать на государственный счетъ какую то полусобственность“ По правдѣ сказать, я совершенно не понимаю послѣдней фразы. При ограниченной собственности, вѣдь, именно и устраняется только „частично“ свободное владѣніе землею. Чего же хочетъ авторъ? Онъ полагаетъ, что „если государство хочетъ насаждать мелкую земельную собственность, то необходимо оставить для нея полную свободу, иначе будутъ созданы совершенно ненужныя затрудненія для свободнаго и нормальнаго развитія хозяйственной дѣятельности“ Очевидно, что первая тирада не сходится со второй и это вполнѣ понятно. Авторъ чувствуетъ, что и пользованіе есть ничто иное, какъ только полусобственность, но по-

ждетъ отъ своихъ представителей оздоровленія страны. Какъ бы тяжко не было настоящее, но будущее принадлежитъ свободной Россіи. Въ счастливое будущее Россіи я вѣрю и за грозными тучами современности, за раскатами грома, я вижу зарю новой жизни. И мнѣ хочется сказать: борцы, не теряйте энергіи: все минется, а правда и Русскій народъ останутся! При плодотворной, настойчивой, реальной работѣ потечетъ наша жизнь роскошнымъ культурнымъ потокомъ . .

чему онъ считаетъ возможнымъ при ней видѣть какой то просторъ для развитія хозяйственной иниціативы, онъ не указываетъ. При той полусобственности, которую я намѣтилъ, на Западѣ хозяйство достигло наибольшаго расцвѣта; тоже, вѣроятно, будетъ и у насъ, При торжествѣ идеи пользованія мы будемъ имѣть дѣло только съ общиной, а въ мѣстахъ съ подворнымъ владѣніемъ только съ какимъ то мертворожденнымъ институтомъ Если бы г Имшенецкій доказалъ, что самая идея государственнаго фонда, какъ таковая, какъ какая то само-цѣль, приведетъ крестьянское хозяйство къ процвѣтанію, онъ былъ бы, быть можетъ, правъ Абстрактная же принадлежность земли государству не двинетъ впередъ развитіе экономической жизни ни на шагъ. Прогрессъ зависѣлъ и будетъ зависѣть отъ реальныхъ держателей земли, а не отъ абстрактнаго юридическаго титула государственной собственности Пользованіе есть также полусобственность, но наиболѣе неудачная форма полусобственности, опутывающая держателя земли такими узами, которыя онъ возможно скорѣе постарается разорвать Въ представленіи г. Имшенецкаго идея государственнаго фонда, такимъ образомъ, представляется еще болѣе сбивчивой, неясной и противорѣчивой. Предъ его умственнымъ взоромъ стоитъ идея націонализованной государственной земли, но онъ совершенно не старается придать ей какое бы то ни было реальное, жизненное значеніе. Онъ, повидимому, хочетъ упразднить совершенно идею собственности на землю и защищаетъ пользованіе, т е. такую же полусобственность. Пользованіе, какъ оно рекомендуется г Имшенецкимъ и проф Мануиловымъ, не похоже даже на вѣчно-наслѣдственную аренду. Оно кажется чѣмъ то новымъ и необычнымъ, по существу же представляетъ ничто иное, какъ возстановленіе архаической формы общиннаго владѣнія. Институтъ же вѣчно-наслѣдственной аренды весьма близокъ къ той собственности, которую я защищаю Вѣчно-наслѣдственная аренда также индивидуалистична и также допускаетъ мобилизацію съ извѣстными ограниченіями

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИЗ...
АКАДЕМІЯ ...

Оглавленіе.

		Стр.
1.	Земельная реформа и соціалъ-утописты. Націонализаторы	3
2	Хватитъ ли на всѣхъ земли? . . .	35.
3.	Государственный земельный фондъ и соціальная реформа	59.

P S Эти статьи были напечатаны въ журналахъ „Свобода и Культура“ и „Право“. Въ настоящемъ изданіи онѣ вновь переработаны и значительно дополнены Я предвижу, что эта брошюра вызоветъ рѣзкую критику, но считаю своимъ нравственнымъ долгомъ защищать тѣ идеи, въ которыхъ глубоко убѣжденъ

Поправка.

На стр. 45, стр. 21 послѣ словъ „не соотвѣтствуетъ опредѣленности программы“ слѣдуетъ читать „Націонализація эта, однако, нисколько не сохраняетъ помѣщичьяго хозяйства, но открываетъ широко двери для торжества мелкаго, кулацкаго хозяйства.“